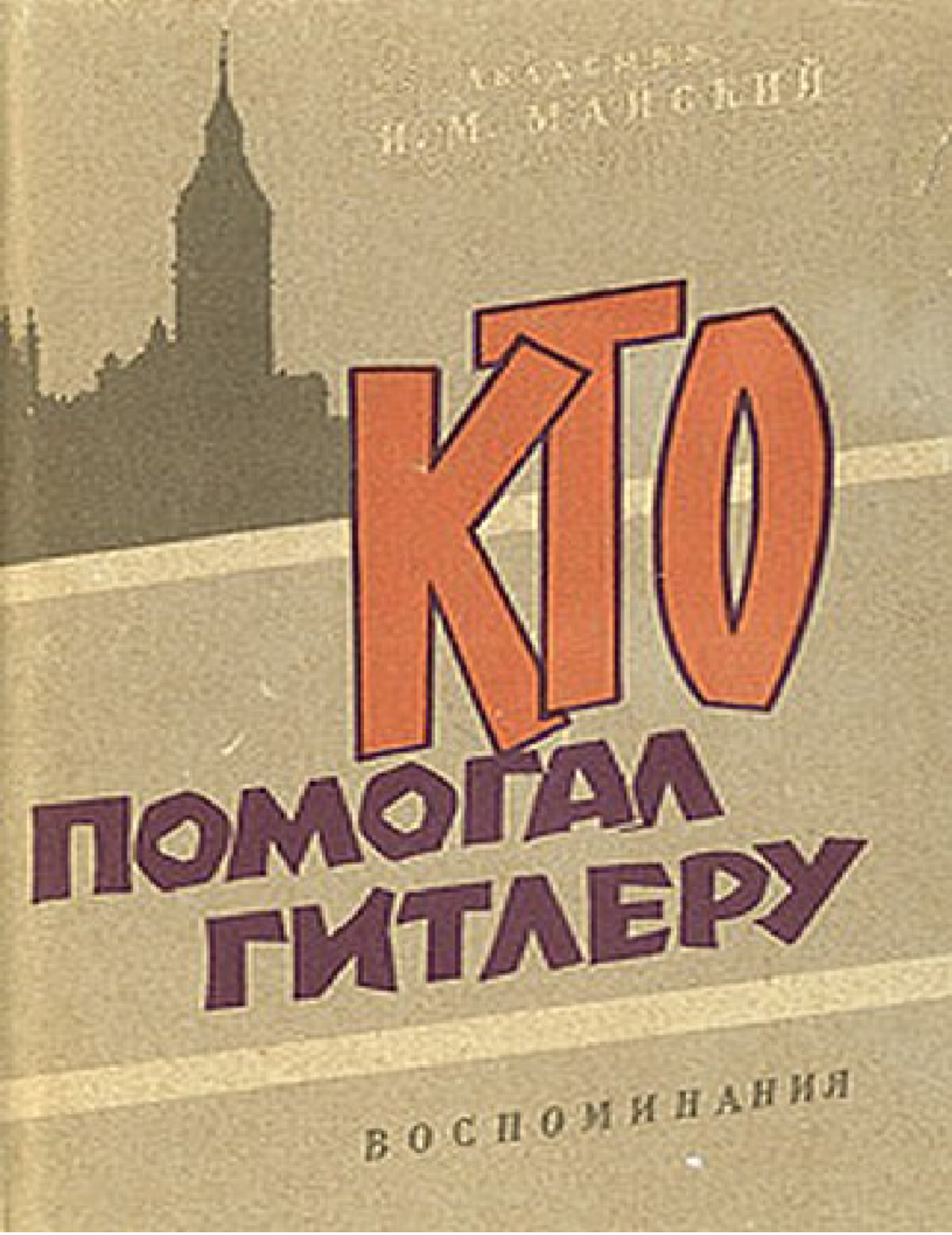
И. М. МАЙСКИЙ
КТО
ПОМОГАЛ
ГИТЛЕРУ
ВОСПОМИНАНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В настоящее время прилагается много усилий со стороны историков капиталистического мира, чтобы как-нибудь сгладить отрицательное впечатление от позора и глупости западной демократии, принявшей более двух десятилетий тому назад мюнхенское соглашение. Пытаются найти смягчающие вину обстоятельства, стремятся хоть немного реабилитировать ее «героев» и т. д.

В своих воспоминаниях академик И. М. Майский рассказывает правду о событиях тех дней, ибо ему, как послу СССР в Англии в те годы, пришлось близко сталкиваться с людьми и событиями предвоенной эпохи.

- ○ Академик И. М. МАЙСКИЙ
  - ■ Предисловие
  - ■ До 1939 года
    - ■ Наказ Советского правительства
    - ■ Что я нашел в Англии
    - ■ Борьба за торговое соглашение
    - ■ Кратковременная оттепель и ее причины
    - ■ Шаги к сближению
    - ■ Черчилль и Бивербрук
    - ■ Похолодание
    - ■ Ниже нуля
    - ■ Мюнхен
    - ■ Жульнический трюк Чемберлена
    - ■ На рубеже 1939 года
  - ■ В 1939 году
    - ■ Захват Чехословакии и маневры Чемберлена
    - ■ СССР предлагает пакт взаимопомощи
    - ■ Два проекта пакта
    - ■ Называть или не называть?
    - ■ Пакт и военная конвенция
    - ■ Подготовка к военным переговорам
    - ■ Военные переговоры в Москве
    - ■ Дилемма Советского правительства
    - ■ Крах тройных переговоров и вынужденное соглашение с Германией
  - ■ Заключение
- ○ Указатель имен
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

Академик И. М. МАЙСКИЙ
Кто помогал Гитлеру
Из воспоминаний советского посла

Предисловие

Недруги СССР за рубежом создали и широко популяризовали фальшивую легенду о поведении Советского правительства в самый канун второй мировой войны. Сущность этой легенды сводится к следующему.

Утверждается, будто бы весной и летом 1939 года (с марта по август) Советский Союз играл двойную игру: с одной стороны, вел открытые переговоры с Англией и Францией о заключении тройственного пакта взаимопомощи для борьбы против гитлеровской Германии, а с другой стороны, параллельно, за спиной Англии и Франции, вел тайные переговоры с гитлеровской Германией для заключения соглашения, направленного против «западных демократий». Будто бы, далее, Советский Союз, придираясь к различным несущественным мелочам, искусственно затягивал переговоры с Англией и Францией, выжидая конца своих переговоров с Германией, а когда все-таки наступил момент подписания тройственного пакта, он вдруг круто изменил свою позицию, порвал с Англией и Францией и заключил соглашение с Германией, соглашение, которое (об этом говорится обычно нарочито туманно) являлось чуть ли не военным союзом, направленным против Англии и Франции. Наши недруги заявляют, наконец, будто бы подписание Советским Союзом соглашения с Германией открыло ворота для нападения Гитлера на Польшу, Англию и Францию и что тем самым на СССР ложится ответственность за развязывание второй мировой войны.

Эта злостная легенда, происхождение которой относится к 1939–1940 годам, в послевоенный период систематически разрабатывалась и дополнялась всевозможными подробностями, обрастала многочисленными вариантами и широко популяризовалась политиками, журналистами и историками на Западе. Эта зловредная легенда пробивала себе дорогу даже в наиболее высокие дипломатические документы капиталистических правительств, вплоть до нот бывшего президента США Эйзенхауэра.

А между тем названная легенда является классическим образцом буржуазной фальсификации истории, рассчитанным на

короткую память и малое знакомство широких кругов с подлинными фактами международных отношений. Фальсификация была тут двоякая. Во-первых, грубо извращались самые события весны и лета 1939 года. Во-вторых, они брались изолированно, в отрыве от прошлого, из которого они выросли, а ведь такое изображение событий лишает возможности правильно их понять и оценить. И для того чтобы легче «продать», как говорят американцы, эту фальсификацию широкой публике, ее авторы обычно избегали подробного описания истории тройных переговоров, а предпочитали говорить о них «вообще», кратко, суммарно, без деталей, исходя при этом якобы из «общеизвестного», не требующего доказательств положения, что в крахе переговоров виноват Советский Союз.

На следующих страницах я расскажу подлинную правду о том, что действительно происходило в отношениях СССР с Англией, Францией и Германией весной и летом 1939 года. У меня есть особые преимущества для выполнения такой задачи. С одной стороны, как советский посол в Лондоне в те дни я был свидетелем и участником тройных переговоров 1939 года между СССР, Англией и Францией, с другой — как историк в послевоенный период я имел возможность изучить всю ту литературу (документы, мемуары, монографии и т. д.) о кануне второй мировой войны, которая была опубликована после ее окончания.

Однако для того чтобы правда, которую я расскажу, была настоящей правдой, я должен начать свое изложение не с 1939 года, а со значительно более ранней даты. Эта дата, естественно, определяется той гранью, которая является водоразделом в эпохе между двумя войнами, — приходом гитлеризма к власти в Германии.

Такая дата начала рассказа очень удобна и лично для меня. Своему повествованию я решил придать форму воспоминаний, ибо такая форма легче донесет до читателя атмосферу и события тех уже сравнительно отдаленных лет. Я же прибыл в Лондон в качестве посла СССР осенью 1932 года, то есть всего за три месяца до нацистского переворота в Берлине.

Таким образом, как общеполитический, так и личный моменты делают особенно удобным начать мое повествование с первых впечатлений, полученных мной сразу же по приезде в Англию.

Хотя события, о которых пойдет речь на последующих страницах, имеют более чем 20-летнюю давность, они живо перекликаются с событиями сегодняшнего дня.

В самом деле, тогда, как и теперь, международный

политический горизонт был обложен тяжелыми грозовыми тучами. Тогда, как и теперь, основной проблемой, стоявшей перед человечеством, являлась проблема, быть или не быть мировой войне? Тогда, как и теперь, лагерь социализма, представленный в те дни лишь Советским Союзом, всеми силами отстаивал дело мира, а лагерь капитализма, охватывавший в те дни все остальные страны и государства, слепо и преступно рвался к войне и в конечном счете привел человечество к страшной катастрофе. Когда сейчас слышишь речи нынешних лидеров капитализма, часто думаешь, то же самое в 30-х годах говорили Чемберлен и Даладье, — по-видимому, сыновья ничему не научились из опыта отцов.

Значит ли это, однако, что дело опять должно кончиться новой и еще более ужасной мировой войной?

Нет, не значит, ибо за минувшие 20 с лишним лет резко изменилось соотношение сил на международной арене.

Тогда СССР был единственным на нашей планете социалистическим государством, а теперь имеется целое созвездие таких государств, в их числе столь могучее, как Китайская Народная Республика. Под красным знаменем социализма в наши дни стоит свыше трети всего человечества; другая треть приходится на нейтралистские страны, которые также являются поборниками мира и противниками войны. В лагере воинствующего капитализма ныне остается лишь около трети человечества, да и внутри этой трети имеется немало друзей мира. Именно такое соотношение сил на международной арене дает нам основание считать, что третья мировая война отнюдь не является неизбежной и что при надлежащей активности и энергии со стороны сил мира она может быть предупреждена.

В такой обстановке полезно вспомнить то, что происходило накануне второй мировой войны. Особенно важно показать феноменальную историческую слепоту тогдашних правительств западных держав, не видевших и не желавших видеть пропасть, в которую они увлекали человечество, слепоту, вытекавшую из их ненависти к коммунизму, к Советскому государству. Яркая картина этой слепоты и порожденных ею роковых последствий может помочь более благоразумным элементам современного капиталистического лагеря усвоить уроки недавнего прошлого и тем самым облегчить победу сил мира над силами войны.

Автор

До 1939 года

Наказ Советского правительства

Осенью 1932 года я был назначен послом СССР в Англии и в конце октября того же года, после получения «агремана» со стороны британского правительства, выехал в Лондон.

Какие задачи ставило передо мной Советское правительство? С какими намерениями, планами и настроениями я отправлялся к месту моей новой работы?

Могу смело сказать: Советское правительство посылало меня в качестве вестника мира и дружбы между СССР и Великобританией, и сам я с радостью и охотой взялся за выполнение такой миссии. Отнюдь не переоценивая своих сил, я заранее решил сделать максимум возможного для улучшения отношений между Москвой и Лондоном. Причины, лежавшие в основе указанных стремлений Советского правительства, были более общего и более частного характера.

Причины более общего характера сводились к самой природе Советского государства как мирного государства, в котором нет тех классов или группировок, которые могли что-либо выиграть от войны. Рабочие, крестьяне, интеллигенты — те социальные элементы, из которых состоит советское общество, — могут только потерять от войны. Это совсем не означает, конечно, что они за мир во что бы то ни стало, — нет, нет! Большевики — не толстовцы. Как поется в известной советской песне, наш «бронепоезд» всегда стоит на запасном пути, поддерживается на уровне самой новейшей военной техники и, в случае какой-либо опасности для Советского государства, немедленно пускается и будет пускаться в ход. Однако по существу мы не хотим войны, мы ненавидим войну и в меру человеческих возможностей стараемся избежать войны. Мы с головой ушли в построение социализма и коммунизма, здесь наши ум и сердце, и мы не желаем ничего такого, что могло бы отвлечь нас от этой горячо любимой работы, а тем более серьезно ей помешать Такова всегда была и есть генеральная линия Советского государства. Если тем не менее СССР на протяжении его 44-летней истории пришлось немало воевать, то это объяснялось тем, что война навязывалась нам враждебными внешними силами, стремившимися стереть с лица земли первую в мире социалистическую страну. Так было в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Так было в дни Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Причины более частного характера, еще усугублявшие стремление Советского правительства жить в мире и дружбе с Англией, в момент моего назначения послом в Лондон сводились, с одной стороны, к некоторым особенностям внутреннего

положения страны, а с другой — к быстро нараставшей опасности фашизации Германии.

Остановлюсь сначала на внутреннем положении СССР. Когда я выезжал в Англию, первая пятилетка подходила к концу. Фундамент нашей новой промышленности был заложен, но плодов героических усилий, которых это стоило, приходилось ожидать в будущем. Колхозный строй только что родился, но борьба против него со стороны кулачества еще не прекратилась. Страна испытывала продовольственные трудности. Товаров широкого потребления было недостаточно За пределами СССР свирепствовал жестокий экономический кризис (знаменитый кризис 1929–1933 гг.). Мировые цены на сырье и пищевые продукты, экспортом которых главным образом мы в те годы оплачивали ввозимые из-за границы машины, страшно пали. Валютных поступлений было мало Советская золотопромышленность еще проходила первые этапы своего возрождения после разрухи, вызванной гражданской войной и интервенцией, а также хозяйничаньем концессионеров из «Лена Голдфилдс» в 20-х годах. В результате аккуратно выдерживать оплату импортируемого из-за рубежа оборудования для промышленности было чрезвычайно трудно. Помню, зимой 1932/33 года, когда я уже работал в Лондоне, бывали просто критические моменты.

Однако Советское правительство всегда платило день в день, час в час. Мы очень ценили установившуюся на мировом рынке репутацию СССР как безупречного плательщика по своим обязательствам и не жалели усилий для сохранения такой репутации. Все это, естественно, побуждало Советское правительство избегать каких-либо внешнеполитических осложнений, которые могли бы создавать трудности для нашей торговли и вызывать необходимость непредвиденных расходов.

Это была не только благородная, но и чрезвычайно умная политика, однако выдерживать ее в те годы было, ох, как нелегко.

Теперь о Германии В конце 1932 года Веймарская республика явно находилась в состоянии полного распада. Нацисты быстро шли в гору и завоевывали одну позицию за другой. Раскол в рядах пролетариата был глубок, и социал-демократы упорно отказывались от совместных действий с коммунистами против фашизма. В такой обстановке приход к власти Гитлера становился весьма вероятным, а, если это случилось бы, какой эффект данный факт оказал бы на всю европейскую ситуацию? Как отразился бы он в особенности на германо-советских отношениях? Ничего хорошего тут ждать, конечно, не приходилось.

Перед отъездом в Лондон я имел большой разговор с тогдашним наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым, при котором он дал мне общие директивы касательно предстоявшей мне работы в Англии.

— Вы понимаете, конечно, — пояснил Максим Максимович, — что это не мои личные директивы, а директивы более высоких органов.

Я очень хорошо запомнил тот разговор и считаю нелишним воспроизвести здесь его важнейшие части.

Советская внешняя политика, — говорил М.М. Литвинов, — есть политика мира. Это вытекает из наших принципов, из самых основ Советского государства. Базис нашей внешней политики никогда не изменяется, однако при практическом осуществлении этой политики приходится считаться с конкретной международной обстановкой. До сих пор наилучшие отношения у нас были с Германией, и в своих действиях мы старались, насколько возможно, поддерживать единый фронт с Германией или во всяком случае принимать во внимание ее позицию и интересы. Но Германия, с которой мы имели дело, была веймарской Германией. Сейчас она явно находится при последнем издыхании. На этот счет не следует делать себе никаких иллюзий. Не сегодня-завтра к власти придет Гитлер, и ситуация сразу изменится. Германия из нашего «друга» превратится в нашего врага. Если такова перспектива, то какой вывод мы должны отсюда сделать? Очевидно, тот, что теперь в интересах политики мира нам надо попробовать улучшить отношения с Англией и Францией, особенно с Англией, как ведущей державой капиталистической Европы. Правда, оба эти государства до сих пор относились к нам враждебно…

Максим Максимович в подтверждение своей мысли перечислил тут некоторые важнейшие факты (руководящее участие Англии и Франции в интервенции 1918–1920 гг., ультиматум Керзона в 1923 г., налет на АРКОС и разрыв англо-советских дипломатических отношений в 1927 г., бешеные антисоветские кампании в 1930–1931 гг.) и затем продолжал:

— Но сейчас объективная мировая обстановка меняется: нацисты, придя к власти, конечно, подымут страшный реваншистский шум, станут вооружаться, требовать назад колонии и т. д. Это должно хоть отчасти образумить правящие круги Англии и Франции и заставить их думать о союзниках против Германии Тогда они вынуждены будут вспомнить об Антанте эпохи мировой войны и, стало быть, о нашей стране. Это создаст более благоприятную обстановку для вашей работы в Лондоне. Но расчета на самотек здесь мало. Вашей задачей

является использовать до максимума складывающуюся в Англии обстановку в интересах англо-советского сближения.

— Согласен с вашей оценкой положения и вашими выводами, — сказал я, — но как вы себе представляете ближайшие конкретные действия?

— Буду сейчас говорить только об Англии, куда вы едете, — ответил М. М. Литвинов. — Чего надо здесь добиваться в первую очередь? Всемерного расширения наших связей с консерваторами. В политической жизни Великобритании доминируют две силы — консерваторы и оппозиция им, состоящая из либералов и лейбористов. Когда-то первую скрипку в оппозиции играли либералы, но это время прошло: в наши дни либералы катятся вниз, дробятся, слабеют. Основная роль в оппозиции все больше переходит к лейбористам. Заметьте, все положительные акты в области англо-советских отношений до сих пор исходили от либералов или лейбористов. Так, например, первое и очень важное торговое соглашение между Англией и Советской Россией в 1921 году было заключено правительством, во главе которого стоял Ллойд Джордж; дипломатические признание СССР в 1924 году было проведено первым лейбористским правительством; восстановление порванных в 1927 году дипломатических отношений между обеими странами было осуществлено вторым лейбористским правительством в 1929 году. Напротив, от консерваторов мы до сих пор видели только плохое. Это жаль, потому что все-таки «хозяевами» Англии были и остаются консерваторы. И, пока консерваторы не изменят своей позиции, наши отношения с Англией будут оставаться непрочными, подверженными всяким случайностям.

Максим Максимович поправил на столе стопку лежавших перед ним бумаг и затем закончил:

— В Лондоне у нас были и есть хорошие отношения с лейбористами — эти отношения нужно всячески культивировать, они очень важны, особенно с учетом перспектив на будущее. У нас имеются там неплохие отношения и с определенными группами либералов — примите все меры к их укреплению и расширению. Но зато среди консерваторов мы не имеем почти никаких связей. А ведь они — повторяю еще раз — настоящие «хозяева» Англии! Вот почему ваша первейшая и самая важная задача — пробить ту ледяную стену, которая отделяет наше лондонское посольство от консерваторов, и установить возможно более широкие и прочные контакты именно с консерваторами. Если это удастся, будет сделан полезный шаг в борьбе против германской агрессии. Продумайте ваши ближайшие шаги после прибытия в Лондон и сообщите мне, тогда мы поговорим еще раз.

Дня два спустя я снова был у наркома и сообщил ему намеченную мной программу первых действий в Англии. Она сводилась к трем основным пунктам:

Сразу по вручении верительных грамот я даю английской прессе интервью.

Возможно больше расширяю цепь визитов, которые вновь назначенному послу предписываются дипломатическим этикетом, ии захватываю при этом не только узкий круг лиц, связанных, с министерством иностранных дел, но также ряд членов правительства, видных политиков, людей Сити и представителей культуры.

3. Делаю особое ударение на проблеме расширенна англо-советской торговли.

М.М. Литвинов одобрил мои планы и спросил, заготовил ли я текст моего будущего интервью. Тут же я вручил наркому его проект. Он прочитал этот проект, сделал несколько мелких редакционных поправок и затем утвердил его в окончательной форме. Интервью гласило;

> «Приступая к исполнению своих обязанностей в качестве посла СССР в вашей стране, я считаю необходимым прежде всего подчеркнуть, что правительство и народы Советского Союза, чуждые каких-либо агрессивных намерений, хотят жить в мире и добром согласии с Великобританией, равно как и со всеми частями Британской империи. Политика СССР есть политика мира. Это неоднократно иллюстрировалось в прошлом, это находит свое чрезвычайно яркое выражение и сейчас».

Приведя в доказательство последнего утверждения перечень договоров о ненападении, заключенных или находящихся в стадии подготовки к заключению между СССР и другими странами, а также позицию советской делегации на открывшейся в феврале 1932 года конференции по разоружению в Женеве, я продолжал:

> «С тем большей готовностью СССР стремится к развитию дружественных отношений с Великобританией, с которой он имеет столько разнообразных соприкосновений в экономической области. Успешное завершение первой пятилетки, давшей громадный рост производительных сил СССР., и предстоящее осуществление второй пятилетки, результатом которой явится сильный подъем благосостояния трудящихся масс

нашей страны, представляют хороший фундамент для развития и укрепления советско-британских экономических, а следовательно, и политических отношений.

Я надеюсь, что столь присущий английскому народу здравый смысл и никем не превзойденное умение считаться с фактами (а 15-летнее существование и развитие СССР является неоспоримым фактом, от которого никуда не уйдешь) сильно облегчат осуществление этой задачи. Будучи величайшим благом для обеих стран, улучшение отношений между ними в то же время представляло бы собой чрезвычайно крупный фактор международного мира, что было бы особенно важно в наши беспокойные и трудные дни».

Заканчивал я интервью несколькими словами персонального характера:

«Лично я, — говорилось в интервью, — встретил свое назначение послом СССР в Великобритании с большим удовлетворением. На протяжении минувших 20 лет мне не раз приходилось жить и работать в вашей стране, И я имел случай ближе познакомиться с английским народом и лучше оценить английскую культуру. У меня есть также чувство признательности к Англии, в годы, предшествовавшие революции, предоставившей мне право убежища в качестве политического изгнанника[1]. Я считал бы себя поэтому особенно счастливым, если бы мне удалось способствовать делу сближения между СССР и Великобританией».

Дух, которым было проникнуто заготовленное мной интервью, настолько ясен, что не требует комментариев.

Оба моих разговора с М. М.Литвиновым происходили в первой половине октября-1932 года. Но 17 октября из нашего посольства в Лондоне пришла телеграмма, в которой сообщалось, что накануне британский министр иностранных дел сэр Джон Саймон специальной нотой денонсировал англо-советское торговое соглашение 1930 года, заключенное нами со вторым лейбористским правительством. Это был неожиданный и явно антисоветский акт, о котором подробнее мне придется говорить ниже. Два дня спустя М. М. Литвинов вызвал меня и сказал:

— Вы собирались начать свою деятельность в Англии с интервью, текст которого я утвердил Вообще говоря, это было бы правильное выступление при наличии нормальных отношений между СССР и Великобританией. Однако сейчас, после одностороннего денонсирования англо-советского торгового

соглашения, положение изменилось: Лондон открыто продемонстрировал свое нерасположение к нам. В такой обстановке от интервью столь дружественного характера, как ваше, лучше воздержаться.

В результате вышецитированное интервью умерло, не успев родиться. Я привожу, однако, текст несостоявшегося интервью, чтобы наглядно показать, какие на строения господствовали в Москве, когда я садился в поезд, для того чтобы ехать к месту моей работы в качестве посла СССР в Англии.

С полным убеждением я еще раз повторяю: Советское правительство и советский народ искренне и серьезно желали установления самых добрых отношений между Советским Союзом и Великобританией.

Но, как известно, дружба — двусторонний акт. Мало было советской стороне желать наилучших отношений с Великобританией — надо было, чтобы такое же желание имелось и с английской стороны. Было ли оно?..

Пусть на этот вопрос ответят факты.

Что я нашел в Англии

Несколько ярких воспоминаний всплывают у меня в памяти, когда я думаю, как правящая Англия встретила меня в ту далекую осень 1932 года. Речь шла, конечно, не обо мне как личности, а обо мне как после Советского Союза и, стало быть, о Советском Союзе как народе и государстве. Эти воспоминания лучше, чем длинные рассуждения, покажут, чем отвечали господствующие классы Англии на то вполне искреннее желание дружбы и сотрудничества, которым были проникнуты Советское правительство и советский народ.

Первое воспоминание касается области англо-советской торговли. Я уже говорил, что, готовясь к поездке в Лондон, я собирался в своей деятельности в качестве посла особое ударение делать на всемерном расширении коммерческих операций между обеими странами. И вот случай хотел наглядно показать мне, с какими трудностями я должен буду встретиться как раз на этом пути.

Накануне моего прибытия в Англию воскресная газета «Санди кроникл» внезапно «открыла» ужасающее происшествие: оказывается, «Москва» контрабандным путем, «в гробах иностранного происхождения», ввезла в Англию русские спички, на коробках которых в качестве торговой марки было изображено «святое сердце» пронзенное кинжалом»! Газета неистовствовала и требовала от правительства самых решительных мер против

подобного «святотатства» Сенсация «Санди кроникл» была немедленно подхвачена целым рядом других органов печати В политических и парламентских кругах быстро поднялась антисоветская волна Началась бешеная кампания против торговли с СССР. Атмосфера с каждым днем все больше накалялась. Напрасно директор АРКОСа[2] протестовал против нелепых обвинений и доказывал, что на советских спичках никогда не было никаких антирелигиозных эмблем, — его не хотели слушать. Неизвестно, чем бы кончилась вся эта шумиха, если бы, к счастью, очень скоро не обнаружилось, что пресловутые коробки спичек были доставлены не из СССР, а из Индии, и не в каких-либо «гробах», а в самых прозаических деревянных ящиках, и что индийские фабриканты меньше всего думали о святотатстве, так как, по индийским понятиям, сердце, пронзенное кинжалом, является высоким и прекрасным символом.

Другое воспоминание носит несколько иной характер. 8 ноября 1932 г. я вручил свои верительные грамоты английскому королю и, стало быть, юридически оформил свое положение как посла СССР в Великобритании. На следующий день, 9 ноября, мне пришлось уже в качестве советского представителя присутствовать на ежегодном банкете лорд-мэра лондонского Сити, устраивающемся по случаю его вступления в исполнение своих обязанностей[3]. Этот банкет является чрезвычайно красочной церемонией средневекового стиля, на которую собираются 500–600 человек, представляющих подлинные «сливки» капиталистической Англии Насколько жирны эти сливки, можно судить хотя бы по тому, что из лондонского дипломатического корпуса на банкет лорд-мэра приглашаются только послы. Посланники не удостаиваются такой чести. Банкет лорд-мэра является также крупным политическим событием: на нем по традиции выступает премьер или какой-либо видный министр кабинета с большой речью, в которой он затрагивает какой-либо важный политический вопрос, имеющий актуальное значение. Вот на такой-то банкет я попал 9 ноября 1932 г., и вот что там произошло (привожу запись, сделанную мной тогда же, на свежую память):

«Церемония представления прибывающих на банкет гостей сводится к следующему: в дальнем конце длинного зала, где помещается библиотека, на маленьком возвышении стоит вновь избранный лорд-мэр с женой. От входа в зал до возвышения идет широкая темно-красная дорожка, по которой торжественно шествует каждый вновь приходящий гость. Герольд в костюме времен Тюдоров во всеуслышание оглашает его имя. Гость

медленным шагом проходит до конца дорожки, поднимается на возвышение и пожимает руку лорд-мэру и его жене. Пока гость идет, гремят аплодисменты ранее пришедших гостей в его честь. Доза аплодисментов варьируется в зависимости от положения и популярности гостя Получается своеобразный плебисцит, и по количеству выпавших на долю гостя аплодисментов можно безошибочно судить об отношении к нему со стороны правящей Англии.

Случайно вышло так, что по красной дорожке в библиотеке мне пришлось идти непосредственно за японским послом Мацудайра. Мацудайра был оказан более чем хороший прием. Это была настоящая овация ему аплодировали шумно, долго, с энтузиазмом. Видно было, что его страна и он сам очень популярны в английской верхушке, — и это, несмотря на «маньчжурский инцидент»![4] Затем герольд провозгласил:

— Его превосходительство советский посол Иван Майский!

Точно порыв ледяного ветра пронесся по залу. Все сразу смолко Я тронулся по красной дорожке Ни звука! Ни одного хлопка!. Кругом мертвое, настороженно-враждебное молчание. Блестящая толпа, теснящаяся по обе стороны дорожки, провожает меня любопытно-колючими взглядами. Шикарно разодетые дамы показывают на меня лорнетами, ехидно шушукаются, смеются. В атмосфере этого кричащего безмолвия я медленно и твердо, с высоко поднятой головой, прошел всю дорожку и, как полагается по ритуалу, пожал руку лорд-мэру и его жене.

Да, демонстрация чувств правящей Англии к Советскому Союзу была яркая и законченная»..

А вот еще один эпизод. Недели через две после банкета лорд-мэра происходило открытие новой сессии парламента. Это тоже очень пышная и красочная церемония, в которой слышится голос веков.

Открытие парламента происходит в зале заседаний палаты лордов. Присутствуют лорды в своих красных с горностаями мантиях, их жены в роскошных туалетах с драгоценностями, нотабли государства и дипломатический корпус Король и королева сидят на возвышении у стены Члены палаты общин — древняя традиция — не допускаются в зал. Немногочисленная группа их представителей стоит (именно стоит, а не сидит!) за особым барьером, закрывающим выход из зала заседаний верхней палаты. «Лорд-чемберлен» с глубоким поклоном подает королю текст тронной речи. Король встает и читает ее. Потом король и королева, сделав поклон всем присутствующим, удаляются, и сессия парламента считается открытой.

Мы были с женой на открытии новой сессии палат 1932–1933

годов, сессии, которой суждено было стать столь драматической в истории англо-советских отношений (об этом ниже). Я, как полагалось по этикету, сидел вместе с другими послами справа от трона, а моя жена вместе с другими женами послов слева от трона. По этикету также полагается, что самое почетное место тут отводится женам послов, а уже за ними идут придворные дамы самого высшего ранга. Моя жена в тот момент была самой младшей из жен послов[5], и поэтому рядом с ней оказалась самая старшая из представительниц английской аристократии. То была герцогиня Соммерсет. Она была стара, как Мафусаил, и уродлива, как смертный грех, однако вся сияла шелками и бриллиантами. Перед открытием церемонии герцогиня заговорила с моей женой и, увидев перед собой иностранку, спросила:

— А какую страну вы представляете?

Жена спокойно ответила:

— Я представляю Советский Союз.

Эффект этих слов был потрясающий. Герцогиня внезапно изменилась в лице, точно наступила на ядовитую змею. Она безобразно покраснела, на тощей шее вздулись жилы, в глазах загорелись колючие огоньки. Герцогиня резко отшатнулась от моей жены и злобно воскликнула:

— А вы знаете… Я ненавижу Советы!

Куда девались английская выдержка, самая обыкновенная светская вежливость!..

Моя жена не растерялась и, в свою очередь, резко ответила:

— В таком случае я очень сожалею, что вы оказались моей соседкой[6].

Этот маленький, но такой характерный инцидент был прекрасным дополнением к тому, что произошло на банкете лорд-мэра.

И, наконец, еще одно последнее воспоминание из первых недель моей работы в Лондоне в качестве советского посла.

В числе официальных визитов, которые я сделал после вручения верительных грамот королю, был также и визит к тогдашнему министру финансов и фактическому лидеру консервативной партии Невилю Чемберлену. Во время нашей беседы Чемберлен стал жаловаться, что СССР много продает в Англии, но мало здесь покупает, а полученную в Лондоне выручку тратит на размещение больших заказов в Германии. Видно было, что сердце министра финансов скорбит и вопиет к небу по случаю такой «несправедливости». Я спокойно возразил:

— Чему вы удивляетесь, господин министр? Советское правительство поступает так, как поступил бы всякий хороший купец: продает, где более выгодно, покупает, где более выгодно.

— Но почему вы считаете, что вам выгоднее заказывать в Германии, а не в Англии? — спросил Чемберлен.

— По очень простой причине, — ответил я. — Немцы дают нам кредиты до пяти лет, а вы не даете…

Едва я успел произнести эти слова, как лицо Чемберлена приняло ледяное выражение, он круто повернулся в своем кресле и каким-то зловещим голосом с расстановкой сказал:

— Что же, вы хотите, чтобы мы давали долгосрочные кредиты своим врагам? Нет, уж лучше мы используем наши деньги в других направлениях.

Да, в этих словах был настоящий Чемберлен, подлинный, без всяких румян.

В тон Чемберлену я ответил:

— Я ровно ничего не хочу, мистер Чемберлен, я вовсе не пришел к вам за кредитами… Вы спросили у меня, почему Советский Союз помещает заказы предпочтительно в Германии. Я вам объяснил, и только. Все остальное уже ваше дело.

Какой вывод я мог сделать из этих первых и беглых контактов моих с правящей Англией тех дней? Вывод мог быть только один: правящая Англия не только не стремится к установлению дружеских отношений и сотрудничества с Советской страной, но, наоборот, открыто выражает свою вражду к ней, забывая подчас даже о самых элементарных правилах вежливости и дипломатического такта.

Борьба за торговое соглашение

Последующие и более глубокие контакты с правящей Англией еще больше усугубили во мне подобные настроения.

Моей первой крупной «дипломатической операцией» в Лондоне были переговоры о новом торговом соглашении, которое должно было заменить денонсированное консервативным правительством соглашение 1930 года, Я без колебаний называю правительство, которое стояло у власти в 1932 году, консервативным, несмотря на то что официально оно именовалось «национальным» и включало в свой состав консерваторов, национал-либералов во главе с Саймоном и национал-лейбористов во главе с Макдональдом. Я без колебаний говорю так, ибо из 520 депутатов парламента, входивших в правящую коалицию, 471 был консерватор. Формальным премьером этого правительства был Макдональд, но реальным премьером являлся его заместитель Болдуин.

Переговоры о новом торговом соглашении, которые пришлось вести в Лондоне мне и нашему тогдашнему торгпреду в

Англии А. В. Озерскому, человеку умному и гибкому, оказались очень трудными и продолжались целых 15 месяцев. Почему? Потому ли, что самый предмет переговоров был слишком сложен? Потому ли, что противоречия между СССР и Англией в области торговли были чрезвычайно остры? Нет, не поэтому. Переговоры оказались трудными и потребовали много времени потому, что британское правительство все время стремилось приводить в отношении Советской страны политику враждебной дискриминации. В этом была суть. Именно отсюда вырастали все главные споры и конфликты, которые подчас принимали даже драматический характер.

В самом деле, каков был ход событий? Я не собираюсь здесь излагать его подробно (это сделано мной в другой книге[7]), но об основных моментах переговоров я должен сейчас хотя бы кратко упомянуть.

Начну с самого начала. Советское правительство прекрасно понимало, что после Оттавской имперской конференции (осенью 1932 г.) и перехода Англии от свободной торговли к протекционизму неизбежен пересмотр прежних торговых договоров между Великобританией и другими странами. Такой пересмотр действительно шаг за шагом и был осуществлен. Но как это обычно производилось? Обычно английское правительство, не денонсируя старый договор, предлагало соответственному правительству вступить в переговоры для внесения в этот договор тех или иных изменений, ставших необходимыми в связи с коренным поворотом в торговой политике Англии. Такой метод действий был вполне разумен и законен, ибо сводил к минимуму трудности, с которыми было связано приспособление английской торговли с данной страной к новым условиям.

А как поступило британское правительство в отношении СССР? Совсем иначе!

16 октября 1932 г. британский министр иностранных дел Джон Саймон совершенно неожиданно прислал советскому полпредству в Лондоне не очень вежливую ноту, в которой сообщал, что английское правительство односторонним актом денонсирует англо-советское торговое соглашение 1930 года. Для нас это был удар грома среди ясного неба. Советское правительство было поставлено перед совершившимся фактом, и притом весьма недружественного характера. Такой характер его еще больше подчеркивался тем, что в своей ноте Саймон даже не предлагал нам открыть переговоры в целях заключения нового торгового соглашения, а лишь выражал готовность «вступить в обсуждение ситуации, созданной денонсированием» прежнего

торгового соглашения.

Здесь была налицо явная дискриминация в отношении СССР, дискриминация № 1.

Далее, какие требования выдвинуло британское правительство, когда торговые переговоры, наконец, начались? Эти требования в основном сводились к двум пунктам: а) Выравнивание торгового баланса между СССР и Англией (до того Англия имела в торговле с нами пассивный баланс). Но… Англия имела весьма пассивный баланс также в торговле с США, Германией, Аргентиной, Данией и рядом других стран и все-таки никогда не требовала от них изменения такого положения. Исключение опять-таки было сделано только в отношении СССР. Это была дискриминация № 2. б) Право британского правительства в любой момент односторонним актом ограничивать или даже запрещать ввоз в Англию любых советских товаров, если, по его мнению, такой ввоз грозил подорвать позиции Канады на английском рынке. Подобных претензий британское правительство никогда не предъявляло ни к какой другой стране. Только в отношений СССР еще раз было сделано исключение. Это была дискриминация № 3.

Не довольствуясь двумя только что указанными требованиями, британское правительство чрезвычайна осложнило переговоры внесением в них некоторых совершенно посторонних вопросов.

В то время, в связи с трудностями первой пятилетки, в капиталистическом мире было широко распространено убеждение, что попытка индустриализации СССР провалилась, что почва под ногами Советского правительства шатается и что в самом близком будущем можно ожидать окончательного краха всей советской системы. Укреплению таких взглядов в Англии в немалой степени способствовал тогдашний британский посол в Москве сэр Эсмонд Овий, который зимой 1932/33 года слал в Лондон доклады о внутреннем положении СССР один другого мрачнее. Английское правительство, в частности министр иностранных дел Саймон, охотно глотали присылаемую Овием информацию (ведь им так хотелось, чтобы это было правдой!) и решили воспользоваться, как им казалось, благоприятной конъюнктурой для сведения своих счетов с «Москвой».

В результате лондонские политики задались целью «продать» новое торговое соглашение СССР возможно дороже. Вот почему в дополнение к удовлетворению двух вышеупомянутых требований они выдвинули как условие подписания нового соглашения еще уступки СССР по следующим трем пунктам: компенсация английских капиталистов, пострадавших от Октябрьской

революции; оплата «потерь» англо-американской компании «Лена Голдфилдс»[8] и, наконец (это может показаться анекдотом, но это, к сожалению, было дипломатической реальностью), установление в магазинах «Торгсина» [9]цен на продаваемые в них товары в соответствии с ценами мирового рывка. Вот до какой бесцеремонности доходило тогда британское правительство! Это была дискриминация № 4.

Совершенно очевидно, что позиция, занятая английской стороной в торговых переговорах, уже сама по себе крайне затрудняла достижение соглашения. Положение, однако, еще более ухудшилось, когда в марте 1933 года в игру вошел новый и чрезвычайно взрывчатый фактор.

В годы первой пятилетки Советское правительство имело договоры о технической помощи с рядом крупных фирм в капиталистических странах. В числе этих фирм был известный английский концерн «Метрополитен-Вик — керс», который содержал в Москве специальную контору и инженеры которого работали на различных советских стройках. 12 марта 1933 г. около 25 служащих «Метро — политен-Виккерс» в СССР, в том числе 6 английских инженеров, были арестованы по обвинению в шпионаже и вредительстве.

Это событие вызвало в Англии бурную реакцию, которую всячески поддерживало и раздувало само правительство. Крайне зловещую роль при этом опять-таки играл британский посол в Москве Овий. Если бы сразу после ареста английских инженеров Овий ограничился запросом к Советскому правительству о причинах ареста, а также заботой о том, чтобы арестованные находились в хороших условиях, чтобы следствие велось без задержек и подсудимым была бы обеспечена надлежащая защита, никто не имел бы возражений против его действий. Прямая обязанность всякого посла — проявить интерес и заботу о соотечественниках, подвергшихся репрессии в стране его аккредитования. Но Овий пошел гораздо дальше. Будучи воспитан в традициях британского вели — кодержавия, он вообразил, что может диктовать свои условия Советскому государству. Это была дискриминация № 5.

Действительно, уже днем 12 марта, через несколько часов после ареста, когда следствие еще даже не началось, Овий заверил Саймона, что английские инженеры решительно ни в чем не виноваты, и рекомендовал британскому правительству требовать их немедленного освобождения без следствия и суда. Британское правительство согласилось с рекомендацией своего посла и повело бешеный нажим на Советское правительство, настаивая на прекращении дела, начатого против шести

британских подданных. В случае нашего отказа Овий угрожал разрывом англо-советских отношений М. М. Литвинову в Москве и мне в Лондоне пришлось дать решительный отпор этим претензиям как недопустимому вмешательству в наши внутренние дела. Англичанам было твердо заявлено, что английские инженеры предстанут перед советским судом, как бы ни реагировало на это британское правительство.

Тогда лондонские политики решили принять более крутые меры. Убаюканные лжеинформацией Овия о внутреннем положении СССР, а также его слишком субъективно-ретушированными отчетами о разговорах с Литвиновым по делу «Метрополитен-Виккерс», они рассчитывали, что таким путем они добьются как минимум немедленного освобождения английских инженеров, а как максимум помогут Советскому правительству поскорее свалиться в могилу.

Лондонские политики начали с того, что 20 марта демонстративно прервали торговые переговоры Так как мы отнеслись к данному шагу с полным хладнокровием, то они перешли к другим мерам репрессивного характера, на подробностях которых здесь нет надобности останавливаться Достаточно будет сказать, что, несмотря на все усилия британского правительства, суд в Москве все-таки состоялся, причем один из английских инженеров был оправдан, трое высланы из пределов СССР, а двое приговорены к трем и двум годам тюремного заключения Однако лондонские политики, раз ступив на путь шантажа, уже не могли удержаться и, все больше скатываясь по наклонной плоскости вниз, довели дело до трехмесячной торговой войны между Англией и СССР. Британское правительство наложило запрет на советский импорт в Англию, в ответ на что Советское правительство наложило запрет на английский импорт в СССР. Эта торговая война была закончена лишь 1 июля 1933 г. в порядке взаимной отмены запрета на ввоз товаров другой стороны, а также высылки из СССР после помилования двух английских инженеров, приговоренных к тюремному заключению. 3 июля были также возобновлены торговые переговоры.

Да, трудностей в этих переговорах было очень много, трудностей, вытекавших из политики дискриминации в отношении СССР со стороны британского правительства (эти трудности не исчезли и после ликвидации торговой войны), но все-таки, сочетая твердость и гибкость в своей тактике, Советское правительство привело переговоры к благополучному концу. 16 февраля 1934 г. новое торговое соглашение было подписано. Правда, оно носило наименование «временное», однако с тех пор

прошло свыше четверти века, а это «временное» соглашение все еще остается в силе и поныне регулирует развитие англосоветской торговли.

Какой след оставила в моем сознании тактика многоступенчатой дискриминации, примененная биртанским правительством в ходе борьбы за торговое соглашение? Какой вывод я невольно делал из опыта моей первой серьезной «дипломатической операции» в Лондоне?

Это отнюдь не расходилось с моими впечатлениями, полученными сразу по приезде в Англию Наоборот, это только подтверждало их правильность. Теперь я еще яснее видел, что правящая верхушка страны полна враждебности к СССР и идет ему на уступки только тогда, когда обстоятельства, над которыми она не властна, заставляют ее это делать В итоге чувство недоверия к правящей Англии у меня не только не уменьшилось, но еще более возросло С особенной остротой я испытывал это чувство в отношении определенной группы британских политиков, о которых мне еще придется говорить ниже, группы, ярким представителем которых был Саймон.

Официально переговоры с британской стороны возглавлялись министром иностранных дел Саймоном и министром торговли Ренсименом. Однако Ренсимен фактически в переговорах никакого участия не принимал. Он появился на протяжении всех этих 15 месяцев только два раза: на первом заседании, при открытии переговоров, и на последнем, в момент подписания торгового соглашения. В остальном Ренсимен совершенно не чувствовался, а лица из его аппарата в министерстве торговли, которые действительно вели переговоры, в большинстве были настроены разумно. Они искренне хотели развития англо-советской торговли и, поскольку им позволяли общие директивы британского правительства, старались не осложнять, а, наоборот, облегчать заключение торгового соглашения.

Иное дело Саймон и его аппарат. Несмотря на свое либеральное прошлое, Саймон 30-х годов был одним из самых непримиримых врагов Советской страны. В ходе переговоров он все время стремился не сократить, а удлинить путь к достижению соглашения. Это именно он выискивал всевозможные поводы для осложнения переговоров различными посторонними вопросами — вплоть до таких смехотворных, как цены на товары в магазинах «Торгсина». Сердце Саймона билось в унисон с интересами самых махровых представителей капиталистического мира вроде компании «Лена Голдфилдс», и ради них он готов был жертвовать даже интересами британской торговли В дополнение ко всему Саймон был человеком, не стесняющимся в выборе средств для

достижения своих целей и широко пользующимся в борьбе таким оружием, как ложь и клевета. Духом Саймона (за вычетом некоторых приятных исключений) был проникнут в те годы и аппарат английского министерства иностранных дел.

Помню такой случай. Торговые переговоры подходили к самому концу. Все было урегулировано, за исключением вопроса о «Торгсине». Но Саймон из-за этого задерживал подписание торгового соглашения. Тогда я пригласил к себе известного либерального журналиста А. Каммингса, с которым у меня в те времена были хорошие отношения, и откровенно рассказал ему, почему до сих пор дело не закончено. На следующий день, 2 февраля 1934 г., на первой полосе «Ньюс кро — никл» под большим заголовком «Картошка британского посла» была опубликована ядовитая статья Каммингса, разъяснявшая истинную причину задержки в подписании торгового соглашения. Эта статья вызвала в политических кругах Лондона большое смятение. Лейбористский депутат Гренфелл сделал в парламенте запрос о том, какая существует связь между подписанием торгового соглашения и продовольствием английского посла в Москве. Официальный ответ давал сам Саймон. И что же он сказал? Саймон сказал буквально следующее:

> «Нет ни слова правды в утверждениях, будто бы англо-советские торговые переговоры задерживаются из-за этого вопроса».

Вот до каких пределов доходила лживость Саймона! Надо ли удивляться, что этот факт только усиливал недоверие советской стороны к правящей Англии?

Кратковременная оттепель и ее причины

Примерно с середины 1934 года в англо-советских отношениях началась временная, вернее кратковременная, оттепель. Главных причин тому было две.

Первая причина состояла в том, что в январе 1933 года в Германии к власти пришел Гитлер. Сначала правящая Англия не принимала «фюрера» слишком всерьез. Я хорошо помню, как на протяжении всего 1933 года британские политики разных направлений — консерваторы, либералы, лейбористы — еще спорили по вопросу о том, удастся ли Гитлеру удержаться у власти Даже такой опытный государственный деятель, как Ванситарт, занимавший в то время ключевой пост постоянного товарища министра иностранных дел, как-то летом 1933 года в

разговоре со мной сказал:

— У Гитлера очень много трудностей и врагов — внешних и внутренних… К нему относятся крайне подозрительно французы, бельгийцы, чехи, поляки… Внутри нацистской партии неспокойно… Есть люди, претендующие на первое место в ее рядах, с которыми Гитлеру не легко справиться… Не исключено, что внутренняя драка приведет нацистскую партию к развалу… Надо подождать да посмотреть.

Что же касается лейбористских лидеров, то они в большинстве были убеждены в недолговечности нацистского господства в Германии.

Однако с 1934 года, особенно же с середины этого года, после того как Гитлер уничтожил группу Рема и вообще разгромил внутреннюю оппозицию в своей партии, настроения в правящих кругах Англии стали меняться. Они начали понимать, что гитлеризм укрепляется и что с ним придется серьезно считаться, по крайней мере в течение целого ряда лет. Это вызвало в правящих кругах беспокойство и тревогу. В их памяти сразу воскресли события и обстоятельства первой мировой войны, когда Великобритании пришлось с величайшим трудом защищать свои мировые позиции от опасных покушений со стороны германского империализма. Стремления, лозунги, требования Гитлера явно предвещали возрождение старых планов германской гегемонии, сыгравших столь большую роль в развязывании первой мировой войны, — быть может даже в еще более грозной форме, чем тогда. Перед правящими кругами Англии все настойчивее вставал вопрос: что же делать?

Первоначальная их реакция сводилась к мысли: надо восстановить Антанту эпохи первой мировой войны, то есть военный союз Англии, Франции и России против Германии. Правда, вместо царской России теперь был Союз Советских Социалистических Республик, это было неприятно, очень неприятно, но в конце концов в международной политике руководятся не эмоциями, а практическими интересами. Если интересы требуют, приходится проглотить и горькое лекарство. Так случилось, что в описываемое время не только лейбористы и либералы, но даже многие консерваторы стали серьезно думать об улучшении отношений с Советской страной.

Вторая причина наступления оттепели состояла в том, что после конфликта из-за дела «Метрополитен-Виккерс» правящие круги Англии окончательно убедились в силе и крепости СССР и пришли к выводу, что отныне «советский фактор» стал постоянным элементом мировой ситуации. Независимо от симпатий или антипатий его надо было принимать во внимание

при всех политических расчетах и построениях. И так как британские политики всегда отличались умением считаться с фактами (даже неприятными), то после подписания торгового соглашения 1934 года они начали прикидывать, как лучше использовать в своих интересах так неожиданно для них обнаружившееся могущество СССР. И мысли их, как я только что говорил, стали все больше обращаться к традиционным путям Антанты первой мировой войны.

Одно случайное обстоятельство сильно содействовало такому повороту в настроениях правящих кругов Англии. В феврале — апреле 1934 года разыгралась памятная «челюскинская эпопея». Сотня советских людей, в том числе женщины и дети, во главе с О. Ю. Шмидтом после гибели «Челюскина» оказались на полярной льдине, далеко от твердой земли. Западный мир, его пресса, политики, ученые, полярные исследователи считала «челюскинцев» погибшими. Они пели им отходную. Но советский мир думал и чувствовал иначе. Сами «челюскинцы» не только не пришли в панику и не пали духом, а создали на льдине изумительно организованный коллектив, который высоко держал знамя Советской страны, продолжал научную работу, заботился о здоровье и бодрости своих членов. Глава ледового лагеря О. Ю. Шмидт даже прочитал для своих товарищей курс лекций по историческому материализму. В то же время Советское правительство и советский народ мобилизовали все возможности для спасения попавших в беду соотечественников. Люди, средства, техника, радио, авиация — все было поставлено на службу благородной цели, и в конце концов все «челюскинцы» были спасены. Были вывезены на самолетах даже восемь собак, имевшихся в лагере.

Полярные драмы всегда привлекали к себе сочувственное внимание широчайших кругов людей. «Челюскинская» драма привлекла такое внимание с особенной силой как потому, что ее жертвами была целая сотня мужчин, женщин и детей, так и потому, что наличие радио позволяло следить за всеми, даже мельчайшими, событиями в жизни ледового лагеря. Мужественное поведение «челюскинцев» вызывало восхищение повсюду, во всех кругах, независимо от политических взглядов и настроений их носителей Вместе с тем колоссальная энергия и огромные затраты Советского государства, брошенные на дело спасения «челюскинцев», просто поразили буржуазный мир. Помню, в те дни Ллойд Джордж мне сказал:

— Это потрясающе! Ни одно другое правительство не приложило бы столько усилий для спасения арктических исследователей. Это очень благородно и… и очень умно!

В глазах либерального лидера вдруг заискрилась лукавые огоньки, и он неожиданно закончил:

— Поздравляю вас! Вы одержали большую дипломатическую победу.

Ллойд Джордж был прав. Да, эта «челюскинская эпопея» не только еще раз подтвердила силу и жизнеспособность Советского государства, но и ярко показала — перед всем широким миром показала — его благородство, его гуманизм, его глубокую разумность. Одним ударом популярность СССР поднялась так высоко, особенно среди трудящихся во всех концах мира, как ее не подняли бы годы и годы упорной пропагандистской работы. Внешним проявлением этого был тот факт, что портрет О. Ю. Шмидта в течение многих месяцев не сходил со страниц буржуазных газет.

«Челюскинская эпопея» сыграла немалую роль и в развитии той оттепели в англо-советских отношениях, которая началась с середины 1934 года. Она психологически облегчила многим недругам СССР переход на новые политические позиции.

В конечном итоге, как результат всех вышеуказанных обстоятельств, в правящих кругах Англии временно получили преобладание те элементы, которые стояли на позиции возрождения Антанты.

Здесь будет уместно сказать, что в период между двумя мировыми войнами британский господствующий класс распадался по вопросу об отношении к СССР на две главные группировки.

В одной преобладал принцип государственного интереса — эта группировка видела, что Англия и СССР как державы не имеют никаких серьезных противоречий, а в области экономической даже могут быть очень полезны друг другу. Данная группировка отстаивала политику сближения с СССР. Ее наиболее видными представителями были такие люди, как Ллойд Джордж, Бивербрук, Иден, Ванситарт и др. После прихода Гитлера к власти к этой группировке присоединился и Черчилль.

В другой группировке, напротив, преобладало слепое чувство классовой ненависти к СССР как к стране социализма. Эта группировка считала необходимым при всяких условиях атаковать Советский Союз, даже в ущерб национальным интересам Англии как государства. Ее наиболее видными представителями были Керзон, братья Чемберлен — Остин и Невиль, Биркенхед, Джойнсон Хикс, Саймон, Галифакс и др. До 1934 года с этой группировкой шел и Черчилль.

Каково было соотношение сил между двумя названными группировками?

Это соотношение, конечно, не представляло собой постоянной величины, в зависимости от различных событий и обстоятельств оно менялось год от года. Но все-таки в общем и целом «группировка классовой ненависти» (которую в дальнейшем я буду называть «чемберленовцы») была гораздо могущественнее, чем «группировка государственного интереса» (которую в дальнейшем я буду называть «черчиллевцы»). В середине и второй половине 30-х годов расстановка сил внутри господствующего класса Великобритании (беря за одну скобку консерваторов и либералов) была примерно следующая в консервативной партии — три четверти шли за Чемберленом и лишь около одной четверти стояли на позиции Черчилля; либералы делились между двумя группировками приблизительно пополам, однако в эти годы они уже явно шли к упадку и потеряли большую часть своего прежнего политического влияния. Отсюда ясно, что в рассматриваемый период чемберленовцы в рядах господствующего класса играли решающую роль, особенно с учетом того, что в эпоху между двумя мировыми войнами они слишком долго стояли у власти и сумели заполнить своими сторонниками большую часть государственного аппарата.

Конечно, чемберленовцам приходилось считаться с лейбористами, которые к середине 30-х годов уже превратились во вторую основную партию Англии, вытеснив из этой позиции либералов.[10] Дважды, в 1924 и 1929–1931 годах, лейбористы даже образовали правительства, правда, правительства меньшинства. Лейбористы официально находились в оппозиции к чемберленовцам и стояли за сотрудничество с СССР. В 1924 году первое правительство Макдональда установило дипломатические отношения с нашей страной, а в 1929 году второе правительство Макдональда восстановило эти отношения, разорванные консерваторами за два года перед тем; второе правительство Макдональда заключило также с Советским Союзом выгодное для обеих сторон торговое соглашение 1930 года Английский рабочий класс, несомненно, хотел поддержания самых дружеских отношений с Советским государством (он это особенно ярко показал в 1920 году, сорвав попытку военной интервенции Англии против РСФСР во время советско-польской войны), однако лейбористская партия в своей деятельности далеко не полно отражала эти настроения масс. Хуже всего дело обстояло в ее верхушке; до 1931 года Рамсей Макдональд, Филипп Сноуден, Джимми Томас и некоторые другие почти открыто стремились ориентировать партию против СССР, а после того как в 1931 году они были исключены из ее рядов и, образовав эфемерную партию «национал-лейбористов», перебежали в лагерь консерваторов,

среди ортодоксальных лейбористов, оставшихся в партии, всегда прощупывалось определенное течение, в душе сочувствовавшее исключенным лидерам, но избегавшее говорить об этом открыто.

В результате сопротивление лейбористской оппозиции чемберленовцам оказывалось значительно слабее, чем могло бы быть, и это открывало перед чемберленовцами достаточно широкое поле действия для саботажа англо-советского сближения.

Партия	Количество поданных за нее голосов (в тыс).	Количество полученных ею депутатских мест
Консерваторы	10 489	387
Национал-либералы (группа Саймона)	867	33
Национал-лейбористы (группа Макдональда) Прочие . . .	340 97	8 3
Правительственная коалиция в целом	11 793	431
Коммунисты . ..... Прочие . . .	8 465 1 382 27 275	158 21 1 4
Оппозиция в целом . . .	10 209	184

Приведенные цифры с несомненностью свидетельствуют, что к середине 30-х годов консерваторы и лейбористы являлись двумя основными партиями страны, что либералы отошли даже не на второй, а на третий план и что «национал-лейбористы» Макдональда были почти пустым местом. Это значило, что три четверти консерваторов плюс половина либералов при известной пассивности лейбористской верхушки имели возможность эффективно саботировать англо-советское сближение.

Как бы то ни было, но наличие в рядах господствующего класса двух указанных выше группировок и постоянная борьба между ними прошли красной нитью через всю историю англо-советских отношений между двумя мировыми войнами, причем то та, то другая группировка (конечно, с учетом удельного веса лейбористской оппозиции) накладывала свой отпечаток на практические шаги британского правительства в отношении СССР. С середины 1934 года, в силу указанных выше причин временное преобладание получили черчиллевцы, и это нашло свое выражение в целом ряде конкретных фактов.

Первыми по времени из таких фактов были несколько больших бесед между Ванситартом и мной как, советским послом, происходившие в июле — августе 1934 года. Беседы начались по инициативе Вамситарта, причем очень любопытна была форма, в которую он облек эту инициативу.

21 июня 1934 г. мы с женой были на завтраке у Ван — ситартов. Присутствовало человек десять и среди них сэр Джон Саймон. Однако завтрак был устроен не в его честь, а в честь меня и моей жены Это явствовало из того, что, как полагается по английскому этикету, я был посажен справа от хозяйки, а моя жена справа от хозяина, — стало быть, мы были старшими гостями. Саймон был посажен слева от хозяйки, — стало быть, он был гостем № 2 Во время завтрака, когда за столом стоял перекрестный шум от говора гостей, леди Ванситарт, слегка наклонившись в мою сторону, спросила: —Ну, как вам нравится жизнь в Лондоне?

Что-то в тоне и выражении лица леди Ванситарт дало мне понять, что ее вопрос не является просто обычной светской болтовней, однако я осторожно ответил:

— Лондон — город хороший, но я встречаюсь здесь с большими трудностями.

Леди Ванситарт наклонилась ко мне еще ближе и полушепотом спросила:

— Эти трудности создает мой сосед слева?

Она имела в виду Саймона. Я утвердительно кивнул головой.

— Но почему бы вам не поговорить откровенно обо всем с Ваном? — так леди Ванситарт фамильярно звала своего мужа.

Я знал, что Саймон и Ванситарт политически не ладят, ибо являются представителями двух различных дипломатических линий, но все-таки я не ждал, что леди Ванситарт так откровенно даст мне понять о разногласиях, существующих между министром иностранных дел и его постоянным заместителем.

— При той атмосфере, которая создана вокруг советского посольства в Лондоне, — ответил я, — мне казалось неудобным проявлять в этом отношении инициативу.

— Ах, так? — воскликнула леди Ванситарт. — Если дело только за тем, кто первый начнет разговор, то такую трудность легко преодолеть… Я беру это на себя.

Для меня было ясно, что устами леди Ванситарт говорит сам постоянный товарищ министра иностранных дел. Однако меня не покидала известная доза скептицизма: женщины — существа

эмоциональные, и я опасался, что в разговоре со мной эта миниатюрная, изящная женщина могла зайти дальше «инструкций», полученных от мужа.

Но нет, я ошибся! Посредничество леди Ванситарт имело практический результат: дня через два Ванситарт позвонил мне по телефону и пригласил в министерство для разговоров об англо-советских отношениях. 3 июля состоялась моя первая большая беседа с Ванситартом. 12 и 18 июля последовали еще две. Все они носили действительно очень откровенный характер и были проникнуты конструктивным духом. Мы рассмотрели все стоявшие тогда между СССР и Англией вопросы и пришли к выводу, что, хотя между обоими правительствами имеются в некоторых случаях расхождения во мнениях, это не может препятствовать серьезному улучшению отношений между ними.

Особенно большое место в наших беседах занял вопрос о так называемом Восточном Локарно В то время в целях укрепления европейской безопасности французский министр иностранных дел Барту энергично пропагандировал проект пакта взаимопомощи между СССР, Польшей, Латвией, Эстонией, Литвой, Финляндией и Чехословакией. Франция должна была выступить в качестве гаранта Восточного Локарно, а СССР — в качестве гаранта Западного Локарно. СССР сочувствовал плану Барту. Англия занимала неясную позицию. В первом разговоре с Ванситартом я старался убедить его в необходимости поддержать проект Барту с британской стороны. 8 июля Лондон посетил сам Барту и вел переговоры о том же с английским правительством Во время второй беседы, 12 июля, Ванситарт сообщил, что Англия выскажется за Восточное Локарно, если в него будет допущена Германия. Советский Союз и Франция приняли это условие. Тогда лондонское правительство выступило в пользу Восточного Локарно. Однако Германия, а за ней Польша отказались войти в проектируемое объединение. Тем самым был нанесен смертельный удар всему проекту. Но в моих разговорах с Ванситартом история с Восточным Локарно сыграла очень положительную роль, и согласие Советского правительства на включение Германии в состав этого объединения убедило Ванситарта в искренности мирных стремлений СССР.

М.М. Литвинов, тогдашний нарком иностранных дел СССР, был очень доволен моими беседами с Ванситартом и усматривал в них первый шаг к разрядке напряженности в англо-советских отношениях. Действительно, как показали дальнейшие события, этот откровенный обмен мнениями в Лондоне проложил дорогу для поддержки британским правительством вступления СССР в Лигу наций, о чем речь будет ниже.

Сейчас мне хочется сказать несколько слов о Ванси — тарте. Человек умный и образованный, искусный диплом мат и политик, талантливый поэт и писатель, он был, конечно, плоть от плоти правящего класса Англии. Его божеством была Британская империя. Охрана ее целостности и неприкосновенности, защита мировых позиций британского империализма составляли символ веры Ванситарта. Исходя из этого основного момента, он маневрировал, поворачивал то вправо, то влево, в частности менял свое отношение к СССР.

Известно, что после второй мировой войны Ванситарт, подобно многим другим государственным деятелям Англии, стал в ряды противников нашей страны. Причина состояла в том, что война кончилась не так, как хотелось лидерам господствующего класса Великобритании. Они ждали, что СССР выйдет из войны сильно ослабленным, что в течение долгого времени он не сможет вести никакой активной внешней политики, что, по крайней мере на целое поколение, если не больше, он перестанет тревожить сон лондонских политиков Когда в действительности вышло совсем иначе, когда выяснилось, что послевоенный СССР гораздо сильнее довоенного и что сверх того вокруг него сложился могущественный социалистический лагерь, не только чемберленовцы, но и черчиллев — цы, начиная с самого Черчилля, ощетинились против СССР. Мне было просто странно читать некоторые из послевоенных выступлений Ванситарта, направленных против нашей страны, — до такой степени они были низкопробно-трафаретны. Куда делись его ум, образование, игра мысли, литературное искусство?. Вот что значит идти против сил исторического прогресса, против завтрашнего дня человечества!

Однако тогда, в середине 30-х годов, сразу после укрепления гитлеризма в Германии, Ванситарт являлся горячим сторонником возрождения Антанты и, пользуясь своим положением в английском правительственном аппарате, он действительно много делал в этом направлении. Если до начала второй мировой войны Антанта так и не создалась, то виной тому был во всяком случае не Ванситарт.

Вторым по времени фактором, свидетельствовавшим о наступлении оттепели в англо-советских отношениях, была история вступления СССР в Лигу наций. Как известно, при возникновении Лиги в 1919 году Советская Россия не была приглашена в ее члены. Тогда и в течение последующих 15 лет Лига наций являлась очагом вражды и всякого рода козней и интриг против Советского государства. К 1934 году мировая ситуация сильно изменилась по сравнению с 1919 годом, и это

нашло свое отражение в судьбах Лиги наций. В 1920 году американский сенат отверг ратификацию Версальского договора, в результате чего США не вошли в Лигу. В 1933 году Япония и Германия, ставшие на путь активной агрессии, вышли из состава Лиги В роли «хозяев» Лиги остались Англия и Франция, которым было явно не под силу вести ее корабль в обстановке все отчетливее нараставшей международной бури. Это заставило лидеров англо-французского блока подумать о привлечении в Лигу СССР. В свою очередь Советское правительство к концу 1933 года пришло к выводу, что в сложившихся условиях СССР целесообразно войти в состав Лиги наций: это предоставляло к его услугам важнейшую в то время международную трибуну для защиты мира и противодействия опасности второй мировой войны; это открывало также возможность (хотя значения ее Советское правительство никогда не переоценивало) возводить известные преграды на пути развязывания новой мировой бойни. В результате в сентябре 1934 года СССР стал членом Лиги наций с постоянным местом в ее совете.

Разумеется, это надо было подготовить. Очень большую роль в такой подготовке сыграл тогдашний министр иностранных дел Франции Барту. В первые годы после Октябрьской революции он являлся одним из самых ярых врагов Советской России и по существу именно он взорвал Генуэзскую конференцию 1922 года. Однако, будучи искренним (хотя и консервативным) патриотом своей родины, Барту позже понял, что с приходом гитлеризма к власти в Германии безопасность Франции в сильнейшей степени зависит от сотрудничества с СССР. Он с жаром отдался осуществлению этой задачи, и в частности пропагандировал идею привлечения Советской страны в Лигу наций. Барту встретил тут немало препятствий, но сумел их в конечном счете преодолеть. В Англии его соратником в это время был Ванситарт. Оба они добились того, что в сентябре 1934 года 30 держав — членов Лиги наций обратились к Советскому правительству с предложением войти в ее состав. М. М. Литвинов по поручению Советского правительства весьма искусно провел все предварительные переговоры и оформление самого вступления СССР в Лигу. Когда это случилось, Ванситарт в разговоре со мной сказал:

— Ну вот, теперь мы стали с вами членами одного и того же клуба; надеюсь, что отныне наши отношения будут таковы, каковы должны быть отношения между членами одного и того же клуба.

Как бы некоторым подтверждением этих слов Ванси — тарта явился прием, оказанный мне как советскому послу на очередном

банкете лорд-мэра Сити 9 ноября 1934 г. На этот раз в библиотеке не было того кричащего молчания, которым я был встречен за два года перед тем. На этот раз нотабли государства мне аплодировали. Аплодировали умеренно, без энтузиазма и горячности, но во всяком случае достаточно шумно, чтобы можно было заключить о значительном повороте в настроениях правящей верхушки по отношению к СССР.

Третьим по времени фактом, говорившем о наступлении оттепели, явился визит Идена в Москву, состоявшийся в марте 1935 года. В подготовке и проведении этой дипломатической акции очень большую роль сыграл все тот же Ванситарт.

Иден тогда только что начал выдвигаться Выходец из среднепомещичьих кругов, культурный и образованный, он обладал большой дозой здравого смысла и верного политического инстинкта. С приходом Гитлера к власти он стал склоняться к мнению, что спасти Британскую империю может только «возрождение Антанты», и поэтому примкнул к той группировке в консервативной партии, которая отстаивала сближение Англии и СССР. Он обосновывал свою позицию даже серьезными историческими соображениями. Помню, в 1943 году, уже во время войны, когда я покидал Лондон, чтобы занять пост замнаркома иностранных дел в Москве, Иден на прощальном завтраке, устроенном для меня, произнес большую речь, в которой говорил.

— На протяжении последних полутора веков Англия и Россия всегда оказывались в одном лагере, когда в Европе возникал какой-либо серьезный кризис. Так было в эпоху Наполеона, так было в годы первой мировой войны, так происходит и сейчас, в дни второй мировой войны. Чем это объясняется? Это объясняется тем, что Англия и Россия — два больших, могущественных государства на противоположных концах Европы, которые не могут мириться с созданием в Европе безусловной гегемонии какой-либо третьей державы Такая слишком могущественная третья держава становится опасной как для Англии, так и для России — в результате обе они объединяются для борьбы с нею и в конце концов добиваются ее падения. Беда только в том, что по миновании кризиса Англия и Россия до сих пор расходились в разные стороны и даже начинали ссориться друг с другом. Это открывало возможность для появления нового претендента на общеевропейское или даже мировое господство. Величайшей задачей современной дипломатии — английской и советской — является предупредить повторение того же самого после окончания нынешней войны.

К сожалению, Иден не сумел удержаться на этой позиции в

послевоенный период и постепенно включился в число рыцарей «холодной войны», провозглашенной лидерами американского и поддержанной лидерами британского империализма.

Однако тогда, в 30-х годах, Иден энергично отстаивал политику сближения с СССР и на этом в сущности сделал себе карьеру. Когда в конце 1932 года я приехал в Лондон, Иден был парламентским товарищем министра иностранных дел в палате общин и, так как Саймон тоже был членом палаты общин и выступал там по всем более важным внешнеполитическим вопросам, то Идену приходилось играть второстепенную роль. Но в дальнейшем возвышение Идена пошло быстрыми шагами вперед. Это объяснялось отчасти его связями в консервативной верхушке, но еще большее значение имела та борьба между двумя группировками в британских правящих кругах, о которой я говорил выше. Сторонники «возрождения Антанты» видели в Идене подходящего для них человека и стали его выдвигать. В 1934 году Иден был назначен лордом хранителем печати (чисто декоративный пост), то есть фактически министром без портфеля в кабинете Болдуина. Ему было дано специальное поручение — обслуживать Лигу наций. В результате на известный срок в Англии оказалось два министра иностранных дел — «старший» в лице Саймона и «младший» в лице Идена. Они представляли две различные и в ряде вопросов даже противоположные линии внешней политики Англии. Отношения между ними были натянутые. Ванситарт, который тоже не ладил с Саймоном, поддерживал Идена. В результате в британском ведомстве иностранных дел все время шла внутренняя борьба, которая лишь отражала борьбу, происходившую по вопросам внешней политики среди правящих кругов страны вообще.

В начале 1935 года должен был состояться визит Саймона и Идена в Берлин для переговоров с Гитлером. Все было согласовано, и британские министры уже готовились к отъезду, как вдруг в феврале Гитлер открыто разорвал военные статьи Версальского договора и заявил, что отныне Германия будет вооружаться, не стесняемая никакими ограничениями. Этот новый «прыжок» нацистского «фюрера» вызвал сильнейшее волнение в Англии и Франции. Визит британских министров в Берлин повис в воздухе. В английских правящих кругах началась острая борьба между сторонниками Антанты и сторонниками «умиротворения» агрессоров. Сторонники Антанты доказывали, что в создавшейся обстановке поездка британских министров в Берлин явится величайшим унижением для Англии и только еще больше разожжет аппетит Гитлера Сторонники «умиротворения» отвечали, что чем реальнее опасность агрессии, тем более

необходимо использование всех, даже самых незначительных мер и средств для целей сохранения мира. В конечном счете пришли к компромиссу: Саймон и Иден едут в Берлин, а оттуда Иден продолжает путь в Москву для переговоров с Советским правительством.

Так состоялся визит Идена в СССР.

Сейчас, в наши дни Москва стала пунктом притяжения для глав государств и министров разных наций и концов земли. Мы к этому привыкли и считаем это чем-то само собой разумеющимся. Тогда положение было совсем иное. В течение 18 лет после Октября Москва была «табу» для лидеров капиталистического мира. Москва была под политическим бойкотом — не формально, а фактически. Никто из министров крупных держав Запада не считал возможным ступить ногой на московскую почву. И вдруг, в марте 1935 года, в Москве появился Иден, член правительства тогда еще весьма могущественной Великобритании! Это было событием большого политического значения и вызвало многочисленные комментарии в мировой печати.

По решению Советского правительства я сопровождал Идена в его поездке от Берлина до Москвы. Я присутствовал на всех беседах, которые Иден имел с руководителями СССР, иногда выступая в качестве переводчика. В частности, я был при встрече между И. В Сталиным и Иденом, сопровождал Идена при осмотре им достопримечательностей советской столицы. Помню, Идена особенно интересовали имеющиеся у нас коллекции французской живописи (Гоген, Сезанн, Ренуар и др), осмотр которых он внес в свою московскую программу еще в Лондоне. Иден проехал также по первой линии московского метро.

Происходившие в течение трех дней переговоры обнаружили большое совпадение взглядов обеих сторон по международным вопросам. М. М Литвинов поручил мне составить проект коммюнике, которое должно было быть опубликовано в самом конце визита. Я сделал это. Иден выделил, со своей стороны, для выработки коммюнике приехавшего с ним чиновника британского министерства иностранных дел по делам Лиги наций В. Стренга, работавшего раньше советником британского посольства в Москве Мы встретились в здании британского посольства на Софийской набережной и очень быстро пришли к соглашению: Стренг сделал в предложенном нами тексте лишь незначительные изменения редакционного характера. Потом подготовленное таким путем коммюнике было окончательно утверждено обеими сторонами и 1 апреля 1935 г. появилось в печати. Наиболее важная часть коммюнике гласила:

> «В результате исчерпывающего и откровенного обмена мнений представители обоих правительств констатировали, что в настоящее время нет никакого противоречия интересов между обоими правительствами ни в одном из основных вопросов международной политики, и что этот факт создает прочный фундамент для развития плодотворного сотрудничества между ними в деле мира, Они уверены, что обе страны, в сознании того, что целостность и преуспеяние каждой из них соответствует интересам другой, будут руководствоваться в их взаимных отношениях тем духом сотрудничества и лояльного выполнения принятых ими обязательств, который вытекает из их общего участия в Лиге Наций» [11]

Советская сторона была удовлетворена визитом и коммюнике. Иден тоже. В разговоре со мной он заявил, что доволен своей поездкой в Москву и находит коммюнике очень хорошим.

Наличие оттепели еще больше подтверждалось двумя другими событиями, последовавшими непосредственно после визита Идена в Москву. 2 мая 1935 г. в Париже был подписан пакт взаимопомощи между Францией и СССР, а вслед затем французский министр иностранных дел Пьер Лаваль совершил поездку в советскую столицу. 16 мая 1935 г. в Праге был подписан пакт взаимопомощи между СССР и Чехословакией и вскоре после того чехословацкий министр иностранных дел Э. Бенеш также сделал визит в Советский Союз.

Излишне говорить, что лично я был чрезвычайно доволен происшедшим. Я начал даже допускать, что в англо-советских отношениях открыта новая страница, страница длительного и систематического их улучшения. Во всяком случае мне очень хотелось, чтобы именно так и было. Однако меня смущала мысль: переговоры в Москве вел и коммюнике подписал Иден, сторонник сближения с СССР, конечно, он не мог это сделать без согласия британского правительства, но все-таки как будут реагировать на совершившийся факт такие люди, как Саймон, Невиль Чемберлен и др? Не станут ли они поливать ледяной водой еще слабые, только что поднявшиеся ростки англо-советского сближения? Не превратится ли при таких условиях московское коммюнике в ничего не значащую бумажку?

Провожая Идена, который из Москвы отправлялся в Прагу и Варшаву, я старался уверить себя, что мои сомнения неосновательны Но где-то в глубине души оставался червячок,

который не давал мне покоя..

Увы! — мои сомнения оказались более чем основательными. Последовавшие затем события показали это с полной очевидностью.

Черчилль и Бивербрук

Однако прежде чем перейти к изложению названных событий, я считаю необходимым остановиться на одном крупном успехе, который нам принесла кратковременная оттепель в англо-советских отношениях.

Я уже говорил, что, направляя меня в Лондон, М. М. Литвинов по поручению Советского правительства ставил передо мной как важнейшую задачу установление связей и контактов с консервативными кругами. Я начал действовать в этом направлении с первых же дней моей работы в Англии. Но до наступления оттепели мои усилия имели весьма умеренный успех. Мне удалось «завоевать» либералов, в том числе таких крупных, как Ллойд Джордж, Герберт Самуэль, Арчибальд Синклер и др.; либералы, конечно, составляли часть господствующего класса, но в 30-х годах, как я уже упоминал, они не пользовались большим влиянием на правительство. Что же касается консерваторов, то тут я сумел завести знакомство с некоторыми лицами второго и третьего ранга, однако фигуры первоклассные по-прежнему сторонились советского посольства.

Единственным исключением был дом Асторов, но это объяснялось особыми причинами. Леди Ненси Астор в 1931 году вместе с Бернардом Шоу и лордом Лотианом совершила поездку в Москву, была принята руководителями Советской страны и в этот период разыгрывала из себя «друга» СССР. Ниже я расскажу, как несколько лет спустя та же Ненси Астор превратилась в злейшего врага Советского Союза. Однако в консервативных кругах статус леди Астор был не очень высок: ее считали богатой и взбалмошной американкой, способной на любую экстравагантность, чем-то вроде политической «enfant terrible». Поэтому тот факт, что советский посол поддерживал знакомство с леди Астор, еще не открывал перед ним дверей других консервативных цитаделей.

Наступление оттепели все это изменило. С нами стали искать знакомства руководящие политики консервативного лагеря Я, разумеется, старался использовать до максимума создавшуюся конъюнктуру и действительно успел установить прочные контакты с целым рядом виднейших представителей британского консерватизма, контакты настолько устойчивые, что они

сохранились даже позднее, когда кратковременная оттепель в англосоветских отношениях уступила место сначала похолоданию, а затем и настоящему морозу. Наиболее важными и интересными из этих новых знакомых были, несомненно, У. Черчилль и лорд Бивербрук.

В конце июля 1934 года, примерно через месяц после описанного выше завтрака с Саймоном, Ванситарты пригласили меня с женой к себе на обед. Кроме нас, присутствовал еще Черчилль с женой. Положение, которое в это время занимал Черчилль, было очень своеобразным.

Потомок герцога Мальборо и один из знатнейших аристократов Англии, Черчилль сделал блестящую политическую карьеру и сменил длинный ряд министерских кресел вплоть до столь высокого в британской правительственной иерархии поста, как пост министра финансов (1924–1929 гг.). Но тут вдруг произошла заминка. К тому моменту, когда мы встретились с Черчиллем в доме Ванситартов, он уже пять лет не занимал никаких министерских должностей, формально оставаясь лишь обыкновенным депутатом парламента. Забегая несколько вперед, скажу, что на этом «низком уровне» Черчилль пребывал до самого начала второй мировой войны. Правящая консервативная партия явно не хотела пускать его к вершинам власти. В чем было дело?

Моя гипотеза сводится к следующему: десятилетие 1929–1939 годов было периодом сравнительно спокойного развития английской политической жизни, и арену государственной деятельности заполнили люди средние и даже мелкие, такие как, например, Невиль Чемберлен. Самуэль Хор, Галифакс, Саймон и др. Нет надобности преувеличивать политические качества Черчилля, как это часто делается в западной литературе; Черчилль нередко ошибался в оценке людей и событий (об этом мне еще придется говорить); во время войны он взял неправильную линию, неправильную даже с точки зрения британских интересов, дальнего прицела, но все-таки Черчилль был гораздо умнее всех только что перечисленных персонажей и вдобавок отличался еще сильным авторитарным характером. Поэтому тогдашние министры его просто боялись, боялись, что благодаря своим качествам и своему авторитету в консервативных кругах и в стране он подавит их, скрутит, превратит в свои пешки. Пусть уж лучше такой матерый политический бульдог стоит в стороне от дороги, по которой сравнительно гладко катится колесница власти!.. Только грозный кризис «второй мировой войны вернул Черчилля в правительство — сначала в качестве морского министра, а потом в качестве премьера. Но тут в игру вошли уже такие факторы, над которыми

«Чемберлены» и «саймоны» были не властны.

Впрочем, даже и лишенный министерского портфеля, Черчилль в те годы представлял собой одну из крупнейших политических фигур Англии и, несомненно, пользовался большим влиянием в широких парламентских кругах. Это влияние еще более возросло, когда с середины 30-х годов Черчилль стал лидером внутренней оппозиции в консервативной партии, усматривавшей ключ к безопасности Британской империи в возрождении Антанты эпохи первой мировой войны.

Не знаю, кто был инициатором встречи Черчилля со мной (сам Черчилль или Ванситарт), но факт тот, что в тот теплый июльский вечер 1934 года мы вшестером сидели за одним столом и беседовали на разные текущие темы. Когда же после кофе дамы, по английскому обы — чаю, удалились в гостиную и в столовой остались только мужчины, начался более серьезный разговор. Во время этого разговора Черчилль откровенно объяснил мне свою позицию.

— Британская империя, — говорил Черчилль, — для меня начало и конец всего. Что хорошо для Британской империи, — хорошо и для меня; что плохо для Британской империи, — плохо и для меня… В 1919 году я считал, что величайшей опасностью для Британской империи является ваша страна, — поэтому тогда я был противником вашей страны. Сейчас я считаю, что величайшей опасностью для Британской империи является Германия, — поэтому сейчас я противник Германии… Вместе с тем я полагаю, что Гитлер готовится к экспансии не только против нас, но и на востоке, против вас. Почему бы нам не объединиться в борьбе против общего врага?.. Я был противником коммунизма и остаюсь его противником, но ради целостности Британской империи я готов сотрудничать с Советами.

Я должен был констатировать, что Черчилль говорит искренне и что мотивировка, которую он дает своей смене вех, логична и возбуждает доверие.

В том же духе откровенности я ответил Черчиллю:

— Советские люди являются принципиальными противниками капитализма, но они очень хотят мира и в борьбе за мир готовы сотрудничать с государством любой системы, если оно действительно стремится предотвратить войну.

И я сослался при этом на ряд конкретных фактов и исторических событий.

Черчилль был вполне удовлетворен моими словами, и с этого вечера между нами началось знакомство, сохранившееся до самого конца моей работы в Англии. Отношения между нами были необычны и даже в известной мере парадоксальны. Мы

были людьми двух противоположных лагерей и всегда об этом помнили. Помнил я и о том, что Черчилль был важнейшим лидером интервенции в 1918–1920 годах. Идеологически между нами лежала пропасть. Однако в области внешней политики иногда приходится шагать вместе с вчерашними врагами против сегодняшнего врага, если того требуют интересы. Именно поэтому в 30-х годах я, при полном поощрении из Москвы, поддерживал постоянные отношения с Черчиллем в целях подготовки совместной борьбы с Англией против гитлеровской угрозы. Конечно, все время чувствовалось, что Черчилль в голове прикидывает, как бы получше использовать «советский фактор» ради сохранения мировых позиций Великобритании. Поэтому мне всегда приходилось быть начеку. Тем не менее знакомство с Черчиллем представляло большую ценность. Оно сыграло свою роль в последующих событиях, особенно в период второй мировой войны.

Несколько иначе установились отношения между мной и лордом Бивербруком. Летом 1935 года, примерно через год после моей первой встречи с Черчиллем, ко мне как-то приехал левый лейбористский лидер Эньюрин Бивен. Мы были с ним хорошо знакомы, и он сразу стал говорить со мной «запросто».

— Я к вам по одному деликатному делу, — начал Бивен. — У меня есть друг — лорд Бивербрук… Вы слышали, конечно, о нем?

Я утвердительно кивнул головой.

— Так вот, — продолжал Бивен, — лорд Бивербрук хотел бы с вами познакомиться… Он уже приготовил приглашение вам на завтрак, но предварительно просил меня выяснить, как вы отнесетесь к такому приглашению… Бивербруку неприятно было бы получить отказ… А, кроме того, он действительно заинтересован во встрече с вами по политическим соображениям… Ну, что вы скажете?

В моей голове мгновенно пронеслось то важнейшее, что мне было известно о Бивербруке: канадец, начал карьеру в качестве скромного адвоката; потом перешел на газетную стезю; во время первой мировой войны приехал в Англию и быстро завоевал себе здесь положение газетного короля; был одно время министром в кабинете Ллойд Джорджа; сейчас одна из влиятельнейших фигур в британских политических кругах и владелец целого «куста» органов печати, среди которых «Дейли экспресс» имеет двухмиллионный тираж; в последние годы занимал антисоветскую позицию и в дни англо-советского кризиса из-за дела «Метрополитен-Виккерс» вел бешеную кампанию против СССР, в том числе лично против меня…

И вот теперь этот самый Бивербрук приглашает меня к себе

на завтрак!

— А каковы сейчас настроения и намерения Бивербрука? — спросил я Бивена.

— О, самые лучшие, — воскликнул Бивен. — Бивербрук считает, что в нынешней обстановке Англии и СССР по пути.

— Ну, что же? — заключил я. — Я приму приглашение Бивербрука… Не стоит ворошить прошлое, если в настоящем мы можем идти вместе против гитлеровской Германии.

Несколько дней спустя (если память мне не изменяет, это было 4 июня) я сидел за столом у Бивербрука. Мы были вдвоем, и я имел возможность близко его рассмотреть. Это был человек невысокого роста, необычай — но живой и непоседливый, с круглым подвижным лицом и острыми, колючими глазами. Из его уст вырывался настоящий фейерверк афоризмов, сентенций, оценок, характеристик людей и событий. В выражениях он не стеснялся. Разговор с Бивербруком был чрезвычайно интересен и поучителен, и я просидел у него более двух часов. Несколько раз я порывался встать и раскланяться, но хозяин меня не отпускал.

В ходе беседы Бивербрук, подобно Черчиллю, счел необходимым объяснить мне причины своего поворота в отношении СССР.

— Да, да, — скороговоркой говорил Бивербрук, — мы должны идти вместе… Скажу откровенно, я не очень люблю вашу страну, но я очень люблю Британскую империю… Ради здоровья Британской империи я готов на все… А Германия сейчас — главная проблема не только для Европы, но и для Британской империи. Так будем же друзьями!

Это тоже было откровенно и, что особенно важно, вполне искренне. Я был очень доволен. Меня всегда тошнило от слащавых речей о симпатии к «России и русскому народу», которыми иные английские политики при крывали пустоту своих чувств или даже антисоветские интриги. Грубоватый реализм Бивербрука производил на меня освежающее впечатление. Да, он руководился эгоистическим интересом своего государства и апеллировал к «эгоистическому интересу» (в его понимании) Советского государства, но на таком базисе можно было строить серьезную политику совместных действий против общей опасности со стороны германского агрессора.

Действительно, мое знакомство с Бивербруком в дальнейшем сильно укрепилось и принесло немало пользы Советскому Союзу. В годы второй мировой войны Бивербрук, будучи членом военного кабинета Черчилля, оказал немало услуг нашей стране в делах снабжения. Он также с самого начала Великой Отечественной войны сделался горячим сторонником открытия

второго фронта во Франции. Не случайно Советское правительство наградило Бивербрука одним из наших высших орденов.

Похолодание

Оттепель в англо-советских отношениях продолжалась недолго — лишь около года. Ее апогеем была поездка Идена в Москву. Сразу же после этого в атмосфере англо-советских отношений началось похолодание, ибо чемберленовцы, встревоженные возможностью прочного улучшения отношений между Лондоном и Москвой, вновь подняли голову и, пользуясь своим политическим могуществом, стали всемерно саботировать такую возможность.

Именно в этот период чемберленовцы выдвинули новый план для парирования германской угрозы, который в то время именовался концепцией «западной безопасности». Если в 1934 году правящие круги Англии всех толков и течений склонялись к возрождению Антанты эпохи первой мировой войны и видели именно в ней гарантию сохранения Британской империи, то теперь, в 1935 году, среди правящих кругов Англии стало все явственнее обнаруживаться расслоение между сторонниками «государственного интереса» и сторонниками «классовой ненависти». Первые по-прежнему стремились к возрождению Антанты и, стало быть, к сближению между Англией и СССР. Вторые все больше увлекались игрой на другую лошадь. Они рассуждали примерно так: «Для Британской империи опасны и гитлеровская Германия, и Советская Россия: надо столкнуть их между собой (тем более что фашисты и коммунисты ненавидят друг друга), а самим остаться в стороне; когда Германия и СССР хорошенько пустят друг другу кровь и в результате войны сильно ослабеют, настанет момент для выступления на сцену «запада», прежде всего Англии, — тогда «запад» продиктует Германии и СССР такой мир, который на долгое время, если не навсегда, обеспечит безопасность Британской империи и, возможно, ее мировую гегемонию». Из этой концепции, естественно, вытекали борьба против сближения между Лондоном и Москвой, а также всяческое поощрение Гитлера к развязыванию войны на востоке.

Именно учитывая данную концепцию, М.М. Литвинов, осуществляя политику Советского правительства, зимой 1934/35 года выдвинул лозунг «мир неделим», убедительно доказывая, что в наши дни всякая серьезная война на востоке Европы неизбежно превратится в мировую войну. Литвинов выступал в этом духе в целом ряде речей на заседаниях Лиги наций и на

различных международных конференциях и совещаниях. Он настойчиво убеждал в правильности данной концепции европейских государственных деятелей и дипломатов при официальных и частных встречах с ними Он иногда делал это и в мелочах, если считал, что такая мелочь может послужить интересам советской политики. Помню, когда во время визита Идена в Москву Максим Максимович устроил для него официальный завтрак, на торте, поданном к столу, сахарной вязью было написано по-английски: «peace is indivisible» («мир неделим»). Эта деталь произвела на Идена явное впечатление.

Неделимость мира хорошо понимали и более дальновидные среди английских политиков. Весной 1935 года я как-то завтракал с Черчиллем. Мой собеседник опять много говорил о гитлеровской опасности и при этом не стеснялся в выражениях.

— Что такое гитлеровская Германия? — восклицал Черчилль. — О, это страшная и опасная сила!.. Гитлеровская Германия — это огромная, научно организованная военная машина с полдюжиной американских гангстеров во главе. От них всего можно ожидать. Никто не знает точно, чего они хотят и что они будут делать завтра…. Какова их внешняя политика? Неизвестно… Я отнюдь не буду удивлен, если первый удар Гитлера обрушится не на СССР, ибо это довольно опасно, а на совсем другие страны.

Переходя затем к сторонникам «западной безопасности», Черчилль продолжал:

— Эти люди рассуждают так: все равно Германии где-то нужно драться, в какую-то сторону расширять свои владения — так пусть она лучше выкроит себе империю за счет государств, расположенных на востоке и юго-востоке Европы! Пусть она тешится Балканами или Украиной, но оставит Англию и Францию в покое. Такие рассуждения, конечно, сплошной идиотизм, но, к сожалению, они еще пользуются значительной популярностью в известных кругах консервативной партии. Однако я твердо убежден, что победа в конечном счете останется не за сторонниками «западной безопасности», а за теми людьми, которые, подобно мне или Ванситарту, считают, что мир неделим и что Англия, Франция и СССР должны явиться костяком того оборонительного союза, который будет держать Германию в надлежащем страхе. Никаких уступок Гитлеру делать нельзя. Всякая уступка с нашей стороны будет истолкована как признак слабости и только окрылит Гитлера к повышению его требований.

Соображения Черчилля меня тогда очень порадовали, и я всецело их поддержал. Мне хотелось верить, что такой человек, как он, может быть хорошим судьей прозорливости и

дееспособности британского господствующего класса… Увы! как показали последующие события, Черчилль проявил в своем прогнозе излишний оптимизм. Чемберленовцы оказались значительно сильнее и тупее, чем он думал. В частности, сразу же после возвращения Идена из Москвы они стали прилагать огромные и далеко не бесплодные усилия к восстановлению своего влияния.

Первым шагом в этом направлении явилась конференции в Стрезе, состоявшаяся в середине апреля 1935 года. Она обсуждала нарушение Германией военных статей Версальского договора. Присутствовали на конференции от Англии Макдональд и Саймон, от Франции — Фланден (премьер) и Лаваль (министр иностранных дел), от Италии — Муссолини и Сувич (заместитель министра иностранных дел). Было вполне естественно, что Муссолини саботировал всякое резкое выступление против Гитлера, но и англичане, и французы также не обнаруживали желания ссориться с нацистским диктатором. В итоге конференция в Стрезе, ограничившись академическим осуждением действий Гитлера, уклонилась от принятия каких-либо эффективных мер против его агрессивного шага. Этим она только поощрила «фюрера» к дальнейшему бегу в том же направлении. Более того, конференция в Стрезе (особенно Саймон и Макдональд) дала понять Муссолини, что Англия не будет мешать Италии в захвате Эфиопии, к чему последняя как раз тогда готовилась.

Следующим шагом в восстановлении позиций чембер — леновцев явилась реконструкция английского правительства. В мае 1935 года исполнилось 25 лет со дня вступления на престол короля Георга V. В связи с этим юбилеем было устроено много торжеств, а также произведено много назначений. Использовав данную оказию, чемберленовцы постарались укрепить свои позиции. Английское правительство сохранило свой прежний «национальный» характер, но во главе его теперь был поставлен реальный премьер прежнего правительства консерватор Болдуин, занимавший раньше пост заместителя премьера, а бывший декоративный премьер Макдональд стал его заместителем. Еще важнее были перемены, происшедшие в министерстве иностранных дел. К этому времени даже в правящих кругах стали понимать, что четырехлетнее пребывание Саймона во главе ведомства иностранных дел не принесло пользы британскому государству (немалую роль в этом сыграло поведение Саймона в дни англо-советских торговых переговоров), и теперь он был передвинут на более «нейтральный» пост министра внутренних дел. Кто же заменил Саймона на посту министра иностранных

дел? Около этого назначения шла большая борьба. Ванситарт сильно надеялся, что новым министром иностранных дел будет Иден, и даже усиленно работал за кулисами в этом направлении, но чемберленовцы решительно возражали и в конце концов одержали победу. Новым министром иностранных дел был назначен Самуэль Хор, типичный представитель английской правящей верхушки: учился в Оксфорде, в 25 лет стал «частным секретарем» министра колоний Литльтона, в 42 года — министром авиации, в 51 год — министром по делам Индии и, наконец, в 55 лет — министром иностранных дел. В эпоху первой мировой войны Хор был британским военным агентом при царской ставке и восторженным почитателем пасхальных служб русской православной церкви, которые он весьма красочно изобразил в своей несколько заумной книге «Четвертая печать» («Fourth Seal», 1930). В характере Хора было вообще что-то от мистики. Так, например, в гостиной его квартиры стояло странное украшение, имевшее вид посеребренного гроба, что нередко вызывало легкое содрогание у приходивших к нему гостей. В середине 30-х годов Хор был одним из ближайших сторонников Чемберлена и горячим сторонником «западной безопасности».

Однако чемберленовцам приходилось считаться с очень популярными в то время в Англии пацифистскими настроениями, находившими свое особенно яркое выражение в стремлении широких масс обеспечить мир всего мира через Лигу наций. В конце 1934 года британский «Союз друзей Лиги наций» под руководством лорда Роберта Сесиля организовал в стране добровольное «голосование за мир», в котором приняло участие 11,5 млн. человек. Из них около 10,5 млн. высказались за применение силы против агрессоров. Это вынуждало чембер — леновцев к известной осторожности и заставляло их маневрировать. Поэтому, сделав Самуэля Хора министром иностранных дел, они сохранили Идена в качестве министра без портфеля, но со специальным поручением заниматься делами Лиги наций.

Третьим шагом все в том же направлении явилось англо-германское морское соглашение, подписанное в июне 1935 года. Как известно, Версальский договор устанавливал очень жесткие ограничения для морских вооружений Германии. В феврале 1935 года Гитлер односторонним решением разорвал все военные статьи этого договора и приступил к гонке немецких вооружений на суше и на море. Конференция в Стрезе осудила (хотя и в мягкой форме) названные действия «фюрера». И вот теперь, всего через два месяца после Стрезы, Англия официально признала

право Германии на морские вооруженния, далеко выходившие за версальские рамки! Это было столь вызывающим актом «умиротворения» агрессора, что накануне подписания соглашения даже Франция заявила Англии протест. Однако правительство Болдуина пренебрегло недовольством своего союзника и на следующий день, 18 июня, подписало названное соглашение. Оно предусматривало общее соотношение тоннажа военно-морского флота обеих стран, как 100 и 35, но с тем, что за Германией остается право иметь подводный флот, равный подводному флоту всей Британской империи. Официозные комментарии не оставляли сомнения в том, что важнейшим мотивом для заключения такого соглашения было стремление Англии обеспечить Германии господство на Балтийском море против СССР. Дорога для гитлеровской гонки вооружений была не только открыта, но даже юридически узаконена.

Так как, однако, осенью 1935 года должны были состояться парламентские выборы, а широкие круги населения продолжали резко выступать против фашистских агрессоров, то ради ловли голосов Самуэль Хор в сентябре 1935 года произнес в Женеве на заседании Лиги наций громовую речь против агрессоров, создавая впечатление, будто бы Англия готова применить санкции в отношении Италии, готовившейся развязать войну против Эфиопии. То был не больше, как жульнический трюк. Ибо, когда Муссолини 3 октября все-таки открыл в Африке военные действия, правящая Англия не шелохнулась. А когда 14 ноября состоялись выборы, закончившиеся победой консерваторов (не столь блестящей, как в 1931 г., но все-таки вполне обеспечивающей им пребывание у власти), чемберленовцы попробовали взять реванш за сентябрьское выступление Самуэля Хора.

Война в Африке остро поставила вопрос о санкциях Лиги наций против Италии. Иден в Женеве проявлял немало активности, требуя установления санкций, а в это самое время Чемберлен в Лондоне открыто называл санкции «сумасшествием». Лаваль, стоявший тогда во главе французского правительства, просто саботировал введение санкций. Так как СССР твердо отстаивал политику санкций и так как эту политику поддерживал ряд государств второго и третьего ранга, Чемберлену и Лавалю не удалось совсем избавить Италию от санкций.

Однако они добились того, чтобы принятый в конечном счете Лигой наций компромисс носил достаточно беззубый характер: санкции, например, не распространялись на столь важный с военной точки зрения продукт, как нефть.

В декабре 1935 года чемберленовцы сделали дальнейший шаг

вперед: Самуэль Хор совместно с французским премьером Лавалем разработал план ликвидации итало-абиссинской войны путем передачи под контроль Муссолини половины эфиопской территории. Это был откровенный подарок агрессору за то, что он совершил акт агрессии! Это было поощрение для других потенциальных агрессоров следовать примеру Муссолини!.. Непосредственная реакция в Англии и Франции на план Хора — Лаваля была такова, что Лаваль едва удержался у власти, а Самуэль Хор был вынужден немедленно же подать в отставку [12].

Только теперь, наконец, Иден был назначен министром иностранных дел, что можно было рассматривать как успех «сторонников Антанты» Однако чемберленовцы сразу же обставили нового министра иностранных дел целым рядом закулисных рогаток, превращавших его в пленника рыцарей «классовой ненависти». Результат понятен.

Когда 7 марта 1936 г. Гитлер объявил о разрыве Локарнского договора и реоккупировал Рейнскую область и когда СССР предлагал принять решительные меры против этого нового акта агрессии, Англия и Франция при поддержке США ограничились лишь словесными протестами, которые оказывали на Гитлера такой же эффект, как слова крыловского повара на кота Ваську. А между тем, как позднее стало известно, гитлеровские генералы, вступая в Рейнскую область, имели в кармане предписание немедленно ретироваться, если французы окажут им какое-либо сопротивление.

Далее, когда 18 июля 1936 г. Франко при активной поддержке Гитлера и Муссолини поднял мятеж против законного правительства Испанской республики, Англия и Франция, опять-таки при поддержке США, стали инициаторами комедии «невмешательства», которая фактически превратилась в косвенную поддержку Франко и его иностранных покровителей [13].

Разумеется, все только что указанные действия бри — танского правительства явно противоречили московскому коммюнике от 1 апреля 1935 г. и в конечном счете носили антисоветский характер. Но все-таки зимой 1936/37 года, когда премьером был Болдуин, а министром иностранных дел являлся Иден, Англия старалась соблюсти в испанском вопросе хотя бы внешние формы нейтралитета и беспристрастия. Мне удалось также свести к минимуму вредные последствия наших расхождений по испанским делам для англо-советских отношений в целом Помню свой разговор с Иденом по этому вопросу, происходивший в самом начале испанской войны.

— Для меня ясно, — говорил я, — что Советское и

британское правительства по-разному подходят к испанским событиям… Здесь у нас имеются разногласия, которые в дальнейшем могут даже возрасти, но все-таки Испания — это только одна из проблем внешней политихи обеих стран. Есть много других проблем, даже более важных, чем эта, по которым у СССР и Англии нет противоречий… Давайте локализуем наши расхождения на испанском вопросе и постараемся, чтобы они возможно меньше отражались на англо-советских отношениях вообще… Было бы крайне нежелательно, чтобы московское коммюнике превратилось в пустую бумажку.

Иден на мгновение задумался и потом ответил:

— Я с вами вполне согласен и со своей стороны сделаю все возможное для того, чтобы наша политика следовала принципам, изложенным в московском коммюнике. Это очень важно не только для Англии и СССР, это важно также в интересах всеобщего мира.

Иден еще раз остановился на мгновение и затем несколько тише прибавил:

— Но вы понимаете, что не все тут зависит от меня.

Да, я это прекрасно понимал, но все-таки должен констатировать, что вплоть до середины 1937 года температура англо-советских отношений стояла значительно выше нуля.

Ниже нуля

28 мая 1937 г. премьер Болдуин ушел на покой и вместо него главой правительства стал Невиль Чемберлен. Узнав об этой новости, я невольно подумал «Черчилль ошибся в своем прогнозе — не он, а Чемберлен оказался у руля. Теперь впереди сговор Чемберлена с Гитлером, а дальше?..».

Невиль Чемберлен был, несомненно, самой зловещей фигурой на тогдашнем политическом горизонте Англии. Зловещей по глубоко органической реакционности своих воззрений, зловещей по тому влиянию, которым он пользовался в консервативной партии. Тот факт, что Невиль Чемберлен был человеком ограниченных взглядов и малых способностей, что его политический кругозор, по выражению Ллойд Джорджа, не возвышался над кругозором «провинциального фабриканта железных кроватей», только усугублял опасность от его пребывания у власти. Отец Невиля знаменитый Джозеф Чемберлен считал этого своего сына (в отличие от другого сына, Остина) непригодным для политики и с молодости готовил его к торговой деятельности. Однако и на коммерческом поприще Невиль не стяжал особых лавров. Тогда его двинули по

«муниципальной линии». Здесь, пройдя ряд промежуточных ступеней, он стал в конце концов мэром Бирмингема. В 1917 году, как консерватор знатного происхождения. Невиль Чемберлен получил пост министра рекрутирования армии в коалиционном кабинете Ллойд Джорджа, но позорно провалился и был изгнан премьером из правительства. И вот теперь этот самый Невиль Чемберлен стал главой британского кабинета, да еще в такой сложной и трудной мировой обстановке! Поневоле в голову приходила мысль «Вот до какого глубокого разложения докатился английский господствующий класс!».

Для меня как посла Советского Союза приход к власти Невиля Чемберлена имел совсем особенное значение. Я не забыл своего разговора с ним, происходившего в ноябре 1932 года (о нем я упоминал выше). Последующие пять лет полностью подтвердили на многочисленных фактах и примерах, что Невиль Чемберлен является последовательным врагом нашей страны. Такой премьер мог только обострить англо-советские отношения. Такой премьер именно из-за своей вражды к Советскому государству мог только усилить политику «умиротворения» агрессоров. Ничего хорошего нам от него ждать не приходилось!

Как ни мрачны были мои чувства, я решил все-таки повидаться с новым премьером и прощупать его настроения. Он принял меня в своем парламентском кабинете 29 июля. На этот раз Чемберлен был спокойнее и сдержаннее, чем во время нашей первой встречи, пять лет назад. Я спросил его об общих линиях той политики, которую намеревалось проводить британское правительство в области международных отношений Чемберлен долго и старательно объяснял мне, что основной проблемой момента, по его мнению, является Германия. Надо прежде всего урегулировать этот вопрос, а тогда все остальное уже не представит особых трудностей. Но как урегулировать германскую проблему? Премьеру это казалось вполне возможным, если применить правильный метод урегулирования.

— Если бы мы могли, — говорил он, — сесть с немцами за один стол и с карандашом в руках пройтись по всем их жалобам и претензиям, то это сильно бы прояснило отношения.

Итак, все дело было лишь в том, чтобы сесть за один стол с карандашом в руках Как просто! Мне невольно вспомнились слова Ллойд Джорджа — «провинциальный фабрикант железных кроватей». Действительно, Гитлера и себя он, видимо, представлял как двух купцов, которые поспорят, пошумят, поторгуются и затем в конце концов ударят по рукам. Вот как примитивны были политические понятия премьера!

Из всего, что Чемберлен сказал мне 29 июля, с

несомненностью вытекало, что целью его стремлений является пакт четырех, а путь к нему — всемерное «умиротворение» Гитлера и Муссолини.

Этот пессимистический прогноз становился еще более вероятным благодаря тому, что как раз к этому времени в Лондоне окончательно сложилась так называемая «кливденская клика», сыгравшая столь зловещую роль в годы, предшествовавшие второй мировой войне. Леди Ненси Астор, та самая леди Ненси Астор, которая в 1932–1933 годах кокетничала своей «дружбой» с Советской страной, в течение последующих лет обнаружила свое настоящее лицо и в конце концов стала «хозяйкой» политического салона, в котором собирались самые махровые представители консервативной партии. Обычно на «week end' ах»[14] в ее роскошном имении Кливден, под Лондоном, где она пыталась иммитировать Версаль, встречались такие люди, как Невиль Чемберлен, лорд Галифакс, Самуэль Хор, Кингсли Вуд и др. Здесь они пили, ели, развлекались, обменивались мнениями и намекали планы ближайших действий. Нередко между двумя партиями гольфа решались важнейшие государственные вопросы. Чем ближе надвигалась война, тем активнее становился Кливден. Салон леди Астор превратился в главную цитадель врагов Советского Союза и друзей англо-германского сближения. Отсюда шла наиболее энергичная пропаганда концепции «западной безопасности»; здесь с особым сладострастием смаковались картины советско-германского взаимоистребления, на осуществление которого поставили ставку завсегдатаи Кливдена. Салон леди Астор имел сильнейшее влияние на назначение министров, на формирование правительств и на определение политической линии этих правительств. Приход к власти Невиля Чемберлена знаменовал собой такое всемогущество «кливденской клики», которое могло родить в руководящих кругах Советского Союза лишь самые тревожные опасения. Впрочем, ждать пришлось недолго.

Основной целью Чемберлена являлось «умиротворение» фашистских диктаторов в расчете на установление «западной безопасности». Это был, конечно, как выражался Черчилль, идиотизм, но классовая ненависть к государству социализма была в Чемберлене (да и не только в Чемберлене) столь велика, что она совершенно помрачала в нем нормальный рассудок. Черчилль в своих военных мемуарах, говоря о Чемберлене и его отношении к Гитлеру, иронически замечает: «Он вдохновлялся надеждой умиротворить и реформировать его, а потом привести к полному смирению»1. Здесь Черчилль соблюдает приличные литературные манеры. В частных разговорах он выражался гораздо крепче.

Помню, однажды он мне сказал:

— Невиль — дурак… Он думает, что можно ехать верхом на тигре.

К сожалению, Чемберлен именно так и думал и потому стал последовательным апостолом политики «умиротворения» агрессоров. Чтобы проводить такую политику на практике, ему нужен был созвучный этой идее состав правительства, и прежде всего «подходящий» министр иностранных дел. Иден для данной цели не годился, тем более что он был крайне непопулярен в Риме и в Берлине. Избранником Чемберлена на этот ключевой пост стал лорд Галифакс, однако, учитывая тогдашние общественные настроения в Англии, премьер не решился сразу расстаться с Иденом. Надо было предварительно подготовить почву, а лучше всего заставить Идена самого подать в отставку. Поэтому Чемберлен «пока» назначил лорда Галифакса на почетный, но чисто декоративный пост заместителя премьера, то есть министра без портфеля, которому время от времени даются специальные поручения. И, как увидим ниже, самое важное, специальное поручение, которое получил Галифакс, носило внешнеполитический характер.

Первым ярким шагом Чемберлена в области «умиротворения» диктаторов была посылка дружественного письма Муссолини, на которое Муссолини, конечно, не замедлил ответить таким же дружественным письмом. Затем Чемберлен энергично повел с ним переговоры, добиваясь заключения широкого договора о дружбе и сотрудничестве между Англией и Италией. Иден и некоторые другие видные политические деятели были в оппозиции к этим переговорам. Совсем не потому, что они сочувствовали Испанской республике, — нет! нет! Ни Иден, ни большинство его единомышленников не питали к Испанской республике никаких симпатий. Однако они знали о вероломстве фашистских диктаторов, плохо верили в их обещания, а потому требовали, чтобы в качестве доказательства серьезности своих намерений Муссолини предварительно вывел из Испании свои войска, сражавшиеся на стороне Франко. Однако Чемберлен не хотел ничего слушать и упрямо вел свою линию на скорейшее подписание англо-итальянского договора. На этой почве между Чемберленом и Иденом произошел конфликт (возможно, искусственно раздувавшийся премьером), в результате которого 20 февраля 1938 г Иден вышел в отставку. Вместе с Иденом вышел в отставку его парламентский заместитель лорд Кренборн, в те годы также сторонник сближения с СССР. Незадолго перед этим, 1 января 1938 г., Ванситарт был отстранен от активного участия в делах министерства иностранных дел и назначен на

почетную, но мало оперативную должность «главного дипломатического советника британского правительства». Сообщая мне о своем новом звании, Ванситарт с невеселой усмешкой заметил:

— Главный дипломатический советник… Но ведь с ним можно и не советоваться… Все зависит от желания премьера…

Ванситарт хорошо предвосхитил свое будущее: Чемберлен действительно не обращался к нему за советами.

Теперь в качестве подлинного и все более могущественного советника премьера по внешнеполитическим делам стал быстро выдвигаться сэр Хорас Вилсон. Я хорошо его знал по временам торговых переговоров с Англией. Тогда Хорас Вилсон, в звании «главного индустриального советника британского правительства», являлся основной фигурой с английской стороны при подготовке временного торгового соглашения 1934 года. Это был хитрый ловкач, циник до мозга костей, считавший, что мир состоит из дураков и негодяев. Вилсон был хорошо подкован во всех делах торговли и промышленности, но его внешнеполитический горизонт не возвышался над уровнем среднего обывателя. И вот теперь Чемберлен привлек такого человека в качестве своего наиболее доверенного эксперта к решению важнейших международных проблем! Это было похоже на безумие… Но разве вся внешняя политика Чемберлена не являлась сплошным безумием, выросшим на дрожжах классовой ненависти, глупости и невежества?

Очистив ведомство иностранных дел от неудобных для него людей, Чемберлен назначил теперь министром иностранных дел лорда Галифакса. Это был родовитый английский аристократ, прошедший длинную политическую и административную карьеру вплоть до поста вице-короля Индии. Высокий, худощавый, медлительный, с черной перчаткой на поврежденной левой руке, он говорил спокойно, глуховатым голосом, все время сохраняя приятную улыбку на лице. Внешне он располагал к себе и производил впечатление глубокого человека или во всяком случае человека, интересующегося большими проблемами. Склад ума у Галифакса был философский но философия, которая была близка его духу, была религиозно-мистической философией. Он принадлежал к так называемой «высокой церкви», то есть тому течению англиканства, которое мало чем отличается от католицизма, и любил вести разговоры на морально-религиозные темы. Рассказывали, что, когда Галифакс был вице-королем Индии, позади его служебного кабинета находилась небольшая часовня. Перед какими-либо серьезными встречами или обсуждениями он на несколько минут удалялся туда и просил

бога просветить его разум. Галифакс, несомненно, обладал широким образованием, что, однако, не мешало ему (примеры этого мы увидим) часто обнаруживать полное непонимание современной эпохи и ее движущих сил. Но тут уж сказывалась ограниченность его классового мировоззрения.

В качестве члена правительства Чемберлена Гали факс всецело поддерживал политику «умиротворения» и являлся одним из столпов «кливденской клики». По характеру Галифакс был покладистый человек и легко мирился с тем, что премьер (вкупе с Хорасом Вилсоном) узурпировал в своих руках внешнюю политику Великобритании и низвел министерство иностранных дел до положения простой дипломатической канцелярии при своей особе. Во избежание каких-либо осложнений важный пост постоянного товарища министра иностранных дел после Ванситарта был отдан Александру Кадогану, от которого нельзя было ожидать каких-либо неожиданных сюрпризов.

Обеспечив себе, таким образом, скромный и послушный аппарат, Чемберлен теперь приступил к последовательному осуществлению своей «собственной» внешней политики.

Началось с Германии. Еще в конце ноября 1937 года Галифакс получил от Чемберлена поручение совершить паломничество в Берлин и вступить в переговоры с Гитлером об общем урегулировании англо-германских отношений. Тогда мы еще не знали всех подробностей этих переговоров, но общий смысл их был для нас ясен, а сверх того кое-что из происходившего в Берлине успело просочиться в политические круги Англии и стало нам известно. В результате недоверие советской стороны к правительству Чемберлена сильно возросло. Сейчас из материалов германского министерства иностранных дел, захваченных Советской Армией в Берлине, видно, что для нашего недоверия были более чем достаточные основания.

В самом деле, из записи беседы Гитлера и Галифакса 17 ноября 1937 г., опубликованной МИД СССР в 1948 году, совершенно ясно, что Галифакс от имени британского правительства предлагал Гитлеру своего рода альянс на базе «пакта четырех» и предоставления ему «свободы рук» в Центральной и Восточной Европе. В частности, Галифакс заявил, что «не должна исключаться никакая возможность изменения существующего положения» в Европе, и далее уточнил, что «к этим вопросам относятся Данциг, Австрия и Чехословакия». Конечно, указывая Гитлеру направления агрессии, которые встретили бы наименьшее сопротивление со стороны правительства Чемберлена, Галифакс счел необходимым сделать благочестивую оговорку:

> «Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти измерения были произведены путем мирной эволюции и чтобы можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны»[15].

Однако Гитлер хорошо понимал цену этой оговорки и потому мог рассматривать свою беседу с Галифаксом как благословение Лондона на насильственный захват «жизненного пространства» в указанных районах. А когда Иден вышел в отставку и британским министром иностранных дел стал Галифакс, Гитлер не без основания решил, что настал момент для реализации программы агрессии, намеченной во время беседы между ними в ноябре 1937 года. Он не стал терять времени, и 12 марта 1938 г., через 12 дней после назначения Галифакса министром иностранных дел, сделал первый крупный «прыжок» — молниеносным ударом захватил Австрию. Точно издеваясь над лондонскими «умиротворителями», «фюрер» приурочил свой захват как раз к тому дню, когда Чемберлен торжественно принимал у себя приехавшего в Англию германского министра иностранных дел Риббентропа. И что же? Англия и Франция реагировали на столь вопиющий акт агрессии лишь словесными протестами, которые ни они сами, ни тем более Гитлер не принимали всерьез.

Как ни велико и ни законно было после всего происшедшего недоверие Советского правительства к правительству Чемберлена, все-таки в этот критический момент руководители СССР сделали попытку апеллировать к здравому смыслу руководителей Великобритании, 17 марта 1938 г., через пять дней после захвата Австрии, нарком иностранных дел М. М. Литвинов от имени Советского правительства дал в Москве интервью представителям печати, в котором он, между прочим, сказал:

«Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдаленных от Европы материках, или на окраине Европы…то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11-ти стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских.

В первую очередь возникает угроза Чехословакии.

Нынешнее международное положение ставит перед всеми миролюбивыми государствами и в особенности великими державами вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы. В сознании советским правительством его доли этой ответственности, в сознании им

также обязательств, вытекающих для него из устава Лиги, из пакта Бриана — Келлога и из договоров о взаимной помощи, заключенных им с Францией и Чехословакией, я могу от его имени заявить, что оно со своей стороны по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами» [16].

Одновременно я получил из Москвы указание передать текст интервью М. М. Литвинова британскому правительству с сопроводительной нотой о том, что данное интервью является официальным выражением точки зрения Советского правительства. Я это сделал. То же самое и по инструкции из Москвы сделали советские послы в Париже и Вашингтоне. Таким образом СССР открыто заявил о своей готовности принять энергичные меры против агрессии и призвал к тому же Англию, Францию и США. Советский Союз исполнил свой долг… Ну, а его партнеры?

24 марта английское министерство иностранных дел прислало советскому посольству длинную ноту, подписанную Галифаксом. В ней говорилось, что британское правительство «тепло приветствовало бы созыв международной конференции в составе всех европейских держав, (т. е. агрессоров и неагрессоров. —И. М.)», но возражает против созыва «конференции, на которой присутствовали бы только некоторые европейские державы и которая имела бы задачей… организовать объединенную акцию против агрессии», ибо, по мнению британского правительства, подобная конференция не способствовала бы делу европейского мира [17].

Итак, вместо борьбы с агрессорами бесцельные разговоры с агрессорами Еще один «комитет по невмешательству», но уже не по испанским, а по общеевропейским делам! Иными словами, успокоительные пилюли для широких масс, с тем чтобы дать агрессорам время подготовиться к новым «прыжкам». Вот чего хотело британское правительство! Вот как оно на практике расшифровывало слова Галифакса о желательности изменений в европейском положении «путем мирной эволюции»!

Отклик на советское обращение в Париже и Вашингтоне был не лучше, чем в Лондоне.

Казалось бы, захват Австрии должен был хоть немного образумить Чемберлена и сделать его более осторожным в сношениях с фашистскими диктаторами, — куда там!

Ослепленный ненавистью к Советскому Союзу, Чемберлен ничего не хотел видеть. Он упрямо продолжал свою гибельную (гибельную для самой Англии) политику и 16 апреля подписал столь страстно взыскуемый им договор о дружбе и сотрудничестве с Италией. Этот договор, между прочим, включал признание британским правительством захвата Италией Эфиопии Желая, однако, несколько успокоить демократические массы Англии, считавшие заключение англо-итальянского договора в такой момент предательством Испанской республики, Чемберлен сделал одну важную оговорку: он обязался ратифицировать договор только после того, как Италия эвакуирует из Испании свои войска в соответствии с планом, который тогда вырабатывался «комитетом по невмешательству в дела Испании». Ниже я расскажу, как Чемберлен выполнил это обязательство.

Помню, весной 1938 года я как-то встретил на одном дипломатическом приеме леди Ванситарт. Она находилась в состоянии большой депрессии. Отстранение ее мужа от активного участия в осуществлении английской внешней политики, назначение Галифакса министром иностранных дел, засилье «кливденцев» в правительстве и многое другое настраивало леди Ванситарт крайне пессимистически.

— Ван убежден, — говорила она, — что война очень близка, вот-вот, за углом… Какое несчастье, что в такое трудное время у нас такой неудачный премьер!

Потом леди Ванситарт стала расспрашивать меня о состоянии англо-советских отношений. Я вполне откровенно рассказал ей, как обстоят дела. Она горестно всплеснула руками и воскликнула:

— А, помните, как четыре года назад Вану удалось привести к смягчению отношений между нашими двумя странами?.. Но теперь все это испорчено!

Я ответил:

— Да, в 1934–1935 годах, при содействии вашего мужа, в англо-советских отношениях наступила оттепель, а сейчас…

— Что сейчас? — нетерпеливо перебила леди Ванситарт.

— Сейчас, — закончил я, — в англо-советских отношениях температура ниже нуля.

Леди Ванситарт еще раз всплеснула руками и с глубоким чувством прибавила:

— Во всяком случае Ван сделал все, что мог

Мюнхен

Но если Чемберлен не сумел извлечь никакого урока из

гибели Австрии, то зато Гитлер оказался гораздо более способным учеником. «Прыжок» на Вену являлся для него важной пробой: нацистский диктатор хотел проверить, как будут реагировать «демократические державы» на его агрессию. Проверка показала, что Англия и Франция не шевельнулись. Неудивительно, что Гитлер истолковал это так: путь свободен! И через два месяца после захвата Австрии он открыл новую и еще более серьезную «операцию».

Случилось то, что М. М. Литвинов предрекал в своем интервью 17 марта: гроза нависла над Чехословакией. С мая 1938 года Гитлер развязал бешеную кампанию против этой страны — не только в печати и по радио: к ее границам начали стягиваться германские войска, а внутри ее судетские нацисты по указке из Берлина стали на путь самых наглых провокаций в отношении чехословацкого правительства. Политическая атмосфера в Чехословакии, Центральной Европе, Англии и Франции все больше накалялась. В воздухе запахло порохом. Ведь Франция имела с Чехословакией пакт взаимопомощи, и, если бы Германия напала на Чехословакию, Франция обязана была выступить в ее защиту. Англия такого формального пакта с Чехословакией не имела, но, как близкая союзница Франции, она тоже не могла бы остаться в стороне. К августу ситуация стала столь угрожающей, а тревога и волнение французских и английских масс столь сильными, что британское правительство было вынуждено что-то сделать для разрядки создавшейся напряженности? Что же оно сделало? Ах, это было так а духе Чемберлена!

Вместо того чтобы твердо заявить, что Англия вместе с Францией не позволят Гитлеру проглотить Чехословакию (а такой шаг еще имел шансы остановить руку агрессора), правительство Чемберлена решило отправить в Чехословакию миссию во главе с лордом Ренсименом. Кто такой был лорд Ренсимен? Это был никогда не занимавшийся международными делами престарелый сановник, глухой, малоподвижный и даже толком не знавший, где расположена Чехословакия (я убедился в этом из одного разговора с ним, происходившего летом 1938 г.). Какая цель ставилась перед миссией Ренсимена? Официально миссия должна была «исследовать» на месте ситуацию и сделать посредническое предложение в целях урегулирования германо-чешского конфликта. Фактически, однако, как показали события, «работа» миссии свелась к прокладыванию пути для расчленения Чехословакии.

Хотя прием, оказанный в Лондоне и Париже советскому демаршу 17 марта 1938 г в связи с захватом Австрии, отнюдь не располагал к дальнейшим попыткам подобного рода, Советское

правительство в момент грозной опасности для Чехословакии решило еще раз апеллировать к здравому смыслу франко-английских лидеров. Мы думали «Может быть, горький опыт прошедших с того времени месяцев кое-чему их научил. Может быть, хоть сейчас они готовы будут к более энергичным действиям против агрессоров Нельзя упускать ни одной, даже самой малой, возможности для предотвращения катастрофы».

Исходя из таких соображений, М. М. Литвинов 2 сентября 1938 г заявил французскому поверенному в делах в Москве Пайяру (посол Наджиар был в отсутствии) и лросил его срочно передать французскому правительству, что правительство СССР в случае нападения Германии на Чехословакию исполнит свои обязательства по советско-чехословацкому пакту взаимопомощи 1935 года и окажет Чехословакии вооруженную помощь Так как, однако, по условиям этого пакта обязательство советской ломощи входило в силу только в том случае, если одновременно Франция, связанная с Чехословакией также пактом взаимопомощи, выступает с оружием в руках против Германии, то правительство СССР хотело бы знать намерения французского правительства в создавшейся ситуации. Со своей стороны, правительство СССР предлагает французскому правительству немедленно устроить совещание представителей советского, французского и чехословацкого генеральных штабов для выработки необходимых мероприятий. Литвинов полагал, что Румыния пропустит через свою территорию Советские войска и авиацию, но считал, что в целях воздействия на Румынию в этом смысле было бы очень желательно возможно скорее поставить вопрос об эвентуальной помощи Чехословакии в Лиге наций. Если бы в Совете Лиги за такую помощь высказалось хотя бы большинство (строго по уставу требовалось единогласие), Румыния несомненно присоединилась бы к нему и не возражала бы против прохода советских войск через ее земли.

Примерно в то же время, как впоследствии заявил Готвальд (ставший после войны президентом Чехословакии), И. В. Сталин через него довел до сведения президента Чехословацкой республики Бенеша, что Советский Союз готов оказать Чехословакии вооруженную помощь, даже если Франция этого не сделает[18].

3 сентября утром я получил из Москвы телеграмму с содержанием заявления Литвинова Пайяру. В тогдашней обстановке это был документ величайшего политического значения. Важно было, чтобы он стал известен возможно шире, ибо «кливденская клика» в течение всего августа вела кампанию нашептывания в политических кругах, суть которой сводилась к

следующему: «Мы бы и рады спасти Чехословакию, но без России это трудно сделать, а Россия молчит и явно уклоняется от выполнения своих обязательств по советско-чехословацкому пакту взаимопомощи».

В тот же день, 3 сентября, я посетил Черчилля в его пригородном имении Чартвелл и подробно рассказал ему о содержании заявления Литвинова Пайяру. Черчилль сразу же понял его значение и тут же сказал, что немедленно доведет до сведения Галифакса о моем сообщении. Черчилль исполнил свое обещание. Тогда же, 3 сентября, он отправил Галифаксу письмо с подробной передачей демарша Литвинова. Он подтверждает это и в своих военных мемуарах[19]. Не ограничиваясь разговором с Черчиллем, я встретился также с Ллойд Джорджем и заместителем лейбористского лидера Артуром Гринвудом и повторил им то, что рассказал Черчиллю.

Мой расчет при этом был такой: три лидера оппозиции несомненно будут рассказывать о демарше Литвинова своим коллегам по партии (тем более, что сообщая им о нем, я не просил их держать мои слова в секрете), и, стало быть, в политических кругах Лондона будут знать о действительной позиции СССР в столь актуальном вопросе; а если бы кто-либо из членов правительства стал клеветать в парламенте на «пассивность» СССР в чехословацком вопросе, со стороны оппозиции мог бы последовать ответ, восстанавливающий истину. В дальнейшем мой расчет полностью оправдался.

Я не сомневался тогда, не сомневаюсь и сейчас, что, если бы французское правительство подхватило протянутую ему 2 сентября советскую руку, если бы Англия и Франция хотя бы в этот поздний час искренне пошли на совместные действия с СССР, Чехословакия была бы спасена, а весь дальнейший ход европейских и мировых событий принял бы иное направление. Однако поступить так — означало бы поссориться с Гитлером, поставить крест над планами «западной безопасности», отказаться от надежд столкнуть Германию с СССР… Нет, нет! Ни Чемберлен, ни Даладье на это не хотели пойти! Они предпочитали носиться со своими нелепо фантастическими химерами, продиктованными классовой ненавистью к стране социализма! Они готовы были ради этого пожертвовать Чехословакией, да и не только Чехословакией…

У. Черчилль в своих военных мемуарах рассказывает, что 5 сентября он получил от Галифакса ответ на свое письмо, о котором речь шла выше, и министр иностранных дел заявлял в нем, что постановка в Лиге наций вопроса о Чехословакии «сейчас будет мало полезной, но что он будет иметь это в

виду»[20].

Через два дня после ответа Галифакса Черчиллю, 7 сентября, в газете «Таймс» появилась зловещая передовица, в которой явственно давалось понять, что наилучшим выходом из положения была бы передача Чехословакией Германии Судетской области. Английское министерство иностранных дел поспешило заявить, что оно не имеет никакого отношения к названной передовице, но этому никто не поверил.

Помню, 8 сентября, на другой день после названного выступления «Таймс», меня пригласил к себе Галифакс и в ходе разговора, касавшегося различных вопросов, заявил, что британское правительство не имеет никакого отношения к указанному выступлению газеты, но я ему тоже не поверил. Конечно, я допускал, что ни министерство иностранных дел, ни все правительство в целом прямо и формально не давали «Таймс» никаких поручений напечатать злополучную передовицу. Но разве мало есть у высших властей косвенных и неофициальных путей, для того чтобы увидеть на страницах печати выражение желательных им мнений и взглядов? Так именно обстояло дело и в данном случае, ибо все содержание и тон передовицы «Таймс» превосходно отражали дух мыслей и действий «кливденской клики». Какие же основания у меня были верить опровержению Галифакса?

Затем пришли позорные дни Мюнхена. Глава британского правительства, этот «человек с зонтиком», как его окрестили в те дни газетные острословы, при энергичной поддержке Даладье опустился до роли какого-то незадачливого политического коммивояжера, который судорожно метался между Гитлером и чехословацким правительством. Даже больше: Чемберлен унизился до того, что превратился в «большую дубинку» нацистского «фюрера», требуя от Чехословакии капитуляции перед германским агрессором.

Однако, прежде чем эти усилия завершились окончательным успехом, СССР еще раз сделал попытку спасти положение. В сентябре 1938 года собралась очередная сессия Лиги наций. В Женеву приехал Литвинов. Он вызвал меня из Лондона для участия в работе советской делегации. Атмосфера в Женеве была накаленная. В кулуарах Лиги ходили самые тревожные слухи и рассказы. Со дня на день ждали нападения Германии на Чехословакию. Даже мирные швейцарцы производили противовоздушные упражнения и устраивали пробные затемнения.

В Женеве мы узнали, что французский министр иностранных дел Бонне, один из злейших врагов СССР, скрыл от большинства

членов французского правительства заявление Литвинова Пайяру. Бонне все время объяснял предательскую линию Франции в отношении Чехословакии «пассивностью России» в чехословацком вопросе, и заявление советского наркома от 2 сентября его совсем не устраивало. Теперь оказывалось, что о готовности Советского правительства выступить на защиту Чехословакии во Франции-вообще никто не знает вплоть до членов ее правительства. Надо было во что бы то ни стало показать Франции и всему миру, какова же истинная позиция СССР. Именно поэтому Литвинов в своем выступлении 21 сентября 1938 г. уже с трибуны Лиги наций открыто повторил то, что за 19 дней перед этим он в дипломатическом порядке сообщил французскому правительству через Пайяра. Интрига Бонне провалилась, и ее разоблачение перед лицом всего мира способствовало укреплению международного авторитета СССР.

Два дня спустя, 23 сентября, британские представители в Женеве Батлер и лорд де ла Вар пригласили Литвинова и меня для разговоров о создавшейся ситуации. Англичане хотели знать, как советская сторона представляет себе конкретные шаги, вытекающие из заявления Литвинова, сделанного за два дня перед этим на заседании Лиги наций. В ответ Литвинов предложил созыв немедленного совещания представителей Англии, Франции и СССР в Париже или каком-либо другом подходящем месте (не в Женеве) для выработки мер по защите Чехословакии. Он прибавил, что советско-чехословацкий пакт взаимопомощи будет приведен в действие вне зависимости от того, какую позицию займет Лига наций (такое заявление было сделано чехословацкому правительству за три дня перед тем в ответ на запрос последнего о позиции Советского правительства). Далее Литвинов сообщил, что Советское правительство сделало правительству Польши важное предупреждение если Варшава вздумает напасть на Чехословакию для отторжения от нее Тешенской области (о чем тогда было много разговоров), то СССР будет считать советско-польский пакт о ненападении автоматически расторгнутым.

Батлер и де ла Вар казались очень заинтересованными заявлениями Литвинова и даже проявили что-то вроде полусимпатии к действиям СССР. Они обещали немедленно сообщить о содержании нашей беседы в Лондон и по получении инструкций оттуда вновь с нами встретиться… Увы! — эта новая встреча так и не состоялась (разумеется, не по нашей вине). Да и как могло быть иначе? Ведь именно в эти последние дни сентября 1938 года Чемберлен и Даладье завершали свою «операцию предательства» Чехословакии.

27 сентября Литвинов предложил мне немедленно вернуться в Лондон.

— Ваше присутствие там сейчас, — заявил он, — гораздо важнее, чем в Швейцарии.

В тот же день я выехал из Женевы. На вокзале была кромешная тьма, так как местные власти в этот вечер устроили пробное затемнение в городе. Рано утром 28-го я был в Париже. Шел дождь, и знакомые улицы французской столицы были пустынны и унылы. В Лондон я приехал в тот же день около четырех часов и прямо с вокзала отправился в парламент. Я попал к самому драматическому моменту.

Как известно, первое паломничество Чемберлена, к Гитлеру состоялось 15 сентября. Гитлер принял британского премьера в Берхтесгадене и выдвинул свои требования к Чехословакии, угрожая в случае отказа последней применить силу. Чемберлен вернулся в Лондон.

Состоялось экстренное совещание англо-французских министров, которое приняло требования Гитлера: 19 сентября под нажимом из Лондона и Парижа чехословацкое правительство также приняло эти требования[21]. Тогда Чемберлен вторично полетел на свидание с Гитлером. Оно состоялось 22–23 сентября в Годесберге. Чемберлен рассчитывал, что, положив на стол согласие Чехословакии, он заслужит одобрение «фюрера», но жестоко ошибся. Увидев в Берхтесгадене, что перед ним не стальной рыцарь, а набитый тряпками «человек с зонтиком», Гитлер решил, что нечего стесняться. На втором заседании с Чемберленом в Годесберге он выдвинул новые требования, гораздо более жесткие, чем в Берхтесгадене. Британский премьер был сильно обескуражен, но все-таки взялся «убедить» Чехословакию еще раз уступить. Он снова вернулся в Лондон и вместе с Даладье попытался вторично оказать давление на Прагу. Но тут у него вышла осечка: чехословацкое правительство отвергло «годесбергскую программу» Гитлера. В этом решении чехословаков сыграло свою роль полученное за несколько дней перед тем заверение советской стороны об ее готовности оказать Чехословакии помощь при всяких условиях, даже в случае предательства со стороны Франции. Гитлер был взбешен, и 26 сентября объявил, что, если до 14 часов 28 сентября Чехословакия не капитулирует, он открывает военные действия. Чемберлен и Даладье пришли в панику, и британский премьер обратился к Гитлеру и Муссолини с покорнейшей просьбой устроить свидание четырех для окончательного решения чехословацкого вопроса. Одновременно в целях создания соответственных настроений среди широких масс населения

французское правительство издало приказ о призыве нескольких возрастов резервистов, а британское правительство мобилизовало флот и приняло некоторые меры противовоздушной обороны. Все в страшном напряжении Ожидали: согласится Гитлер на новую встречу или мет?

Когда 28 сентября я сел на свое место в парламентской галерее для послов, Чемберлен, весь какой-то встрепанный и возбужденный, стоял перед правительственной скамьей и нервно махал правой рукой, показывая всем зажатый между пальцами листок белой бумаги. Это было письмо Гитлера, только что, во время заседания, полученное в ответ на слезницу Чемберлена о встрече четырех. Гитлер соглашался на такое совещание. Чемберлен не скрывал своего восторга. Огромное большинство консерваторов устроили ему настоящую овацию. Лейбористы и либералы были более сдержанны, но тоже не скрывали своей радости. В такой обстановке Чемберлен покинул здание парламента, чтобы сразу же начать свое паломничество в Мюнхен.

На меня вся эта сцена произвела самое гнетущее впечатление. Было такое ощущение, точно видишь, как тяжелый автомобиль, переполненный людьми, катится вниз по откосу к пропасти и ты ничего не можешь сделать, для того чтобы его удержать. Сойдя с галереи для послов в кулуары парламента, я столкнулся с одним Знакомым лейбористом, который, как я видел, аплодировал Чемберлену.

— Чего вы аплодировали? — спросил я его.

— Ну, как же, — откликнулся лейборист, — все-таки Чехословакия уцелеет, да и войны, пожалуй, не будет.

Я ответил:

— Не хочу быть Кассандрой, но попомните меня: Чехословакия погибла, а война стала неизбежной.

Лейборист с изумлением посмотрел на меня.

— Вы это серьезно? — спросил он в недоумении.

— Вполне серьезно… Поживем — увидите.

Дальнейшее известно. 29 и 30 сентября состоялось мюнхенское совещание. Гитлер вел себя крайне нагло. Муссолини его поддерживал. Чемберлен и Даладье извивались, как угри. В итоге за спиной Чехословакии было подписано мюнхенское соглашение, суть которого сводилась к следующему.

Судетская область передавалась Германии со всем находящимся там имуществом, а сверх того Чехословакия должна была удовлетворить территориальные требования к ней со стороны Польши и Венгрии. Остальная Чехословакия, беззащитная и униженная, должна была получить гарантию

«большой четверки», гарантию, ценность, которой после всего случившегося была немногим выше нуля.

Для того чтобы хоть несколько ослабить гнетущее впечатление, которое на широкую английскую общественность должно было произвести мюнхенское предательство, Чемберлен уговорил Гитлера подписать вместе с ним бумажку о том, что отныне не должно быть войн между Англией и Германией Никчемную бумажку, годную, как показало дальнейшее, лишь для мусорной корзины!.. Этой бумажкой Чемберлен демонстративно размахивал по «возвращении из Мюнхена на лондонском аэродроме, громко провозглашая, что теперь обеспечен «мир в наше время»!..

Министр иностранных дел Галифакс не отставал от своего премьера. Германский посол в Англии Г. Дирксен, записывая свой разговор с ним от 9 августа 1939 г, между прочим, рассказывает:

> «В дальнейшем ходе беседы лорд Галифакс сказал мне, что он хочет подробно изложить мне свои мысли и взгляды, которые у него сложились после Мюнхена… После Мюнхена он был убежден, что 50-летний мир во всем мире обеспечен приблизительно на следующей основе: Германия — господствующая держава на континенте с преимущественными правами на юго-востоке Европы, в особенности торгово-политического характера; Англия будет заниматься там торговлей только в скромных масштабах; Англия и Франция, защищенные в Западной Европе от конфликта с Германией двусторонними линиями укреплений, будут стремиться охранять оборонительными мерами свои владения и развивать их [естественные] ресурсы; дружба с Америкой; дружба с Португалией; Испания — пока еще неопределенный фактор, который во всяком случае должен по необходимости выпасть на ближайшие годы из всех комбинаций держав[22]; Россия, — расположенная в стороне, большая и трудно обозримая страна; стремление Англии обеспечить свой путь по Средиземному морю через Аден, Коломбо, Сингапур в доминионы и на Дальний Восток»[23].

Читая эти строки, трудно решить, чего здесь больше — империалистической злостности или феноменальной исторической слепоты. Ясно одно: Галифакс совершенно не понимал того, что происходит в мире. Как характерно, в частности, его замечание — «Россия, — расположенная в стороне, большая и трудно обозримая страна». Ничего более

членораздельного Галифакс не нашелся сказать о народе, населяющем одну шестую мира и ставшем знаменосцем будущего человечества!

Реакция на мюнхенское соглашение в Англии была очень бурная. Широкие массы народа, лучше, чем Галифакс, разбиравшиеся в сути вещей, были возмущены предательством Чехословакии и встревожены все ближе нараставшей опасностью войны. Более дальновидные круги господствующего класса понимали, в какую пропасть тащит страну ее премьер-министр, и испытывали чувство глубокого унижения от той жалкой роли, которую он сыграл во всей этой трагической истории. Нашелся даже член самого правительства — морской министр Дафф Купер, который не мог снести происшедшего и 1 октября 1938 г. демонстративно вышел в отставку. Однако «кливденская клика» только плотнее сомкнула свои ряды и сделала попытку свалить ответственность за свое историческое преступление на плечи… Советского Союза! В свете всего рассказанного выше это может показаться фантастической нелепостью, и все-таки это было так.

11 октября 1938 г., через десять дней после мюнхенского предательства, один из членов правительства — лорд Винтертон произнес на публичном собрании большую речь, в которой объяснил неизбежность уступок Гитлеру со стороны англичан и французов… как бы вы думали, чем?…военной слабостью Советского Союза и его неспособностью и нежеланием ввиду этого выполнить свои обязательства по пакту взаимопомощи с Чехословакией.

Прочитав в газете о выступлении Винтертона, я был глубоко возмущен и сразу же попросил свидания с Галифаксом, заявив ему протест против клеветнических выдумок Винтертона. Одновременно я дал в печать сообщение от имени советского посольства, в котором говорилось:

«Заявление Винтертона совершенно извращает действительную позицию советского правительства в чехословацком вопросе. Позиция СССР в этом вопросе была четко и определенно, не оставляя места для каких-либо неясностей, сформулирована народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым в Женеве 21 сентября во время его выступления на пленуме Лиги наций. В своей речи Литвинов, резюмируя свою беседу с французским поверенным в делах в Москве 2 сентября 1938 года, сказал, что СССР намерен выполнить все обязательства, вытекающие из советско-чехословацкого пакта, и совместно с Францией оказать Чехословакии необходимую помощь всеми доступными путями.

Литвинов добавил далее, что военное ведомство СССР готово

немедленно начать переговоры с представителями генеральных штабов Франции и Чехословакии, чтобы наметить конкретные мероприятия для совместных действий»[24]

Я думал, что на этом дело кончится. Но нет! На следующее утро, 12 октября, я увидел в газетах отчет о новом выступлении Винтертона на публичном собрании, где он еще раз повторил свое лживое утверждение Это меня окончательно взорвало, и я дал в печать второе, уже более резкое заявление от посольства, в котором говорилось, что бесполезно спорить с человеком, который сознательно закрывает глаза на правду, но что никакое повторение лжи не может превратить ее в истину.

Полемика между советским посольством и членом британского правительства в разгоряченной атмосфере тех дней привлекла всеобщее внимание. В парламенте лейбористами был сделан запрос. Отвечать пришлось самому премьеру. Можно легко понять, как мало это ему улыбалось и как сильно он старался выгородить своего коллегу по правительству. Но все-таки Чемберлен был вынужден дезавуировать Винтертона. Мы могли чувствовать маленькое удовлетворение..

Да, маленькое Ибо то действительно большее, важное, первостепенное, что тогда во весь рост встало перед нами, перед Советским государством и правительством, а именно позиция Англии на международной арене, могло вызывать и, конечно, вызывало у нас лишь глубокую тревогу и возмущение В Мюнхене сложился пресловутый «пакт четырех», острием своим направленный против СССР, и притом в самом гнусном, отвратительном варианте, — «пакт четырех», в котором полновластными хозяевами были фашистские диктаторы, а представители Англии и Франции трусливо поспешали за ними «петушком, петушком». Как характерно, в самом деле, было поведение британского правительства в критические дни сентября! Оно ни разу не сделало попытки хотя бы проконсультироваться с правительством СССР по вопросу о Чехословакии и о европейском мире. Все переговоры Чемберлена с Муссолини, все его путешествия на свидание с фашистскими диктаторами, все его соглашения с ними, включая и мюнхенское, — все это было проделано за спиной Советского правительства, даже без уведомления его о происходящем. Единственный раз, когда Галифакс вошел со мной в контакт по поводу разыгрывавшихся в сентябре событий, был наш разговор с ним 29 сентября, то есть в тот момент, когда Чемберлен находился в Мюнхене и судьба Чехословакии была уже решена. Но о чем шла речь в этом разговоре? О позиции Англии в чехословацком вопросе? О перспективах и линиях соглашения с

Германией и Италией? Ничего подобного! В беседе 29 сентября Галифакс хотел объяснить мне, почему Англия и Франция согласились пойти на конференцию с фашистскими диктаторами без СССР, однако оправдания Галифакса были хуже самого сурового обвинения политики Чемберлена Вот подлинные слова Галифакса из его собственной записи о нашей беседе.

«Мы все должны считаться с фактами, один из этих фактов состоит в том, что, как ему (т. е. мне. —И.М.) хорошо известно, главы германского и итальянского правительств в нынешней обстановке не захотели бы сидеть на конференции вместе с Советским правительством Нам кажется чрезвычайно важным, а, я думаю, это важно и для него, чтобы ради избежания войны спорные вопросы так или иначе были переданы на разрешение путем переговоров. Именно данное соображение побудило премьер-министра вчера обратиться к Гитлеру с призывом о созыве конференции, на которую могут быть приглашены и другие, если Гитлер того пожелает»[25].

Это было настоящее свидетельство о бедности, выданное британскому правительству его министром иностранных дел. В самом деле, как рисовалась Галифаксу сложившаяся ситуация? В центре всего стоит Гитлер Ему направлена мольба премьера Великобритании об устройстве совещания, от него зависит и состав этого совещания. Сам Чемберлен ничего не может. Он не ставит никаких условий, он даже не высказывает никаких пожеланий. Он просто с благодарностью принимает из рук нацистского диктатора то, что тому заблагорассудится бросить ему со стола. Трудно представить себе картину большего унижения для главы правительства одной из величайших мировых держав, владения которой тогда еще имелись во всех концах земли.

Я не скрыл от Галифакса моих искренних чувств и вполне откровенно высказал, что я думаю о его словах и о политике Чемберлена в международных вопросах. Я особенно подчеркнул, что слабость, проявленная британским правительством в связи с событиями 1938 года, не только не отдаляет, а, наоборот, приближает опасность второй мировой войны. К сожалению, однако, Галифакс «забыл» воспроизвести эти мои возражения в своей записи той беседы. Впрочем, так вообще нередко бывает в английских дипломатических документах.

Какие выводы я делал, не мог не делать из тяжкого опыта чехословацкой трагедии?

Они были просты, но мало утешительны. Я говорил себе:

«Вот как Франция Даладье выполняет свои

обязательства по заключенным ею договорам! Вот как Англия Чемберлена соблюдает требования устава Лиги наций!».

Жульнический трюк Чемберлена

В ноябре 1938 года, когда волнение, вызванное Мюнхеном, несколько улеглось, произошло еще одно серьезное событие.

Я уже говорил, что 16 апреля 1938 г. Чемберлен и Муссолини подписали договор о дружбе и сотрудничестве, но что, стремясь хоть несколько успокоить английское общественное мнение, Чемберлен дал обещание: договор не будет ратифицирован впредь до вывода из Испании итальянских войск в соответствии с планом «комитета по невмешательству». Такой план, после длинных дискуссий и споров, был, наконец, принят 5 июля 1938 г. По вопросу об эвакуации иностранных комбатантов из Испании он предусматривал, что число эвакуируемых комбатантов со стороны, у которой их имеется меньше, должно составлять 10 тыс и что та сторона, которая имеет их больше, должна эвакуировать аналогичный процент от общего количества сражающихся на ее стороне иностранцев. Конкретно это означало следующее: на стороне республиканского правительства летом 1938 года было примерно 12 тыс. человек, бойцов знаменитых интернациональных бригад, — стало быть, 10 тыс. иностранных комбатантов на республиканской стороне составляли 80 % всего их числа; напротив, на стороне Франко иностранных комбатантов в то время было около 130 тыс. человек, из которых итальянцы составляли не меньше 100 тыс., — стало быть, для того чтобы выполнить условия комитетского плана, Франко должен был отослать домой не меньше 80 тыс. итальянцев. Разумеется, Франко это плохо устраивало, и потому осенью 1938 года он начал игру в оттяжку. В этом его энергично поддерживали немцы и итальянцы.

В сентябре 1938 года республиканское правительство, не дожидаясь окончания переговоров «комитета по невмешательству» о пропорциональной эвакуации иностранных комбатантов с обеих сторон, односторонним актом вообще отказалось от помощи интернациональных бригад, и специальная комиссия Лиги наций по его просьбе посетила республиканскую Испанию и удостоверила точное выполнение республиканцами своего решения. Франко попал в трудное положение и решил сделать «хороший жест». Он заявил, что готов эвакуировать 10 тыс. иностранных комбатантов. Если бы даже все эти 10 тыс. состояли только из итальянцев, они составили бы лишь 10 % от

общего числа итальянцев, сражавшихся на стороне Франко. А между тем план «комитета по невмешательству» требовал эвакуации по крайней мере 80 %, или 80 тыс., итальянцев. Предложение Франко являлось настоящим жульничеством, и всякому было очевидно, что оно ни в коем случае не является выполнением плана «комитета». А раз не выполнен этот план, Чемберлен, согласно его же собственному обещанию, сделанному в апреле 1938 года, не имел права ратифицировать англоитальянский договор.

Но то было еще до Мюнхена. Теперь, после Мюнхена, британский премьер стал «мудрее». Помню, в разговоре с Галифаксом 11 октября я прямо поставил ему вопрос: считает ли британское правительство эвакуацию 10 тыс. итальянцев из Испании достаточной, для того чтобы ратифицировать англо-итальянский договор? Ответ Галифакса был двусмысленный и неясный. Он долго распространялся на тему о том, что к вопросу об эвакуации надо подходить с точки зрения более общих проблем, и в особенности с таким расчетом, чтобы поскорее вообще ликвидировать «испанскую проблему», являющуюся источником «острой международной тревоги». А под конец Галифакс сказал, что «это соображение (т. е. скорейшая ликвидация «испанской проблемы». —И.М.) много важнее, чем точные цифры эвакуации итальянцев или подданных какой-либо иной державы из Испании»[26]

Все было ясно. Правительство Чемберлена хотело возможно скорее задушить Испанскую республику и поэтому готово было закрыть глаза на жульничество Франко Так оно в конце концов и поступило. Вывод 10 тыс. итальянцев был признан Чемберленом за выполнение плана «комитета» со стороны Франко, и после этого жульнического трюка 16 ноября 1938 г. британское правительство ратифицировало англо-итальянский договор. Мне еще раз пришлось повторить себе: «Вот как Англия Чемберлена соблюдает свое слово!»

На рубеже 1939 года

Вступая в новый, 1939 год, я невольно подводил итоги своей шестилетней работе в Лондоне в качестве посла СССР. Невеселые это были итоги.

Ехал я сюда в 1932 году с самыми лучшими намерениями и, на протяжении шести лет, выполняя поручение Советского правительства, прилагал огромные усилия к улучшению отношений между Англией и СССР. Это соответствовало также и моим личным чувствам и стремлениям: с самого детства я питал

симпатию и уважение к английскому народу, к его высокой культуре, к его замечательной литературе. Мне так хотелось содействовать созданию прочного сотрудничества между обеими странами Мне было хорошо известно, что то, что хочет Советское правительство, того же хотят миллионы и миллионы советских людей. И вот сейчас, на седьмом году моей работы в Лондоне, я должен был с горечью констатировать, что все эти старания и усилия приносят более чем скромные плоды.

Да, между Советским Союзом и Англией заключено (после жестокой борьбы!) временное торговое соглашение. Да, в течение года после того англо-советские отношения носили такой характер, что могли считаться «дружественными» Да, мне удалось найти в Англии немало умных, дальновидных и влиятельных людей среди господствующего класса и установить с ними доброе знакомство… Это все было хорошо и полезно для СССР, для Англии, для дела всеобщего мира.

Но все-таки власть в этой стране прочно находилась в руках самых реакционных элементов консервативной партии. Все-таки премьер-министром Великобритании являлся Чемберлен, а министром иностранных дел — лорд Галифакс Все-таки «кливденская клика» определяла основные линии официальной политики правительства. Все-таки эта официальная политика была остро направлена против СССР и принципов коллективной безопасности, ставила ставку на стравливание Германии и Советского Союза и жертвовала ради достижения своих целей различными странами и народами. Пример Австрии, Чехословакии, Испании был тут особенно показателен…

А что обещало будущее?

Европейский горизонт был окутан мрачными тучами. Предотвратить вторую мировую войну можно было бы только дружными совместными усилиями СССР, Англии, Франции, США. Практически особенно важно было сотрудничество Лондона и Москвы. На одном публичном собрании зимой 1938/39 года я открыто заявил, что вопрос о войне или мире в конечном счете зависит от характера отношений между Англией и СССР. Но то, что я видел и наблюдал в течение моей шестилетней работы в Лондоне, то, что произошло в Европе в 1938 году, делало маловероятным тесное сотрудничество держав, не заинтересованных в развязывании войны. Меньше всего можно было рассчитывать, что на такое сотрудничество пойдет Чемберлен…

Конечно, даже и в столь неблагоприятных условиях я буду делать все человечески возможное для сближения между Лондоном и Москвой, ибо это мой долг, как советского посла, это

— надежда, если не на предотвращение, то хотя бы на известную оттяжку второй мировой войны…

Но все-таки мы вступали в 1939 год с мрачными предчувствиями и с тяжелым грузом глубокого недоверия к тогдашнему правительству Англии, и прежде всего к его главе Невилю Чемберлену. Таков был тот психологический фон, на котором писали свои узоры события этого проклятой памяти года…

Я так подробно остановился на своих тогдашних настроениях, мыслях и чувствах совсем не потому, что придаю им какое-то особенное, личное значение. Я остановился на них только потому, что они правдиво отражали то, что думали и чувствовали советский народ, Советское государство, Советское правительство Моя психология была миниатюрным фотографическим снимком с психологии всего советского целого и только как таковая заслуживает внимания читателя. В 1939 годуВсе, что было изложено на предыдущих страницах, является лишь предысторией тройных переговоров о пакте взаимопомощи между СССР, Англией и Францией. Поэтому я говорил о событиях 1932–1938 годов кратко, выбрасывая многие детали (подчас весьма характерные), рисуя картину в масштабе месяцев и даже лет. Сейчас я перехожу к воспоминаниям о самих тройных переговорах, то есть к главной теме этой книги, и здесь я вынужден изменить масштаб, в котором будут изображаться факты и события Отныне это будут не годы и не месяцы, а недели, дни и в некоторых случаях даже часы. Так будет правильнее, нагляднее и убедительнее.

В 1939 году

Захват Чехословакии и маневры Чемберлена

10 марта 1939 г. министр внутренних дел и один из наиболее махровых «кливденцев» Самуэль Хор произнес в Лондоне большую речь В ней он в самых оптимистических тонах изобразил европейскую ситуацию, создавшуюся после Мюнхена, заявил, что Англия и Франция не хотят ни на кого нападать, подчеркнул, что Германия и Италия неоднократно заверяли в своей приверженности делу мира, и затем продолжал:

— Что, если бы в этой обстановке возросшего доверия был осуществлен пятилетний план, неизмеримо более великий, чем любой пятилетний план, который в последние годы пыталась реализовать любая отдельная страна? Что, если бы в течение пяти лет не было ни войн, ни слухов о войнах, если бы народы Европы могли отдохнуть от давящего их кошмара и от сокрушительной тяжести расходов на вооружение? Разве не могли бы они в этом случае использовать все поразительные открытия и изобретения нашего времени для создания золотого века, в котором бедность была бы сведена к крайнему минимуму, а общий уровень жизни поднят до небывалой высоты?. Для вождей мира здесь открывается величайшая возможность Пять человек в Европе (Хор имел в виду руководителей Англии, Франции, Германии, Италии и СССР. —И. М), если бы они были связаны единством цели и действия, могли бы в невероятно короткий срок перестроить всю мировую историю… Наш собственный премьер уже доказал, что он готов от глубины души и сердца без колебаний идти к этой цели. Не могу поверить, чтобы другие европейские лидеры не поддержали его в столь великом стремлении [27].

Когда сейчас перечитываешь речь Самуэля Хора, трудно представить себе более яркий образчик лицемерия, тупости и полного непонимания того, что действительно творится в мире (впрочем, говорил же Галифакс после Мюнхена о наступлении 50-летнего мира в Европе!). Однако и тогда, в марте 1939 года, всем более трезвым и вдумчивым политикам речь Хора казалась нелепой и даже опасной, ибо она способна была убаюкивать широкие круги населения и психологически разоружать их перед лицом величайшей военной опасности. Реальная жизнь очень быстро обнаружила истинную ценность той золотой мишуры, которую с такой щедростью рассыпал министр внутренних дел.

Ровно через пять дней после речи Самуэля Хора, 15 марта, Гитлер молниеносно обрушился на Чехословакию, оккупировал

Прагу и объявил Богемию и Моравию германским протекторатом, а из Словакии создал «самостоятельное государство». Европу потряс удар политического землетрясения. Мюнхенское соглашение было изорвано в клочки.

Что же Чемберлен?

В тот же день, 15 марта, премьеру пришлось выступить по вопросу о захвате Чехословакии в палате общин. Конечно, на словах он вынужден был осудить поведение Гитлера, но не счел нужным рекомендовать парламенту принять какие-либо практические действия. Чемберлен продолжал упрямо твердить, что будет по-прежнему стремиться к возвращению атмосферы взаимопонимания и доброй воли между всеми державами и, к разрешению международных споров путем переговоров Чемберлен также утверждал, что, несмотря на все происшедшее, он считает свою мюнхенскую политику правильной и уверен, что она пользуется сочувствием со стороны мирового общественного мнения.

Позиция Чемберлена вызвала бурную реакцию не только со стороны лейбористской и либеральной оппозиции, но даже и со стороны известных элементов консервативной партии. В частности, Иден выступил с резкой критикой внешней политики правительства и предостерегал, что за захватом Чехословакии последуют новые акты агрессии со стороны фашистских диктаторов. Иден энергично требовал создания коалиционного правительства всех партий с тем, чтобы оно поставило своей задачей эффективную борьбу с агрессией и в этих видах вступило бы в тесное сотрудничество с другими миролюбивыми государствами[28].

На следующий день, 16 марта, английская пресса единодушно атаковала Германию и открыто заявляла, что Гитлеру верить нельзя. «Таймс» называла захват Чехословакии «жестоким и брутальным актом подавления»; «Дейли телеграф» характеризовала его как «чудовищное преступление»; «Дейли геральд» называла агрессию Гитлера «постскриптумом к Мюнхену» и призывала страну к организации сопротивления фашистским диктаторам совместно с Францией, СССР и США; «Йоркшир пост» (орган, близкий к Идену) заявляла, что к нацистским обещаниям нельзя относиться с таким доверием, какое в последнее время оказывало им британское правительство. В том же духе были высказывания и других органов печати.

Было ясно, что широкие общественные и политические круги Англии, в особенности рабочие массы, глубоко возмущены не только агрессией Гитлера, но и действиями своего собственного правительства. В такой обстановке Чемберлен оказался

вынужденным маневрировать.

Он перестроился очень быстро. Уже 17 марта, то есть через два дня после своего выступления в парламенте, премьер произнес большую речь на собрании консерваторов в Бирмингеме. «Душа» Чемберлена, как показали последующие события, ничуть не изменилась, но зато весь тон речи был совершенно иной, чем за два дня перед тем. На этот раз премьер извинялся за свою излишнюю умеренность в парламенте, объясняя ее неполнотой полученных к тому моменту сведений о событиях в Чехословакии, резко осуждал агрессивные действия Гитлера и клялся, что Англия будет сопротивляться до последней крайности против всяких попыток Германии установить свое мировое господство. Однако по вопросу о том, что же надо делать для предотвращения такой опасности, премьер был очень туманен и даже двусмыслен Он не преминул, в частности, заявить, что не согласен принимать на себя неопределенные обязательства, которые придется выполнять при наличии условий, которые сейчас нельзя предусмотреть. В переводе на более простой язык это означало, что Чемберлен является противником заключения с другими странами (он имел в виду, конечно, в первую очередь СССР. —И. М.) пактов взаимопомощи более общего характера.

На следующий день, 18 марта, Чемберлен предпринял еще один маневр, всех последствий которого он тогда, надо полагать, не предвидел Сразу после захвата Чехословакии Гитлером по Европе усиленно побежали слухи (возможно, инспирируемые из Берлина) о том, что теперь следующей жертвой Германии будет Румыния. В Лондоне особенно активно распространял эти слухи румынский посланник Тиля. В наэлектризованной атмосфере тех дней таким слухам легко верили, ибо новый «прыжок» на этот раз в сторону Румынии с ее нефтью вполне соответствовал бы агрессивным вожделениям «фюрера» Все допускали его возможность и даже вероятность Указанные слухи дошли до британского правительства и сильно его взволновали.

Результатом было то, что 18 марта утром английский посол в Москве Сиидс явился к наркому иностранных дел М. М. Литвинову и по поручению своего правительства задал ему вопрос: что предпримет СССР в случае нападения Гитлера на Румынию? В тот же день вечером Литвинов по поручению Советского правительства ответил, что наилучшим способом борьбы против нависшей над Румынией опасности был бы немедленный созыв конференции из представителей Англии, Франции, СССР, Турции, Польши и Румынии. Советское правительство полагает, добавил Литвинов, что с

психологической точки зрения такую конференцию лучше всего созвать в Бухаресте, однако оно готово согласиться на любой другой пункт, который будет признан удобным всеми участниками совещания.

Так начались тройные переговоры 1939 года между СССР, Англией и Францией, которым суждено было сыграть столь большую роль в событиях, непосредственно предшествовавших развязыванию второй мировой войны.

Здесь будет своевременно на момент остановиться и посмотреть, с чем шла каждая сторона к этим переговорам.

Советская сторона более чем когда-либо стремилась к сохранению мира. Она прекрасно понимала, как близко надвинулась опасность второй мировой войны, и готова была использовать любое подходящее средство для ее предупреждения или хотя бы отсрочки. Советская сторона не предавалась никаким иллюзиям. Опыт прошлого оставил у нее лишь крайнее недоверие и раздражение по отношению к британскому правительству, и в частности лично к Чемберлену, но советская сторона полагала, что в международной области надо проводить политику разума, а не политику чувства. Поэтому советская сторона даже теперь, после всех разочарований предшествующих лет, считала необходимым попытаться наладить сотрудничество с Англией и Францией для борьбы против агрессоров. У представителей советской стороны теплилась надежда, что, может быть, трагедия Чехословакии открыла даже «кливденцам» глаза на опасность «умиротворения» Гитлера, опасность для самой же Англии, и что в силу этого правительство Чемберлена, наконец, пойдет на эффективное сотрудничество с СССР для предотвращения второй мировой войны. И если бы даже такая надежда в конечном счете оказалась иллюзорной, все-таки надо было попробовать договориться с Чемберленом и Даладье. Вот почему Советское правительство с такай феноменальной быстротой (в тот же день!) дало ответ на запрос британского правительства от 18 марта и сделало ему такое предложение, которое свидетельствовало о его готовности принять действительно эффективные меры против нависшей над Румынией опасности.

Совсем иначе повела себя британская сторона, то есть конкретно правительство Чемберлена. Как показали дальнейшие события, трагедия Чехословакии решительно ничему не научила «кливденскую клику». Генеральная линия правительства Чемберлена ничуть не изменилась. Это правительство по-прежнему делало свою главную ставку на развязывание германо-советской войны и поэтому меньше всего хотело ссориться с Гитлером. Чемберлен (я беру его здесь и в дальнейшем не только

как личность, но и как воплощение большинства консервативной партии) все еще продолжал политику классовой ненависти в отношении СССР[29] и был так ослеплен этой страстью, что не видел, не хотел видеть ту пропасть, которая как раз в это время стала все явственнее разверзаться перед Великобританией Отсюда вытекло и его поведение в ходе переговоров 1939 года. Если бы английский премьер действительно заботился о сохранении мира, как он о том неоднократно заявлял, то он с радостью ухватился бы за предложение, которое 18 марта ему сделал Советский Союз. И если бы это случилось, весь ход последующих событий принял бы иное направление. Возможно и даже вероятно, что в таком случае второй мировой войны вообще не было бы. Но Чемберлен, как дятел, продолжал упорно долбить в одну точку (советско-германская война!), и поэтому 18 марта он не только не схватил с радостью руку СССР, а, наоборот, начал тот систематический саботаж всяких попыток честного сотрудничества с Советским правительством, который прошел красной нитью через поведение британской стороны вплоть до самого конца переговоров. Чемберлен был так глубоко уверен в непогрешимости своих политических расчетов и в неизбежности германо-советского столкновения, что даже не заметил, как война подкралась к его собственной стране гораздо раньше, чем к Советскому Союзу. Впрочем, подробнее об этом ниже.

Да, саботаж переговоров с СССР (другого имени для этого не придумаешь) начался с 18 марта 1939 г. 19 марта утром я получил из Москвы телеграмму, извещавшую меня о разговорах, происходивших накануне между Сиидсом и Литвиновым. Помня о тенденциозной «субъективности» сэра Эсмонда Овия во время англо-советского конфликта из-за «Метрополитен-Виккерс» (1933 г.), посылавшего в Лондон весьма неточные отчеты о своих разговорах с Литвиновым, я решил на этот раз параллельно с англо-советскими переговорами в Москве информировать Галифакса обо всем, происходящем там, и с моего конца. Так легче было предупредить какую-либо дезинформацию со стороны Сиидса, если бы он вздумал последовать примеру Овия. В интересах справедливости должен, однако, сказать, что за все время тройных переговоров у нас не было оснований подозревать Сиидса в какой-либо недобросовестности.

Итак, получив 19 марта утром сообщение из Москвы о разговорах Сиидса — Литвинова, я сразу же попросил свидания с Галифаксом и повторил ему то, что Литвинов сказал Сиидсу. Галифакс поблагодарил меня за сообщение и тут же заявил, что британское правительство утром 19 марта уже обсуждало советское предложение о немедленном созыве конференции

шести держав и пришло к выводу о нецелесообразности такой конференции.

Я спросил, почему?

Ответ Галифакса был очень знаменателен. Британский министр иностранных дел выдвинул два аргумента: во-первых, английское правительство не могло бы сейчас найти достаточно ответственного человека для посылки на такую конференцию; во-вторых, рискованно созывать конференцию, не зная, чем она кончится.

Я с удивлением посмотрел на Галифакса и не скрыл, что эти аргументы кажутся мне крайне неубедительными. В частности, я высказал мнение, что если СССР, Англия и Франция будут единодушны, то конференция не может кончиться неудачно. Галифакс, однако, со мной не соглашался, и я сделал отсюда только единственно возможный вывод: очевидно, он не верит в возможность единодушия между СССР, с одной стороны, Англией и Францией — с другой. Это само по себе уже было симптоматично. В заключение Галифакс сказал, что, вполне сознавая необходимость срочно действовать, британское и французское правительства сейчас обсуждают другую меру, которая может заменить советское предложение Он, однако, уклонился от более точного ответа на вопрос, какая именно мера имеется в виду[30].

Два дня спустя, 21 марта, это выяснилось. Англичане и французы выдвинули проект немедленного опубликования декларации за подписью четырех держав — Англии, Франции, СССР и Польши. В декларации говорилось, что в случае нового акта агрессии названные державы немедленно устраивают консультацию для обсуждения тех мер, которые необходимо принять.

Советское правительство опять ответило очень быстро 22 марта Литвинов сообщил Сиидсу, а 23 марта я сообщил Кадогану (постоянному товарищу министра иностранных дел), что, хотя СССР находит данную меру недостаточно эффективной, тем не менее он готов подписать предложенную декларацию, как только ее подпи — шут Франция и Польша. В тот же день, 23 марта, Чемберлен, выступая в парламенте, заявил, что он является противником создания в Европе блоков держав, стоящих в оппозиции друг к другу[31]. Это еще более понизило и без того невысокий удельный вес предлагаемой англичанами и французами декларации четырех держав.

Но даже и политически обескровленной декларации не суждено было родиться: Польша отказалась подписать ее совместно с СССР, а Чемберлен и Даладье не сочли нужным

оказать на нее необходимое влияние Ка — доган в разговоре со мной 23 марта объяснял поведение польского правительства его боязнью столь открытой ассоциацией с СССР вызвать гнев со стороны Германии[32]. Допускаю, что этот мотив мог играть известную роль в отказе поляков подписать декларацию, но главное было, конечно, в другом. Главное состояло в той глубокой враждебности, которую тогдашнее польское правительство (пресловутое «правительство полковников») питало к Советскому Союзу. Эта враждебность, как увидим ниже, забила последний гвоздь в гроб тройных переговоров 1939 года.

Таким образом, проект декларации четырех держав провалился. Что теперь оставалось делать «кливденцам»? Больше всего им хотелось бы ничего не делать, но это оказывалось затруднительным. Волна общественного негодования, вызванного в Англии захватом Чехословакии, стояла очень высоко. 22 марта Гитлер оккупировал Ме — мель, а Муссолини произнес громовую речь в поддержку его акции. Это еще больше подняло антифашистские настроения в стране. Чемберлену приходилось снова прибегать к маневрам, которые способны были бы хоть несколько успокоить разгоряченное общественное мнение. И вот он придумал способ, который явно свидетельствовал об его полной растерянности.

31 марта премьер неожиданно пригласил меня к себе к 12 часам дня. Когда я оказался в его кабинете, он вручил мне листок бумаги, сказав:

— Прошу вас ознакомиться с этим.

Я стал быстро пробегать печатные строчки. То было официальное заявление британского правительства о том, что впредь до окончания ведущихся сейчас переговоров с другими державами британское правительство придет на помощь Польше всеми имеющимися в его распоряжении средствами, если тем временем произойдет «какая-либо акция, которая явно угрожает польской независимости и которую польское правительство считает настолько важной, что окажет ей сопротивление своими национальными силами». Никакой взаимности от Польши Англия не требовала.

— Я оглашу это заявление сегодня в два часа дня в палате общин, — сообщил Чемберлен, когда я кончил читать. — Надеюсь, содержание его не вызывает с вашей стороны возражений. Ведь г-н Сталин в своем недавнем заявлении на съезде вашей партии также обещал поддержку Советского Союза всякой стране, которая станет жертвой агрессии и будет сопротивляться агрессору… Могу я сегодня в парламенте сказать, что наша гарантия Польше находит одобрение со стороны

Советского Союза?

Я был возмущен бесцеремонностью Чемберлена, но внешне сохранил спокойствие и ответил:

— Мне непонятна ваша просьба. Без всякой предварительной консультации с Советским правительством, совершенно самостоятельно британское правительство решило дать гарантию Польше. Об этом решении я узнаю только сейчас, за два часа до его оглашения в палате общин. У меня нет физической возможности за столь короткий срок снестись с моим правительством и узнать его мнение о вашей декларации; как же я могу дать вам разрешение заявить, что Советское правительство одобряет декларацию? Нет, каково бы ни было содержание декларации, я не могу дать вам на свою ответственность такого разрешения.

Чемберлен выразил сожаление по поводу моего ответа, и мы расстались. В тот же день премьер довел до сведения парламента о решении, принятом правительством. Палата одобрила его. В своем сопроводительном слове Чемберлен не решился заявить, что английская гарантия Польше одобрена Советским Союзом, но все-таки сказал: «У меня нет сомнения, что принципы, на основании которых мы действуем, находят понимание и сочувствие у Советского правительства». Этот намек был нужен премьеру, чтобы создать впечатление, будто бы (авось, широкая публика не разберется в деталях!) британское правительство поддерживает контакт с Советским правительством в целях совместной выработки мер по борьбе с фашистской агрессией Такого контакта, и притом возможно более тесного, тогда требовали демократические массы страны.

Одновременно аналогичную гарантию Польше дала Франция.

Три дня спустя в Лондон приехал Бек, польский министр иностранных дел и фактический лидер «правительства полковников». Он пробыл здесь три дня и вел переговоры с Чемберленом и Галифаксом. В результате этих переговоров односторонняя английская гарантия Польше была превращена в двустороннюю с тем, что в случае, если «какая-либо акция» будет угрожать британской независимости, Польша также приходит Англии на помощь. Кроме того, было решено начать переговоры о заключении между обеими странами формального пакта взаимопомощи Забегая несколько вперед, скажу здесь, что эти переговоры по разным причинам сильно затянулись, и англ о-польский пакт взаимопомощи был подписан в Лондоне только за несколько дней до начала второй мировой войны.

Английская гарантия Польше была объявлена, обещан был также пакт взаимопомощи с Польшей, однако не было никакой

ясности в вопросе о том, что это означает на практике. 6 апреля в разговоре с Галифаксом я спросил, будет ли гарантия подкреплена военными переговорами между генеральными штабами обеих стран. Ответ министра иностранных дел был очень характерен:

Переговоры между штабами, конечно, не исключены. Возможно, они будут найдены удобными. Но пока об этом ничего определенного не решено.

На мой дальнейший вопрос, как понимать сделанное в заявлении премьера о переговорах с Беком выражение, что каждая из сторон придет на помощь другой в случае «прямой» или «косвенной» угрозы ее независимости, Галифакс, пожавши плечами, ответил:

— Да, это, несомненно, вопрос, по которому должна быть создана ясность, но о нем мы с польским правительством еще будем вести переговоры[33].

Было очевидно, что гарантия Польше пока еще остается лишь клочком бумаги. Ее будущее значение было туманно и загадочно.

7 апреля Муссолини также с помощью молниеносного удара захватил Албанию. Носились упорные слухи, что этим он не ограничится и приберет к рукам еще греческий остров Корфу.

В «кливденских кругах» началась паника. На протяжении лишь трех недель совершились три самых несомненных акта агрессии: 14 марта против Чехословакии, 22 марта против Литвы и теперь, 7 апреля, против Албании. Гитлер и Муссолини, поощряемые «умиротворителями» Парижа, Лондона и Вашингтона, совсем распоясались. Неужели «кливденская» политика сговора с агрессорами против СССР провалилась? Неужели противники этой политики одержат верх? Нет! Нет! «Клив — денцы» с этим не могли примириться.

И вот в политических кругах столицы развернулась лихорадочная активность. Как раз накануне премьер отправился в отпуск, ловить форель в Шотландии (Чемберлен был страстным рыболовом), — он немедленно вернулся в Лондон. Состоялось экстренное заседание кабинета с участием лидеров либеральной и лейбористской оппозиции. Было созвано особое совещание «Имперского совета обороны». В Гибралтаре и на Мальте началась концентрация военно-морских сил Великобритании. Галифакс заявил итальянскому поверенному в делах протест против захвата Албании и пугал его «сильными чувствами», которые агрессия Муссолини вызвала в Англии. Между Лондоном и Парижем шли непрерывные совещания по вопросу, что делать.

Тревога распространилась и на континенте Европы. Франция, Бельгия, Голландия призвали под знамена определенные классы

резервистов; были заминированы устья Шельды и Мааса Италия довела свою армию до 1200 тыс. человек Вашингтон заявил, что действия агрессоров разрушили доверие в международной области и что это является угрозой для безопасности США.

В такой обстановке британское правительство было вынуждено что-то сделать, и притом что-то такое, что выглядело бы как проявление быстроты, решительности и энергии. В результате Чемберлен 13 апреля заявил в парламенте, что Англия дает одностороннюю гарантию Румынии и Греции, подобную той, которая 31 марта была дана Польше. Франция в тот же день сделала аналогичное заявление.

Только теперь, когда Англия торопливо взяла на себя обязательство по защите независимости трех стран, Чемберлен счел своевременным вспомнить о СССР. 14 апреля британское правительство обратилось к Советскому правительству с официальным предложением дать Польше и Румынии такую же одностороннюю гарантию, какую Англия и Франция дали Польше 31 марта, а Румынии и Греции—13 апреля. Со своей стороны французское правительство предложило проект совместной декларации СССР и Франции, основанный на принципе взаимности обязательств.

Одновременно, 14 апреля, Рузвельт адресовал Германии и Италии призыв сохранять мир и воздерживаться от агрессии. В Берлине этот призыв был встречен грубой бранью; Муссолини же ответил, что он, видите ли, только о том и думает, как бы укрепить мир и сотрудничество между народами!. В Англии и Франции призыв Рузвельта встретил горячую поддержку. СССР также отнесся к нему с симпатией, и М. И. Калинин отправил Рузвельту сочувственную телеграмму. Однако практическое значение выступления американского президента было более чем скромно.

На протяжении тех лет, которые протекли с момента описываемых событий, делалось немало попыток дать удовлетворительное объяснение политике односторонних «гарантий», проводившейся британским правительством в марте — апреле 1939 года. Это было нелегко, ибо с точки зрения здравого смысла, которому так поклоняются англичане, поведение Чемберлена в те критические недели было подобно безумию. Помню, сразу после объявления «гарантии» Румынии и Греции, Ллойд Джордж в разговоре со мной сказал:

— Вы знаете, я никогда не был высокого мнения о Чемберлене, но то, что он делает сейчас, побивает все рекорды глупости… Мы даем гарантии Польше и Румынии, но что мы можем для них сделать в случае нападения Гитлера? Почти

ничего! Географически эти две страны расположены так, что до них рукой не достанешь. Даже снабжение их вооружением и боеприпасами возможно лишь через советскую территорию. Ключ к спасению этих стран лежит в ваших руках. Без России тут ничего не выйдет… Стало быть, прежде всего надо было договориться с Москвой. А как ведет себя Чемберлен?. Не договорившись с Советским Союзом, фактически за его спиной, он раздает направо и налево «гарантии» странам, находящимся в Восточной Европе. Какая вопиющая нелепость! Вот до чего дошла британская дипломатия!

В словах Ллойд Джорджа было много правды. Для всякого политически грамотного человека не составляло секрета, что, если бы Англия и Франция даже захотели добросовестно выполнить взятые на себя обязательства, их помощь Польше и Румынии не могла бы быть особенно эффективной. В лучшем случае эта помощь могла бы вылиться лишь в операции, сковывающие часть германской армии на франко-германской границе, в организацию морской блокады Германии, да в налеты на Германию англо-французской авиации. В руках Гитлера при всяких условиях осталось бы достаточно вооруженных сил для того, чтобы стремительным темпом разгромить польскую и румынскую армии. Какую же реальную ценность в таком случае имели англо-французские «гарантии»? И в какое бы положение попали Англия и Франция, если бы при испытании этих «гарантий» на практике обнаружилась их военная никчемность?

Да, поведение Чемберлена стояло в полном противоречии с обычными осторожностью и расчетливостью британской внешней политики. Это выглядело как разрыв с дипломатическими традициями прошлого, и был момент, когда мне даже показалось, что отсюда могут проистечь вопреки воле самого Чемберлена большие и благоприятные для дела мира последствия. Однако власть «кливденской клики» и ее тупоумие в области внешней политики быстро развеяли у меня такие мысли. Очень скоро стало ясно, что Чемберлен неисправим, что его основная политическая линия — ставка на стравливание Германии и СССР — остается в полной силе. Как же тогда все-таки объяснить появление политики «гарантий»?

Когда сейчас, много лет спустя, я суммирую все то, что я видел и наблюдал в 1939 году, и все то, что я с тех пор узнал из опубликованных после войны книг, мемуаров, документов, я склонен дать на этот вопрос такой ответ.

В марте — апреле 1939 года Чемберлен был столь же верен своей политической линии, как и раньше. Ради нее о, н легко примирился с гибелью Австрии, Чехословакии, Мемеля, Албании,

которая уже произошла, и не менее легко примирился бы с гибелью Румынии и Польши, которая еще могла произойти. Человек, как мы знаем, крайне узколобый и упрямый, Чемберлен шел прямолинейно к своей цели, не оглядываясь по сторонам. К тому же он имел за плечами могущественную поддержку «кливденской клики», лидером которой он в то время являлся.

Однако премьера захлестнули бурные события, над которыми он не был властен. Наглые акты фашистской агрессии вызвали глубокую тревогу во Франции и в целом ряде малых стран (Бельгии, Голландии, Швейцарии, Дании, Норвегии, Швеции и др.), связанных политическими или экономическими интересами с Великобританией. Эти страны, независимо от того, имели они с Англией какие-либо договоры или нет, стихийно тяготели к Лондону и теперь искали у него защиты от внезапно возникшей опасности.

Те же наглые акты фашистской агрессии подняли в самой Великобритании высокую волну общественного негодования и тревоги. Люди самых разнообразных взглядов и положений (включая и значительные круги буржуазии) невольно задавали себе вопрос: куда идет Англия? Куда идет Европа? Неужели мир несется навстречу фашистской диктатуре? Правильна ли политика правительства, которая только разжигает аппетит к агрессии у Гитлера и Муссолини?.. И многие, очень многие люди (а прежде всего широкие массы рабочих) отвечали: «Нет, политика правительства неправильна и даже преступна. В мире есть достаточно сил, чтобы сокрушить фашистских агрессоров и уж во всяком случае остановить их агрессию. Надо только эти силы объединить и организовать. И в первую очередь надо создать вместе с Советским Союзом могущественную коалицию мира и сопротивления фашистским диктаторам».

К только что указанным внешним и внутренним силам, противодействовавшим генеральной линии Чемберлена, прибавлялось еще мощное давление СССР, требовавшего решительной борьбы против германо-итальянских агрессоров как единственного средства предотвращения второй мировой войны.

Все эти влияния, взаимно переплетаясь и перекрещиваясь, создавали в Англии такую политическую атмосферу, что перед «кливденской кликой» невольно возникал вопрос: сумеет ли она удержаться у власти? Чтобы парировать опасность вынужденной отставки Чемберлена, «кливденской клике» приходилось маневрировать. Как выразился Самуэль Хор на одной из субботних встреч в имении леди Астор, нужно было бросить собаке какую-то кость, чтобы она хоть временно перестала лаять… Действовать приходилось срочно, второпях. Времени для

продумывания всех возможных последствий принимаемых мер не было. Лучшие специалисты по внешней политике вроде Ванситарта или Идена были отстранены Галифакс, сам один из членов «кливденской клики», охотно плыл по течению, предоставляя премьеру свободу действий. Всю внешнюю политику Великобритании в те дни творил Чемберлен вкупе со своим злым гением Хо — расом Вилсоном. В итоге действия британского правительства в марте — апреле 1939 года часто носили случайный, скороспелый, близорукий характер. Если в них и был известный элемент государственной сознательности, то в основном он сводился к двум соображениям: а) путем предоставления «гарантий» Польше, Румынии и Греции «утихомирить» внутреннюю оппозицию и сохранить пребывание у власти «кливденской клики»; б) произвести известное психологическое воздействие на Гитлера и Муссолини и задержать осуществление ими новых актов агрессии, невыгодных для Англии, в надежде, что тем временем какое-либо изменение международной конъюнктуры позволит «кливденцам» вернуться к открытому и последовательному проведению своей генеральной линии.

Первое соображение играло, конечно, главную роль, но и второе серьезно принималось во внимание, ибо тем самым «кливденцы» выигрывали время, чтобы избежать необходимости идти на сотрудничество с СССР.

Кроме того, как показывало предложение Советскому правительству дать одностороннюю гарантию Польше и Румынии, «кливденцы» питали совершенно безосновательную надежду, что так или иначе, не мытьем, так катаньем они заставят Советский Союз служить их интересам, не беря на себя никаких обязательств в отношении нашей страны.

И, наконец, если бы все остальное не дало желаемого результата, у «кливденцев» в резерве был еще один «выход»: предать Польшу, Румынию и Грецию, как они только что предали Чехословакию, Австрию и Испанию.

Разумеется, политика «кливденцев», усердно проводимая Чемберленом, была политикой слепоты и глупости Ход последующих событий это полностью доказал. Но так бывает всегда, когда в переломный момент истории власть оказывается в руках представителей реакции и мракобесия.

СССР предлагает пакт взаимопомощи

Предложение британского правительства дать одностороннюю гарантию Польше и Румынии во весь рост

поставило перед Советским правительством вопрос о том, каковы действительно эффективные меры для предупреждения дальнейших фашистских агрессий.

То, чего от нас добивался Чемберлен, было для Советского правительства неприемлемо по двум главным соображениям: а) это не могло предупредить возникновение второй мировой войны, что являлось нашей основной целью; б) это ставило СССР в неравное с Англией и Францией положение и сильно повышало опасность нападения Германии на нашу страну.

В самом деле, Гитлер и Муссолини хорошо понимали только один аргумент — силу. Стало быть, для предупреждения дальнейших фашистских агрессий и их неизбежного следствия — второй мировой войны надо было создать столь мощную коалицию держав, не заинтересованных в развязывании войны, чтобы у Гитлера и Муссолини отпала охота испытывать ее силу. Мы считали, что Англия, Франция и СССР, взятые вместе, располагают необходимой для того мощью, но, чтобы эта мощь могла удержать руку фашистских диктаторов, нужно было, чтобы у них не возникало никаких сомнений в том, что она действительно на них обрушится при всякой новой попытке агрессии. А это, в свою очередь, требовало, чтобы объединение названных трех держав было явным, бесспорным, чтобы в сферу его действия входила вся Европа, а не отдельные уголки ее и чтобы условия объединения предусматривали возможно более простую и автоматическую систему санкций против агрессора.

Между тем английское предложение совершенно не отвечало таким требованиям. Прежде всего оно не создавало никакого общего объединения СССР, Англии и Франции для борьбы с агрессией в Европе, а ограничивало совместные действия трех держав только случаем нападения Германии на Польшу и Румынию. Английское предложение, таким образом, не могло вообще предупредить войну, оно могло лишь «канализировать» агрессию в тех направлениях, которые не были защищены «гарантиями», в частности в столь важном для СССР направлении, как прибалтийские государства.

Далее, английское предложение не предусматривало никакой военной конвенции между тремя великими державами, точно устанавливающей размеры, сроки, условия и т. п. вооруженной помощи, оказываемой ими друг другу и жертве агрессии. А это имело первостепенное значение. Советский Союз уже имел в данном вопросе весьма неприятный опыт с Францией. В мае 1935 года, как уже упоминалось, между СССР и Францией был заключен пакт взаимопомощи, но выработка и подписание подкрепляющей его военной конвенции были отложены на более

поздний срок. Однако быстро сменяющиеся французские правительства систематически саботировали заключение такой конвенции, и в 1939 году ее все еще не существовало. Естественно, что отсутствие в английском предложении всякого намека на возможность заключения военной конвенции Советское правительство рассматривало как очень серьезный недостаток. Любое соглашение для борьбы с агрессорами должно было иметь острые зубы. Без таких зубов оно превращалось в картонный меч, которым можно было размахивать, но которым нельзя было разить.

При такой общей неопределенности структуры «гарантий» неизбежны были разнобой между участниками соглашения в толковании взятых на себя обязательств, трудность выработки общей стратегии и тактики, медлительность в действиях и многие другие неувязки. В конечном счете английское предложение не могло способствовать созданию той концентрации мощи на стороне миролюбивых держав, которая одна могла удержать фашистских диктаторов от новых актов агрессии. И еще менее оно могло обеспечить быстроту и единство карательных действий Англии, Франции и СССР против тех, кто хотел бы развязать вторую мировую войну.

Но английское предложение не только оказывалось бесполезным для предупреждения новой мировой бойни, оно было также оскорбительно для СССР, ибо ставило его в неравное положение по сравнению с Англией и Францией. Советское правительство интересовалось при этом, конечно, не юридической, а фактической стороной вопроса. Фактическое же положение сводилось к тому, что Англия, Франция и Польша были связаны между собой соглашениями о взаимопомощи, и в случае нападения Германии на одну из них две другие державы должны были немедленно прийти ей на помощь всеми доступными им средствами (в том числе и вооруженными). Советский Союз, напротив, имел пакт взаимопомощи только с Францией. Ни Англия, ни Польша не обязаны были ему помогать в случае нападения на него Германии. А между тем предоставление Советским Союзом «гарантий» Польше и Румынии несомненно должно было ухудшить его отношения с Германией и повысить опасность гитлеровской агрессии против Советской страны, в частности через Прибалтику. Получалось явное неравноправие СССР с Англией и Францией в столь важном вопросе, как национально-государственная безопасность. Это имело первостепенное значение.

Таковы были главные соображения, по которым Советское правительство увидело себя вынужденным отвергнуть английское

предложение. Но оно на этом не остановилось. Хотя история с Чехословакией и Испанией сильно подорвала его веру в готовность Англии и Франции добросовестно выполнять взятые на себя обязательства, хотя их поведение в связи с захватом Мемеля и Албании фашистскими державами не обещало ничего хорошего, все-таки Советское правительство не считало себя вправе махнуть на них рукой. Момент был слишком серьезен, опасность второй мировой войны была слишком велика, чтобы под влиянием даже вполне законной эмоции отбрасывать в сторону хоть самый малый шанс спасения мира от новой ужасной катастрофы. В этот роковой час Советское правительство решило следовать лишь велениям здравого смысла и сделать еще одну попытку договориться с Англией и Францией о. совместных действиях против фашистских агрессоров. Но это должна была быть действительно серьезная попытка с выдвижением серьезных предложений и применением серьезных средств для достижения поставленной цели — предотвращения второй мировой войны.

Учитывая как английскую, так и французскую позиции, правительство СССР 17 апреля 1939 г., то есть через три дня после того как британское правительство сделало нам предложение о предоставлении односторонней гарантии Польше и Румынии, выдвинуло свое предложение. Суть его сводилась к трем основным пунктам:

— Заключение тройственного пакта взаимопомощи между СССР, Англией и Францией.

— Заключение военцои конвенции в подкрепление этого пакта.

— Предоставление гарантий независимости всем пограничным с СССР государствам, от Балтийского моря до Черного.

Передавая наше контрпредложение Галифаксу, я сказал:

— Если Англия и Франция действительно хотят всерьез бороться против агрессоров и предотвратить вторую мировую войну, они должны будут принять советские предложения. А если они их не примут…

Тут я сделал красноречивый жест, смысл которого нетрудно было понять.

Галифакс стал заверять меня в полной серьезности стремлений англичан и французов, но мысленно я сказал себе: «Факты покажут».

Одновременно с присылкой наших контрпредложений М.М. Литвинов вызвал меня в Москву для участия в правительственном обсуждении по вопросу о тройственном пакте взаимопомощи и

перспективах его заключения. 19 апреля я покинул Лондон и 28 апреля вернулся в Лондон. Мне противно было видеть нацистскую Германию с ее свастикой и «гусиным шагом» солдат, и я решил ехать в Москву кружным путем. Самолет доставил меня из Лондона в Стокгольм, а оттуда в Хельсинки, здесь я сел в поезд и через Ленинград прибыл в Москву. По дороге я остановился переночевать в Стокгольме и имел здесь большую и интересную беседу на текущие политические темы с моим старым другом (еще с времен эмиграции) А. М. Коллонтай — тогдашним послом СССР в Швеции.

— Неужели Чемберлен не понимает, что его политика ведет Англию прямо к катастрофе? — недоумевала Александра Михайловна.

Я подробно рассказал ей об обстановке, создавшейся в Лондоне, и в заключение резюмировал:

— Классовая ненависть способна так ослеплять людей, что они перестают видеть самые обыкновенные вещи. Я наблюдаю это сейчас на примере Чемберлена и всей «кливденской клики». Конечно, история их жестоко покарает, но, к сожалению, это будет, вероятно, уже тогда, когда пушки начнут стрелять.

В Москве я был на правительственном совещании, где весьма тщательно рассматривался вопрос о тройственном пакте. Я должен был давать самые подробные сведения и объяснения о настроениях в Англии, о соотношении сил между сторонниками и противниками пакта, о позиции правительства в целом и отдельных его членов в отношении пакта, о перспективах ближайшего политического развития на Британских островах и о многих других вещах, так или иначе связанных с вероятной судьбой советских контрпредложений. Информируя правительство, я старался быть предельно честным и объективным. Я всегда считал, что посол должен откровенно говорить своему правительству правду и не создавать у правительства никаких иллюзий — ни оптимистических, ни пессимистических. Основываясь на сообщениях посла, правительство может предпринять те или иные практические действия, и если информация посла искусственно окрашена в слишком розовый или слишком черный цвет, правительство может попасть в трудное или неловкое положение. Строго соблюдая свой принцип, я иногда даже имел на этой почве неприятности, но все-таки продолжал делать то, что считал правильным. На том памятном совещании в Кремле, повторяю, я рассказывал правду, только правду, и в итоге картина получалась малоутешительная Тем не менее правительство все-таки решило переговоры продолжать и приложить все возможные усилия для

того, чтобы убедить англичан и французов изменить свою позицию. Ибо как на этом совещании, так и в частных разговорах со знакомыми мне членами правительства я все время чувствовал одну всепроникающую ноту «Надо во что бы то ни стало избежать новой мировой войны! Надо возможно скорее договориться с Англией и Францией!».

Обратно я возвращался тем же путем, но из Стокгольма я полетел не прямо в Лондон, а по пути заехал, или вернее залетел, в Париж, чтобы лучше ознакомиться с настроениями французского правительства в отношении пакта. Наш посол во Франции Я. З. Суриц, человек большой культуры и широкого политического горизонта, охотно посвятил меня во все детали парижской ситуации.

— Даладье при всех своих недостатках (а их у него очень много), — заключил Суриц, — все-таки легче, чем Чемберлен, пошел бы навстречу нашим контрпредложениям… К тому же Франция уже имеет пакт взаимопомощи с СССР… По крайней мере на бумаге… Вот сейчас, например, французское правительство настаивает перед британским, чтобы оно приняло за основу наши предложения о тройственном пакте взаимопомощи, сделанные 17 апреля… Леже (генеральный секретарь французского министерства иностранных дел) даже составил контрпроект тройственного пакта для предъявления Советскому правительству… Он более узок, чем наш, но построен на той же базе… Однако Лондон не хочет его принять и продолжает поддерживать свое предложение об односторонней гарантии СССР Польше и Румынии, которое он сделал 14 апреля… Не знаю, чем закончится англо-французский спор, однако настроен я пессимистически.

Суриц безнадежно махнул рукой и затем продолжал:

— Вся беда в том, что Франция в наши дни не имеет самостоятельной внешней политики, все зависит от Лондона. Франция наших дней — это великая держава второго ранга, считающаяся великой державой больше по традиции… И — странно! — французы с этим как-то примирились… Плетутся за Англией… В англо-французском блоке они рассматривают себя как державу № 2 и не возмущаются..

— Ну, а как ведут себя здесь американцы? — спросил я.

— Американцы? — ответил Суриц. — Об этом ясно говорит имя их здешнего посла: Уильям Буллит.

У меня невольно пронеслось в голове: Буллит — уполномоченный президента Вильсона, который в марте 1919 года приезжал в Москву с предложением мира; активный участник советско-американских переговоров 1933 года в

Вашингтоне о взаимном дипломатическом признании; потом первый американский посол в Москве, прославившийся здесь устройством экстравагантных дипломатических приемов[34] и (что гораздо важнее) пытавшийся под личиной внешней дружественности командовать Советским правительством; превратившийся из «друга» в недруга после получения отпора от Советского правительства… И вот теперь этот самый Буллит представляет США во Франции!

А Суриц между тем продолжал:

— Буллит очень интересуется ходом переговоров, дает советы, иногда поучает, ссылается на свое знание СССР и его правительства. Конечно, его мнение значит очень много для Даладье и Бонне… Ведь Буллит энергично поддерживал их в дни Мюнхена, он даже встретил Даладье с букетом цветов, когда тот вернулся домой после мюнхенского предательства.

В дальнейшем, когда переговоры развернулись, Буллит не раз старался их тормозить своими «советами» Бонне и Даладье. Это, конечно, только усиливало саботаж, духом которого и без того были полны английское и французское правительства.

На следующий день после возвращения из Москвы, 29 апреля, я посетил Галифакса. Весь полный еще неостывшими московскими впечатлениями, я долго и горячо доказывал министру иностранных дел важность как можно скорее заключить тройственный пакт взаимопомощи и настойчиво заверял его в самом искреннем желании Советского правительства сотрудничать с Англией и Францией в деле борьбы с агрессией. Галифакс слушал меня со скептической улыбкой на устах и, когда я спросил, принимает ли британское правительство наши контрпредложения, весьма неопределенно ответил, что оно еще не закончило своих консультаций с Францией. Это подействовало на меня, как струя холодного душа. Потом мы говорили с Галифаксом о других текущих делах — о переговорах Англии с Румынией, о наметках англо-турецкого соглашения и т. д. Ушел я от министра иностранных дел сильно раздраженный упрямой слепотой «кливденской клики». За время моей поездки в Москву произошли два события, которые ясно свидетельствовали, что агрессоры, закусив удила, несутся к своей преступной цели 28 апреля Гитлер одновременно разорвал пакт о ненападении с Польшей и англо-германское соглашение 1935 года об ограничении морских вооружений. Но «кливденцы» не видели, не хотели видеть этих грозных знамений времени и упрямо продолжали свой роковой бег к пропасти. Как характерен в самом деле был, например, такой факт, происшедший во время моего отъезда из Лондона: сразу после захвата Чехословакии

английское правительство отозвало своего посла в Берлине Гендерсона домой «для консультации» — это был символический жест для выражения его неудовольствия; теперь, 24 апреля, английское правительство разрешило Гендерсону вернуться в Берлин. Это был тоже символический жест, но как раз обратного значения.

3 мая М. М. Литвинов был освобожден от обязанностей народного комиссара иностранных дел, и на его место назначен В. М. Молотов Это вызвало тогда в Европе большую сенсацию и истолковывалось как смена внешнеполитического курса СССР.

Три дня спустя, 6 мая, Галифакс пригласил меня к себе и, сообщив, что Англия еще не закончила своих консультаций с другими столицами по советскому предложению о пакте взаимопомощи, в упор поставил мне вопрос, что означают персональные перемены, только что происшедшие в Москве.

Прежде чем давать наш ответ на советское предложение, — сказал Галифакс, — я хотел бы знать, означают ли эти перемены также перемену политики? Остаются ли еще в силе сделанные с вашей стороны предложения?[35]

В Советском Союзе, — ответил я, — в противоположность тому, что часто наблюдается на Западе, от дельные министры не ведут своей собственной политики. Каждый министр проводит общую политику правительства в целом. Поэтому, хотя народный комиссар иностранных дел М.М. Литвинов ушел в отставку, внешнеполитический курс Советского Союза остается прежним. Стало быть, сделанные нами 17 апреля предложения сохраняют свою силу

8 мая, после трехнедельных консультаций и размышлений, британское правительство, наконец, вручило нам свой ответ (он был также и ответом Франции) на предложения о заключении тройственного пакта взаимопомощи Но что это был за ответ? Британское правительство в слегка видоизмененной форме опять повторяла свое прежнее предложение от 14 апреля, то есть добивалось, как и раньше, предоставления Советским Союзом односторонней гарантии Польше и Румынии. Очевидно, сопротивление Франции не помогло, и пессимистические ожидания Сурица оправдались.

Было ясно, что «кливденцы», и особенно Чемберлен, продолжают ставить ставку на столкновение между Германией и СССР, а потому не желают ссориться с Гитлером. Было ясно также, что все переговоры о сотрудничестве Англии и СССР для борьбы с агрессорами — это только лицемерный маневр, предпринятый правительством для обмана английского народа, дымовая завеса для выигрыша времени в интересах проведения

все той же генеральной линии премьера. Неудивительно, что Советское правительство реагировало на английский ответ твердо и решительно. 15 мая Сиидсу в Москве было вручено письменное заявление, в котором черным по белому было сказано, что предоставление односторонней гарантии Польше и Румынии для Советского правительства неприемлемо и что единственной реальной и действительно эффективной формой борьбы с агрессией является только тройственный пакт взаимопомощи на базе тех условий, которые были изложены в советском предложении от 17 апреля. Весь тон нашего ответа был таков, что англичане (и французы) были поставлены перед выбором или пакт взаимопомощи, или крах переговоров.

Создался тупик, тем более странный, что как раз в это время Англия и Франция заключили договор о взаимопомощи с Турцией. В печати и в политических кругах Лондона поднялось волнение. Тучи на международном горизонте все более сгущались. Поощряемый поведением Чемберлена и Даладье, Гитлер все больше разнуздывался Теперь он открыл бешеную кампанию по поводу Данцига и. требовал от Польши возвращения его Германии, а также свободы транзита для Германии через Польский коридор. Польское правительство от — вергло эти притязания. Атмосфера в польско-германских отношениях накалялась и со дня на день можно было ждать взрыва. И вот, несмотря на все это, Чемберлен ни за что не хотел принять советское предложение о тройственном пакте взаимопомощи. Неудивительно, что все более разумные люди среди английских политиков (не говоря уже о широких массах) были крайне встревожены и искали путей для оказания давления на правительство.

18 мая мне позвонил по телефону Черчилль.

— Завтра, — сказал он, — в парламенте будут происходить дебаты по внешней политике. Я собираюсь выступить и обратить внимание на неудовлетворительность ведения переговоров с Россией… Однако, прежде чем говорить на эту тему публично, я хотел бы слышать от вас, в чем именно состоят предложения Советского правительства, которых Чемберлен не хочет принять? По этому поводу в городе ходит много различных слухов.

Я тут же по телефону подробно ответил на вопрос Черчилля. Он слушал очень внимательно и, когда я кончил, с удивлением сказал:

— Не понимаю, что плохого нашел Чемберлен в ваших предложениях? По-моему, все они приемлемы.

— Вам виднее, как интерпретировать поведение премьера, — со смехом ответил я Черчиллю.

На следующий день, 19 мая, в палате общин действительно развернулись большие прения по вопросам внешней политики Великобритании. Черчилль, как обещал, произнес при этом большую речь, в которой, между прочим, сказал следующее.

Предложения, выдвинутые российским правительством (о них уже немало говорилось в печати), предусматривают создание тройственного союза Англии, Франции и России. Его благами могут пользоваться и другие державы, если и когда они того пожелают. Союз имеет единственной целью борьбу против дальнейших актов агрессии и помощь жертвам агрессии Я не понимаю, что во всем этом плохого?. Говорят «Можно ли доверять Советскому правительству?» Думаю, в Москве говорят: «Можно ли доверять Чемберлену?»… В таких вопросах надо руководствоваться не чувством, надо руководствоваться анализом затронутых интересов. Лично я думаю, что важные, большие интересы России диктуют ей сотрудничество с Англией и Францией в предупреждении дальнейших актов агрессии.

Коснувшись затем утверждений «кливденцев», что тройственный пакт невозможен, так как-де Польша, Румыния и прибалтийские государства боятся быть «гарантированными» союзом, в котором участвует СССР, Черчилль высмеял эти аргументы и добавил, обращаясь к членам правительства:

— Если вы готовы быть союзником России во время войны… если вы готовы подать России руку для защиты гарантированных вами Польши и Румынии, почему вы не хотите быть союзниками России сейчас, хотя именно благодаря этому война может быть вообще предотвращена?

Не менее решительно на том же заседании выступил против правительства Ллойд Джордж. Говоря о вооружениях Германии и Италии, он сказал:

— Они вооружаются не для защиты… Они готовятся не для отражения атаки со стороны Франции, Англии или России. Отсюда им никто не угрожает… Они сами готовятся к атаке против кого-нибудь, в ком мы заинтересованы. Основная военная цель диктаторов — добиться быстрых результатов, избежать длительной войны. Длительная война всегда невыгодна для диктаторов.

И для того чтобы не допустить быстрой победы диктаторов, Ллойд Джордж считал крайне необходимым скорее создать тройственное соглашение против них.

— Без помощи России, — говорил Ллойд Джордж, — невозможно выполнить наши (т. е. английские.—И.М.) обязательства в отношении Польши и Румынии.

Вождь либералов заявил далее, что СССР располагает лучшей

авиацией в мире и чрезвычайно мощными танковыми силами. Почему правительство до сих пор не заключило пакт взаимопомощи с СССР? Видимо потому, что оно не доверяет Советскому правительству. «Но разве Россия, — воскликнул Ллойд Джордж, — не имеет оснований не доверять нам? Ведь начиная с 1930 года мы нарушили все подписанные нами пакты, имеющие отношение к ситуации, подобной нынешней». В заключение Ллойд Джордж потребовал от правительства срочного завершения тройных переговоров.

Иден также произнес горячую речь в пользу скорейшего создания «фронта мира» и в качестве первого шага в этом направлении предлагал немедленное заключение тройственного союза между Англией, Францией и СССР на базе полной взаимности и равноправия [36].

Твердая позиция СССР, с одной стороны, парламентские дебаты 19 мая, с другой, убедили Чемберлена, что ему необходимо сделать новый лицемерный маневр. Иначе правительство может упасть между двух стульев. И Чемберлен сделал его, но на этот раз в Женеве.

22 мая в Женеве открывалась очередная сессия Совета Лиги наций. В порядке очередности председательствовать на ней должен был представитель СССР. Советское правительство возложило эту обязанность на меня. В результате 20 мая я выехал из Лондона в Швейцарию. По дороге я провел несколько часов в Париже, и Суриц рассказал мне, что французское правительство в последнее время выражало большое недовольство мед — лительностью и упрямством англичан в переговорах с СССР. Даже Бонне, тогдашний министр иностранных дел Франции и давнишний враг «Москвы», считал, что положение создалось критическое и что надо как можно скорее договориться с Советским правительством.

Галифакс и Бонне также отправлялись в Женеву, и мне предстояло в течение целой недели ежедневно встречаться с ними за столом Лиги наций. Еще в Лондоне Галифакс любезно предупредил меня, что он надеется продолжить переговоры со мной в Швейцарии. Действительно, мы встретились с ним утром 22 мая в Женеве и имели здесь большой, в известном смысле «решающий» разговор о пакте.

Галифакс начал с того, что попросил меня объяснить, почему Советское правительство отклоняет последнее британское предложение от 8 мая (т. е. слегка перелицованное первоначальное предложение о предоставлении Советским Союзом односторонней гарантии Польше и Румынии).

Я ответил, что мы отклоняем британское предложение по

двум главным причинам а) мы стремимся предотвратить войну вообще; это возможно только с помощью тройственного пакта взаимопомощи; британское же предложение совершенно игнорирует этот важнейший момент и б) британское предложение ставит СССР в неравноправное с Англией и Францией положение, на что мы никак не можем согласиться. И я вкратце разъяснил, в чем именно мы усматриваем такое неравноправие (об этом я подробно говорил уже выше).

Галифакс стал доказывать, что вероятность нападения Германии на СССР через Прибалтику очень мала и что если бы такое нападение даже и произошло, то Польша и Румыния несомненно также были бы вовлечены, а в этом случае в силу вступили бы англо-французские гарантии названным двум государствам: Таким образом, фактически Англия и Франция пришли бы на помощь СССР.

Я не согласился с Галифаксом и сказал, что англофранцузские гарантии Польше и Румынии меня тоже не успокаивают.

Представьте себе такой случай, — продолжал я — Германия путем запугивания, или путем подкупа, или путем комбинации кнута и пряника добивается того, что Польша и Румыния вступают с ней в союз против СССР или хотя бы разрешают Германии провести свои войска через их территорию В этом случае англо-французские гарантии не приводятся в действие, ибо они входят в силу только при условии, что Польша и Румыния сами оказывают сопротивление Германии Стало быть, в подобном гипотетическом случае, который отнюдь не невероятен, СССР пришлось бы воевать против Германии один на один, не получая помощи от западных держав.

Галифакс попытался парировать мои соображения указанием на то, что между Францией и СССР заключен пакт взаимопомощи.

— Совершенно верно, — ответил я, — но между Англией и СССР такого пакта нет, а это имеет очень большое значение.

Тогда Галифакс заметил.

— А, может быть, ввести в наше предложение статью, обязывающую пограничные с СССР государства не предоставлять свою территорию для прохода германских войск или для устройства германских баз в целях нападения на вашу страну?

Я высказал мнение, что пограничные государства едва ли согласятся на принятие подобного обязательства, а если даже и согласятся, то окажутся просто не в силах его соблюсти. Все эти сложные и извилистые комбинации, над выработкой которых так много потрудилась английская сторона, носят половинчатый и кустарный характер. Они ничего не решают Единственный,

действительно эффективный путь для борьбы с агрессией — это предлагаемый Советским правительством тройственный пакт взаимопомощи.

Галифакс вдруг вздумал запугивать меня: такой пакт может привести Гитлера в бешенство, он станет кричать об «окружении» Германии, объединит вокруг себя на этом лозунге весь немецкий народ и развяжет войну.

Тем самым мы сами спровоцируем как раз то, что своими действиями хотели предупредить.

Я возразил, что Галифакс, очевидно, плохо представляет себе психологию таких людей, как Гитлер. По-своему он совсем не дурак. Он никогда не бросится в войну, если будет считать, что может проиграть ее. Даже наши нынешние переговоры заставляют его проявлять известную осторожность: ведь до сих пор он не напал на Польшу. А если будет заключен тройственный пакт взаимопомощи, то Гитлер вынужден будет отступить. Люди, подобные ему, признают только один аргумент — силу. Советское правительство это хорошо знает по своему опыту с Японией. А тройственный пакт взаимопомощи создаст такую концентрацию мощи на стороне сил мира, что агрессорам ничего не останется, как только поджать хвост.

Под конец Галифакс спросил, готово ли Советское правительство предусмотреть в договоре о тройственном пакте взаимопомощи гарантии безопасности не только для малых восточноевропейских государств, но также и для малых западноевропейских государств (Галифакс дал понять, что он имеет тут в виду Бельгию, Голландию, Швейцарию).

Я ответил, что сейчас не могу ничего сказать по этому поводу от имени Советского правительства, ибо такой вопрос до сих пор не ставился и не обсуждался, но полагаю, что он может быть рассмотрен, и мне кажется, что будет не очень трудно прийти по нему к соглашению.

Наша беседа продолжалась часа полтора, и, когда я уходил, мне показалось, что она произвела на английского министра иностранных дел значительное впечатление. Во всяком случае я дал ему совершенно ясно понять, что для достижения соглашения Советское правительство может пойти на уступки по второстепенным вопросам, но не примет никакого компромисса по основным трем пунктам, о которых речь была выше (тройственный пакт взаимопомощи, военная конвенция, гарантии безопасности для всех малых стран от Балтийского моря до Черного).

Сейчас из документов, опубликованных британским министерством иностранных дел, я вижу, что мое тогдашнее

ощущение было правильно. Запись разговора со мной 22 мая Галифакс заканчивает следующими словами:

> «Боюсь, что я не сумел в ходе нашей длинной беседы хоть сколько-нибудь поколебать Майского по главному пункту — его настойчивому требованию тройственного пакта взаимопомощи… Я думаю, что мы сейчас стоим перед весьма неприятным выбором провал переговоров или соглашение на базе пункта 4 моей телеграммы № 165 в Варшаву (т. е. тройственного пакта взаимопомощи.—И.М.)»[37]

В тот же день, 22 мая, я имел разговор на ту же основную тему с Бонне. Французский министр иностранных дел был настроен гораздо лучше Галифакса, и мы с ним быстро договорились. Он даже слегка посетовал на англичан за их медлительность и упрямство.

Теперь британское правительство было твердо поставлено перед выбором: или — или. Чемберлен понял, что на данной стадии развития его новый маневр (а он думал только о маневре) должен обязательно включать тройственный пакт взаимопомощи. Однако, как показало дальнейшее, верность премьера прежней генеральной линии осталась неизменной.

Два дня спустя, 24 мая, премьер сделал в парламенте краткое заявление, в котором весьма оптимистично оценил ближайшие перспективы.

«Я имею все основания надеяться, — сказал Чемберлен, — что в результате предложений, которые правительство его величества в состоянии теперь сделать по главным вопросам, возникшим в переговорах, можно рассчитывать на 1д2остижение полного соглашения в ближайшем будущем» [38].

Этот лицемерный оптимизм был в тот момент нужен Чемберлену для успокоения британского «общественного мнения».

25 мая английский посол в Москве Сиидс вручил Советскому правительству те новые предложения британского правительства, о которых Чемберлен упоминал в своем парламентском выступлении.

Два проекта пакта

Итак, казалось, главная трудность в переговорах была преодолена. Правительства Англии и Франции, наконец, признали необходимость заключения тройственного пакта

взаимопомощи. Правда, из-за их сопротивления, маневров, колебаний было зря потеряно 10 недель драгоценного времени, но все-таки еще не было поздно остановить занесенную руку агрессора, если действовать быстро и решительно.

Советская сторона так именно и готовилась поступить. Мы рассуждали примерно следующим образом: «Тройственный пакт взаимопомощи теперь принципиально признан обеими сторонами; англичанам и французам известно, что мы настаиваем на гарантии Прибалтики; нам известно, что англичане и французы настаивают на гарантии ряда стран, в которых они особенно заинтересованы (Бельгия, Греция, Турция и т. д.); принципиально ни они, ни мы не возражаем против таких гарантий, — стало быть, договориться по этому пункту будет нетрудно; желательность одновременного вступления в силу политического пакта и подкрепляющей его военной конвенции не может вызывать каких-либо сомнений, — значит, и по этому пункту легко будет прийти к соглашению. Отсюда ясно, что открывающиеся перед сторонами перспективы благоприятны, если… конечно, обе стороны действительно хотят соглашения. Мы хотим, очень хотим его, — ну, а англичане и французы?..».

Мы надеялись, вернее, хотели надеяться, что хотя бы теперь, к началу июня, правительства Англии и Франции кое-чему научились и поняли необходимость (пусть для них не совсем приятную необходимость, но все-таки необходимость) создать вместе с СССР единый фронт против агрессии. Во всяком случае мы считали своим политическим и историческим долгом, несмотря на все разочарования прошлого, еще раз сделать попытку найти общий язык с англичанами и французами. И мы действительно ее сделали, уверенные, что при доброй воле с обеих сторон тройственный пакт взаимопомощи может быть заключен в самый короткий срок, во всяком случае в течение июня.

К сожалению, мы жестоко ошиблись. Чемберлен и Даладье (имя Даладье я тоже бору здесь и в дальнейшем не только как личности, но и как воплощение пресловутых «200 семей») продолжали крепко цепляться за свою непреклонную линию, то есть за политику стравливания Германии и СССР. Даже в этот момент, когда грозный призрак второй мировой войны уже явственно обрисовался на горизонте, они больше всего помышляли не о том, как бы поскорее заключить тройственный пакт, а о том, как бы избежать необходимости его подписания.

Сознавали ли англичане и французы близость нового «прыжка» со стороны Гитлера? Да, сознавали, и я могу привести тому разительное доказательство. 12 июня у меня был важный

разговор с Галифаксом (к нему я еще вернусь позднее), во время которого я спросил своего собеседника, как, по его мнению, пройдет наступившее лето? Британский министр иностранных дел ответил мне буквально следующее (привожу его собственную запись):

> «Как мне кажется, Гитлеру трудно будет предстать пред Нюрнбергской конференцией[40], не сделав предварительно попытки разрешить проблему Данцига. Поэтому нам приходится ожидать, что июль и август будут бурными месяцами (подчеркнуто мной. —И.М.)»

Как видим, английское правительство прекрасно понимало, что в воздухе пахнет грозой и что на этот раз будет решаться судьба Польши, целостность и независимость которой Чемберлен и Даладье только что гарантировали. Английское правительство не могло не сознавать, что без соглашения с СССР оно не может спасти Польшу. И все-таки вместо скорейшего заключения тройственного пакта взаимопомощи оно с начала июня вступило на путь упорного саботажа того самого пакта, необходимость которого оно официально только что признало. Горестная повесть об истории этого саботажа будет рассказана на последующих страницах. Сейчас же мне хочется сказать, что трудно в дипломатических анналах найти другой пример подобного двуличия и лицемерия, как поведение Чемберлена и Даладье в тройных переговорах 1939 года. Трудно найти также более яркий образец политической слепоты, продиктованной классовой ненавистью! Вместе с тем позиция правительств Англии и Франции в критические месяцы тройных переговоров с несомненностью свидетельствует, что они меньше всего заботились о спасении Польши, что Польша, подобно Чехословакии в предшествующем году, являлась для них лишь разменной монетой в большой игре с гитлеровской Германией.

Вспоминая те дни, я не могу не остановиться еще на одной фигуре, которая сыграла немалую роль в англофранцузском саботаже тройных переговоров, — на фигуре тогдашнего американского посла в Лондоне Джозефа Кеннеди, отца нынешнего президента США.

Выходец из состоятельной семьи, Джозеф Кеннеди сделал быструю карьеру как финансист и делец, и к 50 годам стал очень богатым человеком. За услуги, оказанные Франклину Рузвельту во время избирательной кампании, он, как водится в Америке, получил свою «компенсацию» и в 1938 году прибыл в Англию в качестве посла США. Здесь Кеннеди сразу стал «сенсацией» сезона. Прежде всего как отец девяти детей! Такие вещи

случаются не часто среди членов дипломатического корпуса. В течение нескольких месяцев улыбающаяся физиономия американского посла неизменно украшала страницы газет и журналов — то во главе всей семьи, то вместе с сыновьями, которых было четверо, то вместе с дочерьми, которых было пятеро. Потом началась кампания пожалований Кеннеди звания почетного доктора прав: шесть(!) университетов — в Дублине, Эдинбурге, Манчестере, Бирмингеме, Бристоле и Кембридже — удостоили американского посла этой чести. Каждый раз при такой оказии по адресу Кеннеди раздавались всяческие славословия, а фотографы изображали его то в университетской мантии, то без оной, то в профессорской шапочке, то с открытой головой.

Однако американский посол увлекался не только светской жизнью и представительскими функциями — он занимался также политикой. И тут он скоро стал идолом «кливденской клики». Две основные идеи владели умом Кеннеди: вера в могущество гитлеровской Германии и неверие в жизнеспособность Великобритании. Так как одновременно американский посол очень не жаловал СССР, то он, естественно, стал апостолом «умиротворения» агрессоров. Он поддерживал политику Чемберлена во время чехословацкого кризиса, а после Мюнхена говорил, что английский народ должен воздвигнуть статую своему премьеру за то, что тот спас Британию и Европу от войны.

Я вспоминаю, как несколько позднее, в июне 1940 года, после того как Франция капитулировала и перед Англией встал вопрос — идти ли ей на мир с Германией или продолжать войну, Кеннеди приехал ко мне в посольство и начал спрашивать, что я думаю по этому поводу? Сам Кеннеди находился почти в состоянии паники. Он считал, что Англия бессильна перед Германией, что она безнадежно проиграла войну и что чем скорее она заключит мир с Гитлером, тем лучше. Американский посол был очень удивлен, когда я стал возражать ему и доказывать, что для Англии пока еще ничего не потеряно, что она имеет большие возможности успешно сопротивляться и отразить германскую угрозу, если, конечно, она сохранит мужество и готовность к борьбе. Я подчеркивал, что, по моим наблюдениям, дух широких масс народа крепок и что даже среди правящей верхушки имеются люди, которые не захотят поднять руки вверх перед наглостью фашистских агрессоров. Отсюда я делал вывод, что было бы неправильно открывающиеся перспективы рисовать в сугубо черных красках. Когда я кончил, Кеннеди, разведя руками, воскликнул:

— Ну, знаете, вы просто оптимист… Ничего подобного я не

слышал даже от англичан!

Еще бы! Ведь англичане, с которыми встречался Кеннеди, были англичане «кливденской» марки, а они не верили ни в себя, ни в будущее своей страны.

Однако в Великобритании в тот момент у власти стояло правительство, возглавляемое Черчиллем. Оно имело свои недостатки, но все-таки лучше отражало массовые настроения, и в результате Англия не капитулировала перед гитлеровской Германией. Американский посол и его друзья в ужасе заламывали руки, однако история полностью оправдала решение тогдашнего британского правительства.

Легко понять, как человек, подобный Кеннеди, мог влиять и действительно влиял на поведение англичан в тройных переговорах 1939 года. Он был верной опорой Чемберлена во всех сложных перипетиях этой злосчастной истории.

25 мая Сиидсу были посланы новые инструкции. В соответствии с этим британский посол в Москве (равно как и его французский коллега Наджиар) предложил Советскому правительству свой проект тройственного пакта взаимопомощи. Сущность его сводилась к следующему:

1. Англия, Франция и СССР, «действуя в соответствии с принципами ст. 16, § 1 и 2 устава Лиги наций», оказывают друг другу всяческую поддержку и помощь в трех случаях: а) если кто-либо из них подвергся агрессии со стороны европейской державы; б) если кто-либо из них вовлечен в военные действия как результат предоставления гарантии какому-либо европейскому государству и в) если кто-либо из них вовлечен в военные действия как результат помощи какому-либо европейскому государству, которое, не имея гарантии от участников пакта, тем не менее обратилось к ним за помощью в борьбе против агрессии (ст. ст. 1 и 2).

2. Три правительства должны обсудить совместно методы, с помощью которых их взаимная поддержка и помощь могут в случае нужды дать наиболее эффективные результаты (ст. 3).

3. Пакт заключается на пятилетний срок [41].

Разумеется, этот проект никак не мог удовлетворить СССР, ибо он имел ряд недостатков, главными из которых были:

Во-первых, он связывал тройственный пакт с Лигой наций. Это фактически означало, что при господствовавших в данной организации правилах и нравах пакт никогда не привел бы к быстрым и эффективным действиям. Все ограничилось бы красивыми словами и бумажными резолюциями.

Во-вторых, он ставил СССР в неравноправное положение с его партнерами, обязывая СССР приходить на помощь Англии и

Франции, если они будут вовлечены в войну как результат их гарантии Польше, Румынии, Греции и некоторым другим государствам, но он не обязывал Англию и Францию приходить на помощь СССР, если последний будет вовлечен в войну вследствие нападения Германии на прибалтийские государства, ибо Англия и Франция не давали им гарантий. А между тем с этой стороны СССР всегда мог ждать различных неприятных сюрпризов.

Наконец, в-третьих, пункт о подкреплении пакта военной конвенцией был сформулирован так общо и неопределенно, что трудно было сказать, когда военная конвенция будет подписана и будет ли она подписана вообще. Невольно создавалось впечатление, что англичане и французы мыслят себе пакт, как еще одну «бумажку», которой можно спекулировать в переговорах с Германией, но не как действительный инструмент борьбы с агрессией, вооруженной острыми зубами.

Да, содержание англо-французского проекта пакта наводило на грустные размышления и не предвещало ничего хорошего, но все-таки советская сторона решила продолжить переговоры в надежде постепенно выправить положение. Поэтому 2 июня Советское правительство вручило своим партнерам по переговорам контрпроект, сущность которого сводилась к следующему:

Франция, Англия и СССР оказывают друг другу немедленную эффективную помощь, если кто-нибудь из них окажется вовлеченным в военные действия с европейской державой в случае: а) агрессии этой державы против одного из участников пакта; б) агрессии этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии, которых Англия, Франция и СССР обязались защищать от нападения, и в) оказания помощи одним из участников пакта какой-либо европейской державе (не из числа гарантированных), которая просила о такой помощи для борьбы против нарушения ее нейтралитета.

В случае возникновения совместных военных операций как результат применения пакта, подписавшие его три державы обязуются заключать перемирие или мир только с общего согласия.

В случае возникновения угрозы агрессии со стороны европейской державы три участника пакта немедленно консультируются и в случае надобности сообща решают, когда и как должен быть пущен в ход механизм взаимной помощи, независимо от любой процедуры, установленной Лигой наций для рассмотрения данного вопроса.

Три участника пакта в возможно более короткий срок заключают соглашение о методах, формах и (размерах взаимной помощи друг другу. Пакт входит в силу одновременно с этим соглашением.

Пакт заключается на пятилетний срок.

Как видим, советский проект пакта, нося чисто оборонительный характер, устранял недостатки англо-французского проекта: он разрывал его связь с Лигой наций, давал точный перечень государств, гарантируемых тремя великими державами, включая прибалтийские страны, то есть создавал равноправие СССР с его западными партнерами, и, наконец, твердо устанавливал, что пакт и военная конвенция одновременно входят в силу. Сверх того, советский проект обязывал всех участников пакта в случае возникновения войны заключать перемирие или мир только по общему согласию (впрочем, это последнее положение пакта не сыграло сколько-нибудь существенной роли в переговорах).

Если бы правительства Англии и Франции искренне стремились к созданию серьезного барьера против фашистской агрессии, они должны были бы приветствовать советский проект и в кратчайший срок принять его: ведь он полностью гарантировал все те страны, которые они до того называли, как особенно их интересующие; ведь он в самом деле создавал эффективный, быстро действующий механизм взаимопомощи для борьбы с агрессией.

Если бы… Но как раз этого главного условия не существовало! Чемберлен и Даладье лицемерно заявляли, что хотят пакта и даже возможно скорее, а на самом деле проклинали тот день и час, когда горькая необходимость заставила их начать тройные переговоры. Именно поэтому они так безбожно обкарнали самую «душу» пакта в своем проекте 25 мая. Именно поэтому, столкнувшись с советским контрпроектом 2 июня, они вступили на путь нудного, длительного саботажа его с помощью бесконечных поправок, оговорок, дополнений, изменений. Потеряв здесь одну позицию, они цеплялись за вторую, потеряв вторую, хватались за третью и т. д., до бесконечности. Самые очевидные вещи вдруг подвергались оспариванию и сомнению. Под нашим напором англичане и французы вынуждены были все время пятиться назад, но делали это медленно, неохотно, со скрежетом зубовным и притом требуя от нас «компенсации» за каждую свою «уступку».

Когда я вспоминаю то душное, томительное, напоенное грозовым электричеством лето 1939 года, все те споры, беседы, встречи, обсуждения, конфликты, компромиссы, в атмосфере

которых мне пришлось провести это лето, могу, положа руку на сердце, сказать, что в моей жизни не было более тяжелого периода. Я чувствовал, что мир быстро несется к катастрофе, что нужны усилия гигантов для предупреждения новой мировой бойни, а здесь, перед моими глазами, на берегах Темзы и Сены, копошились какие-то карлики, которые не хотели понимать и не понимали, что творится на земле, и жили со дня на день, целиком погрязнув в мелких ходах и контрходах трафаретно-дипломатической рутины.

Называть или не называть?

Надо отдать справедливость англичанам и французам: по вопросу о Лиге наций они быстро пошли на уступки и даже попытались изобразить дело так, будто бы в основе возникших разногласий лежало чистое недоразумение; они-де вовсе не имели в виду применения процедуры Лиги в связи с тройственным пактом; речь якобы шла лишь об академической констатации, что тройственный пакт находится в соответствии с принципами Лиги наций. У меня были большие сомнения на счет искренности такого объяснения, гораздо большую роль тут, вероятно, играла полная дискредитация к этому времени Лиги как инструмента борьбы с агрессией, но факт оставался фактом: уже в первые дни июня данный пункт разногласий был снят с порядка дня. Советская сторона приветствовала шаг вперед в переговорах, но воздерживалась пока от каких-либо прогнозов на будущее.

8 июня в разговоре со мной Галифакс сообщил, что в целях ускорения переговоров он решил направить в Москву видного работника министерства иностранных дел Уильямса Стренга. Это создавало двойственное впечатление. С одной стороны, факт посылки Стренга, человека неглупого и по своей прошлой работе хорошо знакомого с Советским Союзом, свидетельствовал как будто бы о стремлении британского правительства быстрее прийти к соглашению. С другой стороны, однако, казалось несколько странным, что в качестве посланца для достижения столь важной цели был избран не какой либо крупный политический деятель, а чиновник (пусть способный чиновник, но все-таки чиновник) дипломатического ведомства. Сообщение Галифакса меня несколько насторожило, но я не хотел делать преждевременных выводов. Поэтому я просто принял к сведению, что 12 июня Стренг вылетел из Лондона и 14 июня прибыл в Москву. Здесь он принимал активное участие в переговорах вплоть до начала августа.

Чтобы действительно быстро заключить тройственный пакт (это было нашей основной целью), а вместе с тем прощупать подлинные намерения наших британских партнеров, Советское правительство решило пригласить Галифакса в Москву. Однако, не будучи уверенным в его отношении к такому шагу, оно придало своему демаршу более осторожную форму. 12 июня утром, как раз в тот день, когда Стренг вылетел в СССР, я получил инструкцию немедленно посетить Галифакса и «от себя лично» дружески настойчиво порекомендовать ему как можно скорее поехать в Москву для завершения переговоров и подписания пакта. В тот же день я был у британского министра иностранных дел и выполнил полученное из Москвы поручение.

— Теперь, когда стороны договорились по самому важному вопросу, — говорил я, — и между тремя государствами будет заключен пакт взаимопомощи, очень важно, чтобы этот необходимый дипломатический акт совершился без всяких промедлений Международная ситуация крайне напряжена, в Данциге не сегодня-завтра могут произойти чреватые опасностями события… Силам мира надо торопиться Если тройственный пакт будет подписан в ближайшие дни, это может сильно охладить Гитлера… Думаю, мы все заинтересованы в этом… Раздумывая над тем, что могло бы способствовать скорейшему созданию тройственной коалиции против агрессоров, я пришел к выводу, что многое зависит от вас лично, лорд Галифакс. Если бы вы согласились теперь же, на этой неделе или в крайнем случае на следующей, посетить Москву, довести там до конца переговоры и подписать пакт, мир в Европе был бы сохранен. Разве это не достойная большого государственного деятеля задача? Разве для ее достижения не следовало бы использовать все возможные усилия? С полной определенностью могу вас заверить, что Советское правительство приветствовало бы такое решение с вашей стороны, и вы встретили бы в Москве самый теплый и радушный прием.

Я внимательно наблюдал за Галифаксом. Его продолговатое бесстрастное лицо в начале сохраняло привычную скептическую улыбку. По мере того как я говорил, оно принимало все более серьезное выражение. Галифакс был достаточно опытным дипломатом, для того чтобы понять, что советский посол не мог бы с такой настойчивостью советовать ему, хотя бы и в «личном порядке», предпринимать поездку в Москву, если бы он не имел на это санкции своего правительства.

— Если бы вы, лорд Галифакс, — заключил я, — сочли возможным сейчас отправиться в Москву, я попросил бы свое правительство прислать вам официальное приглашение.

Выражение лица Галифакса стало сурово-загадочным. Он внимательно посмотрел на потолок, потом потер переносицу и, наконец, многозначительно сказал:

— Я буду иметь это в виду.

Я понимал, конечно, что Галифакс не может решить вопрос о поездке в Москву без обсуждения его в кабинете. Я подождал несколько дней — ответа на мое приглашение не было Прошла неделя — Галифакс продолжал хранить молчание. Тогда все стало ясно: Галифакс не хочет ехать в Москву, британское правительство не думает о скорейшем заключении пакта. Его согласие на подписание тройственного соглашения взаимопомощи, заявленное нам 25 мая, есть не искреннее изменение во взглядах, а простой маневр, навязанный ему обстоятельствами. Доверять этому согласию никак нельзя. Таким образом Советское правительство получило ответ на интересовавший его вопрос: пассивность Галифакса (до конца переговоров он так и не вернулся к поднятому мной вопросу) была красноречивее самых изысканных дипломатических заявлений.

Сейчас, много лет спустя, я могу сделать очень важный постскриптум к только что рассказанной беседе с Галифаксом 12 июня 1939 г. В опубликованных английским правительством «Документах британской внешней политики» имеется запись этой беседы, составленная тогда же самим Галифаксом. Как же там изображено мое приглашение об его поездке в Москву? Привожу подлинную цитату из только что упомянутой записи:

> «…7. В заключение Майский заметил, что было бы хорошо, если бы я, когда обстоятельства станут более спокойными, сам совершил поездку в Москву. На это я ответил, что хотя ничто, конечно, не доставило бы мне большего удовольствия, однако я чувствую, что в настоящее время мой отъезд из Лондона был бы невозможен» [42].

Оставляя в стороне тот факт, что наша довольно длинная беседа на тему о поездке здесь сведена к нескольким весьма обтекаемым строкам, в приведенном изложении Галифакса имеются по крайней мере две определенные неправды.

Во-первых, я настойчиво рекомендовал Галифаксу отправиться в Москву немедленно, в середине июня 1939 года, для того чтобы в срочном порядке подписать пакт и тем самым создать в Европе «более спокойные обстоятельства», а Галифакс говорит как раз обратное: будто бы я советовал ему поехать в Москву лишь после того, как «обстоятельства станут более

спокойными», то есть, очевидно, уже после подписания пакта. Правильность моей версии в сущности подтверждает сам Галифакс, ибо в своей записи, передавая свой ответ на мое предложение, он говорит: «в настоящее время мой отъезд из Лондона был бы невозможен», — стало быть, речь между нами шла о его поездке «в настоящее время», а не когда-то в будущем.

Во-вторых, Галифакс в своей записи утверждает, будто бы он сразу заявил мне о невозможности для него сейчас поехать в Москву, на самом же деле министр иностранных дел ничего подобного мне не говорил, а лишь ответил, что будет иметь мое предложение в виду.

Если вторая неправда не имеет особенно серьезного значения, то первая является настоящей и злостной фальсификацией, ибо она полностью извращает истину.

Не знаю, советовался ли Галифакс с господом богом, когда делал запись нашей беседы, но не подлежит никакому сомнению, что здесь благородный лорд поступил совершенно недостойно.

Невольно возникает вопрос, зачем это ему понадобилось? Мое объяснение таково, так как записи бесед с послами обычно рассылались всем членам кабинета, Галифакс хотел скрыть мое предложение даже от своих коллег министров, опасаясь, как бы оно не вызвало внутренних осложнений среди членов правительства. Ведь в это время вся внешняя политика Англии фактически концентрировалась в руках трех человек — Чемберлена, Хораса Вилсона и Галифакса, причем роль Вилсона была гораздо важнее роли Галифакса.

Правильность моего предположения подтверждается еще одним поразительным фактом. Около того же времени Иден, узнав о нежелании Галифакса ехать в Москву, по собственной инициативе обратился к британскому правительству с предложением своих услуг.

— Я имею основание думать, — заявил он, — что русские относятся ко мне неплохо… Если лорду Галифаксу почему-либо неудобно сейчас ехать в Москву, пошлите туда меня и поручите мне довести до конца дело о пакте.

Однако правительство Чемберлена отвергло предложение Идена [43].

Итак, мы теперь знали, что никакого «изменения сердца», как говорят англичане, у британского правительства не произошло, что оно остается по-прежнему верно политической линии «кливденцев». Тем не менее Советское правительство решило продолжать переговоры, несмотря ни на что, надо было довести до конца попытку обеспечить мир путем создания тройственной коалиции. Так нам повелевали интересы советского народа и

всего человечества. Так нам повелевала ответственность перед историей.

У меня нет возможности описывать во всех подробностях (да и едва ли это необходимо) ту мышиную возню около тройственного пакта, с помощью которой англичане и французы летом 1939 года саботировали успешное завершение переговоров. Скажу лишь, что я все время чувствовал так, точно мы, советская сторона, продираемся сквозь густой колючий кустарник, где на каждом шагу нас подстерегают рытвины и ухабы. Одежда наша рвется в клочья, лицо, руки, ноги покрыты глубокими царапинами и даже ранами, из которых сочится кровь, но все-таки мы упорно идем к достижению поставленной цели Увы! — мы так и не дошли до нее, а почему — видно будет из дальнейшего. Сейчас остановлюсь лишь на основных вехах тогдашних переговоров.

Весь июнь прошел в борьбе (подумать только) вокруг вопроса — называть или не называть поименно в тексте пакта те страны, которые три великие державы должны были гарантировать. Как выше уже было указано, в англо-французском проекте 25 мая имелся пункт, который обязывал Англию, Францию и СССР приходить на помощь друг другу в случае вовлечения их в войну как гарантов какого-либо европейского государства. Это была слишком общая и недостаточно определенная формула, которая на практике допускала различные толкования Будь отношения между Советским правительством, с одной стороны, и правительствами французским и английским — с другой, построены на базе дружбы и взаимного доверия, с приведенной формулой, пожалуй, можно было бы примириться. Однако фактические отношения между названными правительствами были проникнуты взаимным недоверием и подозрительностью, для чего, как мы знаем, у Советского правительства было более чем достаточно оснований. Поэтому СССР в своем контрпроекте 2 июня точно поименовал те восемь стран, которые три великие державы брались гарантировать. Это были (повторяю еще раз) Бельгия, Греция, Турция, Румыния, Польша, Латвия, Эстония и Финляндия. Здесь учитывались интересы как СССР, так и Англии и Франции. Казалось бы, Чемберлен и Даладье должны были быть удовлетворены — так нет! Они были недовольны Чем именно?

Сначала тем, что в число гарантируемых стран внесены три прибалтийских государства, — к чему это? Лишняя обуза! Англичане и французы пытались на разные лады убедить нас в ненужности такой гарантии и, между прочим, особенно упирали на то, что территория Прибалтики слишком узка для создания на ней эффективного военного фронта. Стало быть, она не может

быть использована немцами против СССР без одновременного распространения фронта на территорию Польши. А если Польша будет вовлечена в войну, вступит в силу гарантия, данная ей Англией и Францией. Разумеется, Советское правительство не могло согласиться с такими аргументами, и в том же разговоре с Галифаксом 12 июня, о котором речь шла выше, я твердо заявил, что без гарантии трех прибалтийских государств не будет никакого пакта.

Когда после этого англичанам и французам пришлось снять свои возражения против гарантии Прибалтов, они вдруг заявили, что считают нежелательным поименное перечисление в тексте пакта всех гарантируемых государств. Почему? В обоснование приводились различные соображения: открытое объявление о гарантии затронет-де национальную гордость гарантируемых стран; открытое объявление о гарантии напугает-де гарантируемые государства, ибо создаст впечатление, что они включились в состав антигитлеровского фронта; открытое объявление о гарантии без прямого согласия на это со стороны гарантируемых государств будет-де стоять в противоречии с принципами международного права. Когда советская сторона в ответ предлагала Англии и Франции оказать влияние на гарантируемые государства и побудить их правительства по крайней мере не возражать против гарантий, Чемберлен и Даладье немедленно принимали торжественную позу и заявляли, что-де каждое государство суверенно и поэтому грешно подсказывать ему участие в антигитлеровском фронте. Больше того, наши партнеры по переговорам, особенно англичан не, поощряли (если не официально, то полуофициально) реакционные правительства прибалтийских государств к открытым заявлениям о том, что они-де не желают получить от трех великих держав вообще никаких гарантий. Действительно, министры иностранных дел Финляндии, Эстонии и Латвии сделали в этом духе декларации, причем особую воинственность проявил представитель Эстонии.

Тогда Советское правительство сделало вытекающий из создавшегося положения логический вывод: 16 июня нарком иностранных дел предложил английскому послу Сиидсу и французскому послу Наджиару в Москве отказаться вообще от внесения в пакт гарантий другим европейским государствам и подписать просто тройственный пакт взаимопомощи между Англией, Францией и СССР на случай прямой атаки Германии на одну из названных держав.

Это вызвало в Лондоне и Париже большое смятение. Здесь рассуждали так: «Если принять советское предложение, то что

станется с гарантиями Польше и Румынии, которые Англия и Франция дали им в марте и апреле 1939 года? Они повиснут в воздухе и превратятся в никчемные бумажки, способные, однако, нанести немалый удар престижу выдавших их держав». Поэтому британское и французское правительства поспешили отклонить заключение просто тройственного пакта взаимопомощи и вновь вернулись к тройственному пакту с гарантиями для других стран. В течение ряда заседаний в Москве они на разные лады пробовали как-либо избежать необходимости называть в пакте гарантируемые страны, и когда убедились в невозможности этого, то 21 июня выдвинули предложение (конкретно его сделал французский посол Наджиар) перенести список гарантируемых стран из ст. 1 основного текста пакта в секретный протокол, прилагаемый к пакту[44]. Было не совсем понятно, почему англичан и французов это больше устраивало, ибо в наши дни содержание каждого секретного документа очень быстро становится общим достоянием, но, поскольку на таком протоколе настаивали наши партнеры, Советское правительство не считало нужным возражать.

В данной связи считаю необходимым сделать одно замечание, касающееся взаимоотношений между англичанами и французами в ходе тройных переговоров. Я уже упоминал, со слов нашего посла в Париже Я.З. Сурица, что при всей своей реакционности правительство Даладье занимало все-таки более благоприятную в отношении пакта позицию, чем правительство Чемберлена. Это объяснялось, конечно, не особым благородством или дальновидностью французских мюнхен — цев, а тем фактом, что Германия угрожала Франции гораздо непосредственнее, чем Англии. Как бы то ни было, но при всей общности линии Лондона и Парижа в переговорах между ними имелись различия в нюансах, которые выявлялись то в одном, то в другом случае. Это, в частности, обнаружилось по вопросу о перечислении в пакте гарантируемых стран, когда Наджиар внес свое предложение о перенесении такого перечисления в секретный протокол. Это, как увидим ниже, не раз повторялось и в «дальнейшем.

Однако дело с поименованием гарантируемых стран на рассказанном не кончилось. Когда был согласован вопрос о секретном протоколе, англичане и французы вдруг заявили, что они хотят распространить гарантию еще на три интересующие их страны: Голландию, Люксембург и Швейцарию Таким образом выходило, что теперь три великие державы должны гарантировать не восемь стран, на базе чего до сих пор велись все переговоры, а одиннадцать стран, в числе которых две (Голландия и Швейцария) даже не поддерживали с СССР

дипломатических отношений. Это, естественно, должно было увеличить бремя, ложившееся на плечи гарантов, в особенности на плечи СССР, ибо именно СССР в случае войны приходилось бы нести главную тяжесть гарантий для шести государств — Польши, Румынии, Турции и трех прибалтийских стран. Советская сторона на одном из заседаний заявила, что обязательства уже в отношении первоначально намеченных восьми государств в переводе на военный язык в случае своей реализаций потребуют от СССР выставления в поле 100 дивизий, а с расширением числа гарантируемых стран понадобится еще больше. Ввиду этого Советское правительство выражало готовность принять под покровительство большой тройки дополнительные три государства только в том случае, если оно получит известную «компенсацию» в виде, например, пактов взаимопомощи с Польшей и Турцией вместо ранее предусмотренных односторонних гарантий Польши и Турции со стороны Советского Союза. Так как Англия и Франция опять спрятались за суверенитет Польши и Турции и так как при такой их позиции было ясно, что заключение пактов взаимопомощи с названными странами является делом весьма сомнительным, то в конце концов было решено, что Голландия, Люксембург и Швейцария в список гарантируемых стран вноситься не будут, но в секретном протоколе (о котором речь шла выше) будет сказано, что в случае возникновения опасности для независимости трех только что названных государств члены большой тройки будут консультироваться о мерах, которые нужно предпринять.

Но англичане и французы не только бесконечно затягивали переговоры, они еще требовали от нас «компенсаций» за каждую сделанную ими «уступку». По этому поводу 23 июня у меня произошла острая стычка с Галифаксом. Пригласив меня в министерство иностранных дел, Галифакс начал горько жаловаться на советские «упрямство» и «неуступчивость» и затем, сделав сурово-загадочную физиономию, в упор спросил, действительно ли Советское правительство хочет тройного пакта?

— Зачем вы ставите такой вопрос? — ответил я. — Вы же прекрасно знаете, что Советское правительство является убежденным сторонником тройственного пакта.

— Я этого не вижу, — заявил Галифакс. — В переговорах всегда обе стороны делают уступки и в конце концов сходятся на компромиссе. Мы, английская сторона, сделали вам в ходе этих переговоров немало уступок, а вы не сдвинулись со своих первоначальных позиций ни на йоту… Очевидно, Советское правительство не заинтересовано в пакте.

Простите, лорд Галифакс, — возразил я, — но, должно быть,

у советской и английской сторон разные представления о том, что такое дипломатические переговоры. Английской стороне они, видимо, рисуются чем-то вроде базара, на котором торгуются два купца; сначала купцы невероятно взвинчивают цены, потом постепенно их начинают спускать и, наконец, доходят до соглашения; при этом каждый купец требует за каждую сделанную им уступку такой же уступки от своего партнера. Так вот, мы, советская сторона, смотрим на дипломатические переговоры несколько иначе. Мы не стремимся вначале запрашивать свыше меры, для того чтобы иметь потом возможность что-то «уступить». Мы сразу говорим то, что, по нашему мнению, требуется для достижения поставленной цели Так же мы поступили и в нынешних переговорах. То, что изложено в советском проекте 2 июня, это тот «железный минимум», который может обеспечить мир в Европе. Вы же начали с того, что никак не могло обеспечить этот мир, и потому, естественно, должны были постепенно двигаться в нашу сторону, ибо вы тоже должны быть заинтересованы в сохранении мира в Европе. Мы не можем отступить от нашего «железного минимума», не предавая дела мира. Вам же нужно еще несколько приблизиться к нам, чтобы общими силами мы оказались в состоянии поставить предел агрессии. Поэтому спрячьте лучше каталог сделанных вами уступок и не требуйте от нас за них никаких компенсаций. Мы на это не пойдем. Мы — реалисты. Поймите, нас интересуют не юридические формулы, не равновесие в балансе уступок с той и другой стороны, нас интересует сущность дела, то есть действительное предупреждение агрессии и обеспечение мира в Европе. Для достижения этой цели есть только один путь — это тот путь, по которому идет советская сторона. Пойдемте вместе по нему.

Галифакс внимательно выслушал меня, но не согласился Он стал теперь доказывать, что во всяких переговорах очень важен «человеческий элемент», а этот «элемент» предусматривает обязательство взаимных уступок. Без таких взаимных уступок не может быть создана «атмосфера», содействующая успешному ходу и исходу переговоров. Мы делаем ошибку, если игнорируем вопрос об «атмосфере».

— Прослушав ваши соображения, — резюмировал я, — готов, пожалуй, признать, что Советское правительство действительно сделало одну ошибку оно не учло «базарных» методов английской дипломатии и потому слишком рано и слишком откровенно обнаружило свой «железный минимум». Но, право же, нам нет оснований извиняться за эту ошибку.

Чем дальше шли переговоры, тем яснее становилось, что

англичане и французы просто проводят тактику саботажа. Европейская обстановка накалялась с каждым днем. Гроза явно собиралась над Данцигом. 18 июня туда прибыл Геббельс и произнес бешеную речь, в которой прямо заявил, что приближается время, когда Данциг станет частью гитлеровской Германии. В последующие дни тысячи немецких «туристов» наводнили город; в огромных количествах туда доставлялось контрабандой разнообразное оружие вплоть до тяжелой артиллерии; нацистский лидер в Данциге Ферстер обратился к населению с призывом не пожалеть усилий для превращения его опять в германский город. Под влиянием всех этих событий напряжение в германо-польских отношениях все больше возрастало, а волнение в Лондоне и Париже все увеличивалось. Выступая 27 июня в парламенте, Даладье заявил, что «еще никогда Европа не была в таком смятении и тревоге, как сейчас», а пять дней спустя, 2 июля, французский премьер констатировал, что «общая ситуация в Европе чрезвычайно серьезна», В речи, произнесенной 28 июня в Лондоне, Черчилль говорил:

— Я очень озабочен положением, в котором мы в настоящее время находимся. Оно очень похоже на прошлогоднее, с той, однако, разницей, что в этом году у нас нет возможности к отступлению. Нас не связывал договор об обязательствах с Чехословакией. Сейчас мы дали абсолютную гарантию Польше. Все говорит о том, что нацисты сделали необходимые приготовления для того, чтобы принудить Польшу к уступкам. Если Польша не уступит, она будет атакована крупными силами с запада и юга.

И даже сам Галифакс в речи 29 июня в очень мрачных красках рисовал открывающиеся перед Европой перспективы.

И вот, несмотря на все это, англичане и французы продолжали тянуть свою нудную, искусственно надуманную канитель в переговорах о тройственном пакте. Одним из их любимых методов при этом было затягивание своих ответов на наши предложения или поправки. Как раз в эти дни я сделал небольшой статистический подсчет о том, сколько времени из общей длительности переговоров потребовалось для подготовки своих ответов советской и англо-французской стороне. Цифры получились очень любопытные. Оказалось, что из 75 дней, которые к тому времени заняли переговоры, СССР для подготовки ответов взял только 16 дней, а Англия и Франция —59. Неудивительно, что эти цифры были использованы в советской печати В статье, появившейся 29 июня 1939 г. в «Правде», писалось:

«Англо-франко-советские переговоры о заключении

эффективного пакта взаимопомощи против агрессии за — шли в тупик…

Факт недопустимой затяжки и бесконечных проволочек в переговорах с СССР позволяет усомниться в искренности подлинных намерений Англии и Франции и заставляет нас поставить вопрос о том, что именно лежит в основе такой политики: серьезные стремления обеспечить фронт мира или желание использовать факт переговоров, как и затяжку самих переговоров, для ка — каких-то иных целей, не имеющих ничего общего с делом создания фронта миролюбивых держав.

Такой вопрос напрашивается тем более, что в ходе переговоров английское и французское правительства нагромождают искусственные трудности, создают видимость серьезных разногласий между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой, по таким вопросам, которые при доброй воле и искренних намерениях Англии и Франции могли быть разрешены без проволочек и помех».

Указав далее на одну из таких «искусственных трудностей» (вопрос о гарантии прибалтийских государств) и подчеркнув, что в других случаях, где Англия чувствует себя действительно заинтересованной (вопрос о гарантии Голландии и др.), она мало считается с желанием тех стран, которые берется гарантировать, «Правда» продолжала:

«…Англичане и французы хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они тоже за «равенство», а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств».

Заявив, что о подобном договоре не может быть и речи, «Правда» заканчивала свою статью следующими многозначительными словами:

«.. Кажется, что англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре для того, чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами».

Это било не в бровь, а в глаз.

Пакт и военная конвенция

Как бы то ни было, но к началу июля вопрос о перечислении государств, гарантированных тремя великими державами, был урегулирован и теперь настала очередь для разрешения других трудностей, стоявших на пути к подписанию пакта. Важнейшей из

них был вопрос о связи между пактом и подкрепляющей его военной конвенцией. Нельзя сказать, чтобы этот вопрос не затрагивался раньше, — нет, нет! Уже в течение июня о нем не раз упоминалось во время разговоров между советскими и англо-французскими представителями в Москве, а также между мной и Галифаксом в Лондоне Но все-таки в июне основные усилия сторон были сосредоточены на вопросе: называть или не называть государства, гарантированные большой тройкой.

В июле на первый план выдвинулся вопрос о связи между пактом и военной конвенцией. К тому были особые причины: атмосфера Европы страшно накалилась, война могла вспыхнуть в любой момент, и надо было возможно скорее и возможно точнее установить, какую помощь окажут друг другу три великие державы, если кто-либо из них будет вовлечен в войну с Германией. Во время переговоров с англо-французскими представителями в Москве не раз подчеркивалось, что пакт без военной конвенции — «пустая бумажка» и что в сложившейся обстановке военная конвенция важнее пакта. Однако и по этому вопросу наши партнеры с упрямой слепотой продолжали все ту же тактику саботажа, хотя у них самих под ногами начинала гореть почва.

Позиции сторон по вопросу о пакте и военной конвенции в основном сводились к следующему.

Советское правительство считало, что пакт и военная конвенция должны составлять единое целое, быть двумя частями одного и того же соглашения и одновременно входить в силу. Иными словами, без военной конвенции не могло быть и политического пакта. Эта точка зрения была ясно выражена уже в наших первых предложениях от 17 апреля, и мы последовательно проводили ее во всех наших разговорах с англичанами и французами как в Москве, так и в Лондоне и Париже. О причинах, кото рые заставляли нас строго придерживаться такого взгляда, говорилось уже раньше.

Напротив, английское и французское правительства считали, что пакт и военная конвенция — это два различных документа и что слишком тесно связывать их нецелесообразно. Почему? Когда в разговоре с Галифаксом 8 июня я впервые коснулся данного вопроса, британский министр иностранных дел сказал:

Но ведь требовать одновременного вступления в силу пакта и военной конвенции значило бы сильно затянуть подписание соглашения… Военная конвенция так быстро не вырабатывается… Всякая отсрочка была бы опасна для дела мира… Надо торопиться!

И Галифакс предложил сначала заключить пакт, а уже потом

заняться военной конвенцией. Я с этим не согласился, но так как в тот момент нам важнее всего было договориться по вопросу о перечислении в пакте гарантированных государств, то проблема пакта и военной конвенции была отложена до более подходящего времени. В дальнейшем и англичане, и французы неизменно поддерживали точку зрения, изложенную Галифаксом в только что упомянутом разговоре, и при этом всегда повторяли:

Военная конвенция только задержит заключение пакта, а нам надо спешить, как можно больше спешить… Международная ситуация принимает такой грозный характер

Трудно представить себе более яркий пример двуличия и лицемерия!

В чем заключалась истинная причина такого поведения англичан и французов?

Она заключалась все в том же — в их неизменной приверженности к генеральной линии «кливденцев» и вытекающей отсюда неприязни к тройственному пакту взаимопомощи. Как раз в эти дни мне сообщили, что в начале июля между Чемберленом и его ближайшим другом министром авиации Киигсли Вудом произошел такой обмен мнениями:

— Что нового с переговорами о пакте? — спросил Кингсли Вуд.

Чемберлен раздраженно махнул рукой и ответил:

— Я все еще не потерял надежды, что мне удастся избежать подписания этого несчастного пакта.

Если таково было настроение главы правительства, то едва ли приходится удивляться нежеланию Галифакса и Даладье считать пакт и военную конвенцию единым целым.

Так как, однако, с начала июля Советское правительство категорически поставило вопрос о единстве пакта и военной конвенции, англичанам и французам волей-неволей пришлось заняться этим вопросом

12 июля Галифакс пригласил меня к себе и стал было вновь доказывать нецелесообразность одновременного введения в силу пакта и военной конвенции Однако я его сразу прервал и заявил, что на эту тему бесполезно спорить, так как Советское правительство ни в коем случае не подпишет пакта без конвенции. Галифакс спросил, чем объясняется наше упорство по данному пункту. В ответ я вкратце рассказал ему наш неудачный опыт с франко-советским пактом взаимопомощи. Советское правительство твердо решило, что ничего подобного не должно повториться теперь, тем более что времена сейчас гораздо более опасные, чем в 1935 году[45].

Галифакс несколько мгновений молчал, погруженный в свои

размышления, и потом, искоса взглянув на меня, многозначительно произнес

— Это значит, что вы нам не доверяете?..

Я пожал плечами и ответил:

— Три больших государства договариваются об очень важных вещах, здесь все должно быть точно и ясно, иначе могут возникнуть самые нежелательные недоразумения и конфликты.

В Москве Советское правительство настойчиво защищало концепцию единого соглашения с двумя частями и в целях выигрыша времени предложило начать переговоры о военной конвенции немедленно, не дожидаясь окончательной выработки пакта Политические переговоры могут продолжаться параллельно. Это предложение Галифаксу очень не понравилось, но советская сторона твердо стояла на позиции либо пакт и конвенция одновременно, либо никакого пакта. В результате уже в середине июля Галифакс дал Сиидсу директиву согласиться на единство пакта и конвенции, а также на досрочное начало переговоров о конвенции, предоставив послу право самому решить, когда следует сообщить об этом советской стороне. Сиидс, со своей стороны, протянул еще неделю и только на заседании 24 июля довел до сведения советского наркома, что британское правительство не возражает против немедленного открытия переговоров о военной конвенции. В качестве места для таких переговоров Советское правительство предложило Москву.

Таким образом, благодаря саботажу наших партнеров понадобилось еще три недели, для того чтобы урегулировать вопрос о связи между пактом и военной конвенцией.

Но это было еще не все Теперь, когда вопросы о по — именовании гарантированных государств и об единстве пакта и военной конвенции были разрешены, надо было преодолеть еще одну трудность дать более точное определение понятию агрессия Три великие державы обязывались приходить на помощь восьми другим странам в случае, если они станут жертвой агрессии, но как следовало понимать термин «агрессия»?

И вот начались бесконечные словопрения! Советское правительство по данному пункту занимало очень гибкую позицию Оно очень считалось с возражениями наших партнеров и нередко шло им на уступки, переделывая и перекраивая свои предложения, но все было тщетно. В любой советской формулировке подозрительный глаз Галифакса непременно открывал какое-либо слово, какую-либо запятую, которая вызывала у него отрицательную реакцию. Споры по поводу определения агрессии шли весь июль, продолжались в августе, не приводя ни к какому соглашению. Они так и не были закончены

до краха тройных переговоров вообще.

Здесь я должен опять упомянуть о расхождениях, возникших между англичанами и французами в ходе переговоров. В телеграмме Сиидса от 22 июля имеется такой пункт:

«Личный взгляд французского посла сводится к тому, что определение косвенной агрессии, предложенное Молотовым, может быть принято, и он дал понять мне в частном порядке, что таково же и мнение французского правительства. Французскому послу все труднее под — держивать оппозицию правительства его величества к формуле Молотова»[46].

Одновременно, того же 22 июля, Галифакс телеграфировал Сиидсу:

> «В Париже и Лондоне появились газетные сообщения о том, что французское правительство готово пойти на все уступки Молотову и тщетно пытается повлиять на правительство его величества в этом направлении. Вы можете сказать своему французскому коллеге, если он поднимет этот вопрос, что, по всем имеющимся у нас данным, утечка информации произошла из французского источника»[47].

Вопрос об источнике утечки имел второстепенное значение; гораздо важнее было то, что, чем дальше по вине Чемберлена затягивались переговоры, тем явственнее обнаруживались расхождения между Лондоном и Парижем.

Наблюдая изо дня в день поведение английской сто — роны во время дискуссий об определении агрессии, мы невольно задавались вопросом: может ли так поступать правительство, которое действительно хочет как можно скорее заключить тройственный пакт? И снова и снова вынуждены были отвечать-«нет, не может; очевидно, правительство Англии по-прежнему не хочет заключения пакта».

В июле произошло одно важное событие, которое еще больше сгустило наши сомнения в искренности наших британских партнеров: Около 20-го числа этого месяца встретились английский министр внешней торговли Хадсон и советник Геринга по экономическим вопросам Вольтат. Официально Вольтат прибыл в Лондон для участия в международной конференции по китобойному промыслу, но фактически его задачей было произвести зондаж о возможности широкого урегулирования отношений между Англией и Германией. В тот момент мы не знали всех подробностей переговоров Вольтата с английскими государственными деятелями Мы не знали, в частности (это выяснилось только по окончании войны), о

беседах, которые Вольтат имел с Хорасом Вилсоном. В записи тогдашнего германского посла в Лондоне

Дирксена от 21 июля 1939 г. находим следующие данные о разговорах Вольтата с Хадсоном и Хорасом Вилсоном.

Хадсон через норвежского члена китобойной комиссии просил Вольтата зайти к нему; во время беседы с Вольтатом Хадсон развивал далеко идущие планы англо-германского сотрудничества в целях открытия новых и эксплуатации существующих мировых рынков, в частности, он заявлял, что Англия и Германия могли бы найти широкое применение своих сил в Китае, России и Британской империи; Хадсон считал необходимым разграничение сфер английских и германских интересов.

Затем по инициативе Хораса Вилсона Вольтат посетил и его. Две беседы Вольтата с главным внешнеполитическим советником Чемберлена Вилсоном носили более всесторонний характер. Вилсон заявил, что его целью является «широчайшая англо-германская договоренность по всем важным вопросам», в частности: а) заключение англо-германского пакта о ненападении,

б) заключение пакта о невмешательстве и распределении сфер влияния, в) ограничение вооружений на суше, на море и в воздухе, г) предоставление Германии возможности включиться в эксплуатацию колоний и д) взаимное финансовое содействие и проблемы международной торговли. Когда Вольтат спросил, могло ли германское правительство внести в порядок дня еще и другие вопросы, Вилсон ответил, что «фюреру нужно лишь взять лист чистой бумаги и перечислить на нем интересующие его вопросы; английское правительство было бы готово их обсудить». Вилсон просил, чтобы Гитлер назначил какое-либо полномочное лицо для ведения переговоров по всем вопросам, касающимся англо-германского сотрудничества.

Дирксен записывает также: «Сэр Гораций Вилсон определенно сказал г-ну Вольтату, что заключение пакта о ненападении (с Германией. —И.М.) дало бы Англии возможность освободиться от обязательства в отношении Польши»[48].

Вилсон предложил Вольтату немедленно переговорить с Чемберленом для того, чтобы убедиться в его согласии с той программой, которую он развернул перед Вольтатом, однако Вольтат уклонился от встречи с британским премьером.

Вот какие разговоры летом 1939 года за спиной у СССР вел Чемберлен с Германией! Если в конечном счете из них ничего не получилось, то это уже зависело от таких факторов, над которыми британский премьер был не властен. И после этого

историки и политики Запада осмеливаются бросать камень в Советское правительство, обвиняя его в сговоре, чуть ли не в союзе с Германией за спиной у Англии и Франции! Если бы Советское правительство даже поступило так, то оно лишь платило бы западным «демократиям» их же монетой. На самом деле, как будет показано ниже (см. гл. «Дилемма Советского правительства»), ничего подобного не было. Повторяю, летом 1939 года нам еще не были известны детали секретных переговоров между Англией и гитлеровской Германией Однако и того, что в июле 1939 года просочилось в печать и политические круги, было совершенно достаточно для серьезного беспокойства. Как писали тогда газеты и как признал Чемберлен в своем парламентском заявлении 24 июля, между Хадсоном и Вольтатом шел разговор о расширении англогерманских торгово-финансовых отношений и о предоставлении Англией Германии на определенных условиях огромного займа в пределах 500–1000 млн. ф. ст. Коммерческая сделка подобного масштаба имела первоклассное политическое значение Если член британского правительства считает возможным обсуждать такой проект с крупным сановником гитлеровского государства, значит., Мы не делали отсюда слишком далеко идущих выводов, но, естественно, наше недоверие к истинным намерениям британского правительства, взращенное всем прошлым опытом, в частности опытом тройных переговоров, только возрастало.

Подготовка к военным переговорам

25 июля Галифакс пригласил меня к себе и сообщил о достигнутом в Москве соглашении немедленно начать военные переговоры. Я уже знал об этом из телеграммы НКИД, полученной мной накануне, но тем не менее выразил большое удовлетворение по поводу слов министра иностранных дел. Меня, однако, тревожили некоторые сомнения, и я попытался сразу же проверить, насколько они основательны.

— Скажите, лорд Галифакс, — спросил я, — когда, по-вашему, смогут начаться эти переговоры?

Галифакс подумал, посмотрел на потолок, точно что-то соображая, и затем ответил:

— Нам надо дней семь — десять, для того чтобы проделать всю необходимую предварительную работу.

Это значило, что фактически переговоры начнутся едва ли раньше, чем через две недели. Итак, Галифакс не собирался торопиться

— А состав вашей делегации для ведения военных

переговоров уже определен? — вновь спросил я.

— Нет, пока еще нет… Мы сделаем это в ближайшие дни, — сказал Галифакс и затем прибавил: —Мы считаем, что наиболее удобным местом для военных переговоров был бы Париж, но, поскольку Советское правительство пожелало вести переговоры в Москве, мы готовы встретиться в Москве.

Я ушел от Галифакса с чувством большой тревоги: старая игра продолжалась, а между тем международная ситуация все больше накалялась. Милитаризация Данцига шла усиленным темпом, и напряженность в польско-германских отношениях становилась почти нестерпимой. 21 июля германское министерство иностранных дел заявило, что Данциг должен быть возвращен Германии «без всяких условий». На это лидер польской армии маршал Рыдз-Смиглы ответил, что, если Германия вздумает решить судьбу Данцига в одностороннем порядке, Польша возьмется за оружие. Около этого же времени английский генерал Айронсайд посетил Варшаву и вел там переговоры с польским генеральным штабом. На Дальнем Востоке развертывались серьезные события китайско-японская война продолжалась уже два года, и конца ей не предвиделось; на Халхин-Голе шли бои между японскими агрессорами и советско-монгольскими войсками; японские империалисты вели бешеную кампанию против Англии в Китае, бомбили ее суда на Янцзы, организовывали враждебные ей демонстрации в китайских городах, угрожали смертью проживающим здесь британским гражданам. Все это вызывало огромную тревогу в Англии, и широкие массы, в частности рабочие, все настойчивее атаковали правительство за его саботаж в ведении тройных переговоров. По всей стране, из конца в конец, неслось громкое требование — «пакт с Советским Союзом немедленно!».

Чемберлену опять приходилось изворачиваться, и 31 июля в парламенте состоялись бурные дебаты по вопросам внешней политики. Лидер либералов Арчибальд Синклер резко критиковал политику Чемберлена и требовал посылки в Москву для завершения переговоров о пакте «человека самого высокого политического ранга». Представитель лейбористов Далтон предлагал поехать в Москву самому Галифаксу или пригласить члена Советского правительства в Лондон. Иден настаивал на срочной отправке в СССР политической миссии, возглавляемой человеком такого ранга, чтобы он мог сноситься непосредственно с Советским правительством. В том же духе выступали и многие другие ораторы.

Отбиваясь от нападок за саботаж переговоров, Чемберлен вздумал опереться на прецеденты прошлого. Он говорил, что

переговоры об англо-японском союзе 1903 года продолжались полгода, переговоры об англо-французской Антанте 1904 года шли девять месяцев, переговоры об англо-русской Антанте 1907 года заняли пятнадцать месяцев… Вывод был ясен: нынешние переговоры с СССР идут всего только четыре с половиной месяца, чего же вы от меня хотите?[49]. Трудно представить себе более яркий пример политического тупоумия, чем эти рассуждения британского премьера в обстановке уже почти начавшейся исторической бури.

Несмотря на возмущение широкой английской общественности, Чемберлен продолжал сохранять верность своей генеральной линии. Он все еще не терял надежды столкнуть Германию и СССР. О том ясно говорили все действия британского правительства даже в этот поздний час.

После беседы с Галифаксом 25 июля я сделал попытку повлиять на состав той военной делегации, которую Англия собиралась послать в СССР. Я думал: «Уж если в июне Галифакс не поехал в Москву, так пусть хоть сейчас главным представителем Англии будет какая-либо действительно крупная и активная военная фигура. Это было бы полезно для самих переговоров; это могло бы несколько охладить агрессивный пыл Гитлера; это явилось бы свидетельством серьезного отношения Англии к тройственному пакту, если в настроениях ее правящей верхушки хоть теперь, на самом пороге войны, произошли какие-либо изменения к лучшему».

Я обратился к Артуру Гринвуду, заместителю лидера лейбористской партии в парламенте, с которым у меня были добрые отношения, и просил его неофициально довести до сведения британского правительства, что советская сторона надеется увидеть во главе английской делегации очень видного военного, лучше всего генерала Горта, тогдашнего начальника британского генерального штаба. Мне точно известно, что Гринвуд исполнил мою просьбу. В ответ он получил письмо от Чемберлена (я сам его читал), в котором премьер сообщал, что правительство, к сожалению, не может послать Горта в Москву, так как-де сейчас он слишком нужен в Лондоне, но что вместо Горта делегацию возглавит человек, который будет вызывать необходимый «респект» со стороны Советского правительства.

И что же? 31 июля Чемберлен объявил в парламенте, что кабинет возложил руководство английской военной делегацией на сэра Реджинальда Планкета Эрнле Эрле Дрэкса. Признаюсь, имени его я до того ни разу не слыхал за все семь лет моей предшествующей работы в качестве советского посла в Лондоне. Да и неудивительно: оказалось, что сэр Реджинальд Планкет

Дрэкс никакого оперативного отношения к английским вооруженным силам в то время не имел, но зато был близок ко двору и настроен по-чемберленовски. Даже при желании трудно было подыскать кандидатуру, более неподходящую для ведения переговоров с СССР, чем этот престарелый адмирал британского флота. Другие члены делегации (воздушный маршал Бэрнетт и генерал-майор Хейвуд) не возвышались над средним уровнем руководящего состава британских сухопутных сил.

Когда я узнал о составе английской делегации, я мог сделать только один вывод: «Все остается по-старому, саботаж тройственного пакта продолжается».

Французское правительство пошло по пути, проложенному его лондонскими коллегами: главой французской делегации был назначен корпусной генерал Ду — менк, членами — авиационный генерал Валэн и морской капитан Вийом. Здесь также не было ни одного человека, который мог бы с авторитетом говорить от имени всех вооруженных сил своей страны. В первых числах августа французская делегация прибыла в Лондон. Отсюда обе делегации вместе должны были отправиться в Москву. Я решил устроить для них завтрак. Как ни разочарован я был составом делегаций, долг дипломатической вежливости требовал от меня такого жеста. К тому же мне хотелось лично побеседовать с членами делегаций. Завтрак состоялся в зимнем саду посольства. Кроме английской и французской делегаций, присутствовали также наши военные работники (атташе по военным, воздушным и морским делам) и руководители торгпредства. Справа от меня в качестве старшего гостя сидел адмирал Дрэкс, высокий, худощавый, седой англичанин, со спокойными движениями и неторопливой речью. Когда все было съедено и подали кофе, между мной и Драксом произошел следующий разговор:

Я. Скажите, адмирал, когда вы отправляетесь в Москву?

Дрэкс. Это окончательно еще не решено, но в ближайшие дни.

Я. Вы, конечно, летите? Время не терпит, атмосфера в Европе накалена..

Дрэкс. О нет! Нас в обеих делегациях вместе с обслуживающим персоналом около 40 человек, большой багаж… На аэроплане лететь неудобно.

Я. Если самолет не подходит, может быть, вы отправитесь в Советский Союз на одном из ваших быстроходных крейсеров?.. Это было бы очень стильно и внушительно: военные делегации на военном корабле… Да и времени от Лондона до Ленинграда потребовалось бы немного.

Дрэкс (с кислой миной на лице). Нет, и крейсер не годится.

Ведь если бы мы отправились на крейсере, это значило бы, что мы должны были бы выселить два десятка его офицеров из своих кают и занять их место… Зачем доставлять людям неудобства?.. Нет, нет! Мы не пойдем на крейсере…

Я. Но в таком случае вы, может быть, возьмете один из ваших быстроходных коммерческих пароходов?.. Повторяю, время горячее, вам надо возможно скорее быть в Москве!

Дрэкс (с явным нежеланием продолжать дальше этот разговор). Право, ничего не могу вам сказать… Организацией транспорта занимается министерство торговли… Все в его руках… Не знаю, как получится.

А получилось вот как: 5 августа военные делегации отплыли из Лондона на товаро-пассажирском пароходе «City of Exeter», делавшем 13 узлов в час, и только 10 августа прибыли, наконец, в Ленинград. Целых пять дней ушло на плавание в момент, когда на весах истории считались часы и даже минуты!..

Тогда я думал, что феноменальная медлительность с оформлением и поездкой делегаций в СССР является одним из проявлений того духа саботажа переговоров, с которым мы были слишком хорошо знакомы. Несомненно, в общем и целом, я был прав. Однако в настоящее время из опубликованных английским правительством дипломатических документов можно видеть, что в той неторопливости, с которой Дрэкс и его коллеги добирались до Москвы, был еще свой особый смысл. Я уже говорил, что, когда между сторонами произошло соглашение о немедленном открытии военных переговоров, выработка политического пакта не была вполне закончена: надо было еще разрешить вопрос об определении понятия «агрессия». Предполагалось, что политические и военные переговоры будут идти параллельно. И вот в письменной инструкции, данной министерством иностранных дел своей делегации для руководства во время московских переговоров, под п. 8 говорилось:

> «До заключения политического соглашения… делегации следует не торопиться со своими переговорами, все время следя за ходом политических переговоров и находясь в самой тесной связи с послом его величества (в Москве. —И. М)»[50]

Так как в момент отправки военных делегаций из Лондона вопрос об определении агрессии все еще висел в воздухе, британское правительство считало, что с их поездкой нечего спешить.

Здесь еще раз вскрылось расхождение между Лондоном и Парижем. В телеграмме от 13 августа Сиидс просил Галифакса

разрешить его недоумение.

> «Письменные инструкции адмирала Дрэкса, — сообщал Сиидс из Москвы, — видимо, рассчитаны на то, чтобы военные переговоры шли медленно до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение по еще остающимся политическим вопросам… С другой стороны, инструкции французского генерала предписывают ему добиваться заключения военной конвенции как можно скорее. Ясно, что эти инструкции не совпадают с инструкциями, полученными адмиралом Драксом».

Да, конечно, тут было явное расхождение между Лондоном и Парижем. И не только между Лондоном и Парижем, но также (и это было особенно знаменательно) между британским правительством в Лондоне и его собственным послом в Москве. Как ни хорошо тренирован был Сиидс, даже он не выдержал, наконец, издевательства британского правительства над интересами европейской безопасности и самым элементарным здравым смыслом. В той же телеграмме Сиидс дальше писал:

«Я был бы вам благодарен за срочное разъяснение, ставит ли правительство его величества развитие военных переговоров сверх ни к чему не обязывающих общих мест в зависимость от предварительного урегулирования вопроса о «косвенной агрессии», Я глубоко сожалел бы, если бы таково было действительное решение правительства его величества, ибо все признаки ясно говорят о том, что советская военная миссия вполне серьезно хочет делать дело»[51].

Вот до чего доходила политическая близорукость тогдашних лидеров английской буржуазии! Вот до чего их доводило классовое ослепление!

* * *

На этом по существу кончаются мои личные воспоминания о тройных переговорах 1939 года, ибо после отъезда военных делегаций в СССР эти переговоры в Лондоне вообще прекратились. Центр тяжести переговоров, надевших теперь военный мундир, был перенесен в Москву, и непосредственного участия я в них не принимал. Однако я не могу просто поставить здесь точку. Логика всего повествования побуждает меня рассказать хотя бы вкратце о том, что же произошло в Москве и чем закончилась злосчастная история тройных переговоров. В этой части моего изложения мне придется пользоваться уже не моими собственными воспоминаниями, а тем, что я слышал от других достоверных свидетелей московских событий и что мне в дальнейшем удалось узнать из различных печатных и документальных источников.

Военные переговоры в Москве

В противоположность английскому и французскому правительствам Советское правительство отнеслось к предстоявшим военным переговорам со всей той серьезностью, которой они заслуживали.

Советская миссия для переговоров состояла из людей самого первого ранга. Главой миссии был назначен маршал К. Е. Ворошилову то время народный комиссар обороны СССР, членами — начальник генерального штаба командарм первого ранга Б. М. Шапошников, народный комиссар военно-морского флота флагман флота второго ранга Н. Г. Кузнецов, начальник военно-воздушных сил командарм второго ранга А. Д. Локтионов и заместитель начальника генерального штаба комкор И. В. Смо — родинов.

Английская и французская миссии по прибытии в Ленинград были встречены высшими представителями военных и морских властей этого города. Им показали достопримечательности Ленинграда и его окрестностей. Английский посол в СССР Сиидс в своем отчете министерству иностранных дел подчеркивал, что при этом советские власти «явно хотели предоставить гостям все и всяческие возможности» [52].

В Москве английскую и французскую делегации также встречали «по первому классу», и в самый день приезда они были

приняты народным комиссаром иностранных дел и народным комиссаром обороны, а вечером присутствовали на обеде, устроенном в их честь советской военной миссией на Спиридоновке. Описывая визит миссий к К. Е. Ворошилову, Сиидс в том же отчете замечал:

«Маршал Ворошилов, которого мне до того не приходилось видеть, был одет в очень красивую белую форму летнего покроя и производил самое благоприятное впечатление своими дружественностью и энергией. Он, видимо, был действительно рад встретиться с миссиями»[53].

Обед на Спиридоновке произвел на английского посла сильное впечатление.

> «Прием продолжался до позднего часа, — говорил он в своем донесении, — за обедом последовал превосходный концерт. Царила сердечная атмосфера, и только трудности с языком несколько мешали разговорам. В официальном, сообщении о приеме, появившемся в «Известиях», было упомянуто о «дружеских тостах», обмен которыми произошел во время обеда» [54].

Таким образом, с советской стороны было сделано все возможное для того, чтобы показать ее серьезное отношение к переговорам о военной конвенции и ее искренность в стремлении создать эффективный барьер против повторения агрессии. О том свидетельствовали сами англичане. Ну, а как было с англо-французской стороной?. Увы! — здесь все оставалось по-старому: саботаж тройственного пакта продолжался.

Это обнаружилось на первом же официальном заседании трех миссий 12 августа. После завершения всех формальностей глава советской делегации предложил ознакомиться с полномочиями каждой делегации Тут же он предъявил полномочия советской делегации, которые гласили, что наша делегация уполномочивается «вести переговоры с английской и французской военными миссиями и подписать военную конвенцию по вопросам организации военной обороны Англии, Франции и СССР против агрессии в Европе»[55].

Глава французской делегации генерал Думенк зачитал свои полномочия, которые поручали ему «договориться с главным командованием советских вооруженных сил по всем вопросам, относящимся к вступлению в сотрудничество между вооруженными силами обеих стран» [56]. Эта было значительно меньше, чем полномочия советской делегации, но все-таки генерал Думенк имел возможность вести серьезные переговоры с

советской стороной.

У адмирала Дракса положение оказалось гораздо хуже. Выяснилось, что он вообще не имеет никаких письменных полномочий! Нужно ли лучшее доказательство той несерьезности, с которой британское правительство подходило к военным переговорам? Было ясно, что английская миссия была послана в Москву не для срочного заключения военной конвенции, а для безответственных разговоров о военной конвенции Адмирал Дрэкс пытался выйти из затруднительного положения, заявив, что если бы совещание было перенесено в Лондон, то он имел бы все необходимые полномочия, однако глава советской делегации под общий смех возразил, что «привезти бумаги из Лондона в Москву легче, чем ехать в Лондон такой большой компании»[57]. В конце концов адмирал обещал запросить у своего правительства письменные полномочия, которые были им получены только 21 августа, когда, как увидим ниже, надобность в них вообще миновала.

Итак, отсутствие у адмирала Дракса письменных полномочий явилось последней каплей, переполнившей чашу многомесячного терпения Советского правительства. Оно окончательно убедилось, что Чемберлен неисправим, и что надежда на заключение пакта превратилась в бесконечно малую величину. Приходилось решать вопрос о защите советских интересов иными путями Однако круто рвать переговоры, пока другая сторона еще не отказалась от них, было политически неразумно.

Несмотря на отсутствие у адмирала Дракса надлежащим образом оформленных полномочий, советская делегация заявила, что не возражает против продолжения работы совещания. Действительно, 13, 14, 15, 16 и 17 августа состоялось семь заседаний, на которых стороны обменялись сообщениями о своих вооруженных силах и своих планах на случай гитлеровской агрессии. От имени Англии выступали: адмирал Дрэкс, воздушный маршал Бэрнетт и генерал Хейвуд; от имени Франции — генералы Думенк, Валэн и капитан Вийом; от именя СССР — начальник генштаба командарм первого ранга Б. М. Шапошников, начальник военно-воздушных сил командарм второго ранга А. Д. Локтионов и нарком Военно-Морского Флота флагман флота второго ранга Н. Г. Кузнецов.

Общая картина вооруженных сил трех держав получалась такая.

Франция располагала 110 дивизиями, не считая противовоздушной обороны, береговой обороны и войск, расположенных в Африке; сверх того имелось до 200 тыс. войск республиканской Испании33, отступивших во Францию после

победы Франко и просивших принять их во французскую армию. На вооружении французских сил имелось 4 тыс. современных танков и 3 тыс пушек крупного калибра от 150 мм и выше (не считая дивизионной артиллерии). Военно-воздушный флот Франции состоял из 2000 самолетов первой линии, около двух третей которых являлись современными, по тогдашним понятиям, самолетами со скоростью истребителей 450–500 и бомбардировщиков 400–450 км в час.

Англия располагала готовыми 6 дивизиями, могла «в кратчайший срок» перебросить на континент еще 9, а «во втором эшелоне» добавить сверх того 16 дивизий — всего, стало быть, 32 дивизии. Военно-воздушные силы самой Англии включали свыше 3 тыс. самолетов первой линии.

Советский Союз располагал для борьбы с агрессией в Европе 120 пехотными и 16 кавалерийскими дивизиями, 5 тыс. тяжелых орудий, 9–10 тыс. танков и 5–5,5 тыс. боевых самолетов.

Кроме того, к услугам трех великих держав имелись военно-морские флоты, среди которых особенным могуществом отличался британский флот 34.

Как видим, вооруженные силы предполагаемых членов тройственного пакта были очень внушительны и далеко превосходили тогдашние силы Германии и Италии.

Цифра испанцев сильно преувеличена.[58]

Этих сил безусловно хватило бы для предотвращения фашистской агрессии, но при одном непременном условии — если бы все три правительства действительно хотели создать единый эффективный фронт против Гитлера и Муссолини. Советское правительство этого очень хотело, но того же совсем нельзя было сказать о правительствах Франции и особенно Англии. Вот два характерных факта.

На заседании 14 августа между маршалом Ворошиловым и генералом Думенком произошел следующий обмен мнениями:

«**Маршал К.Е. Ворошилов**. Я вчера задал генералу Думенку следующий вопрос: как данные миссии или генеральные штабы Франции и Англии представляют себе участие Советского Союза в войне против агрессора, если он нападет на Францию и Англию, если агрессор нападет на Польшу или Румынию, или на Польшу и Румынию вместе, если агрессор нападет на Турцию?.

Ген. Думенк. Генерал Гамелен думает, а я, как его подчиненный, думаю так же, что наша первая задача — каждому крепко держаться на своем фронте и группировать свои силы на этом фронте. Что касается упомянутых ранее стран, то мы считаем, что их дело защищать свою территорию… Но мы им окажем помощь, когда они потребуют ее.

Маршал К.Е. Ворошилов. А если они не потребуют помощи?

Ген. Думенк. Нам известно, что они нуждаются в этой помощи.

Маршал К.Е. Ворошилов. Если же они своевременно не попросят этой помощи, это будет значить, что они подняли руки кверху, что они сдаются.

Ген. Думенк. Это было бы крайне неприятно.

Маршал К.Е. Ворошилов. Что тогда предпримет французская армия?

Ген. Думенк. Франция тогда будет держать на своем фронте силы, которые она сочтет необходимыми» [59].

Итак, французский генеральный штаб явно страдал комплексом пассивности. В случае нового «прыжка» Гитлера он рекомендовал будущим участникам пакта «крепко держаться на своем фронте» и ждать… ждать, пока жертва агрессии не позовет их на помощь. В применении к СССР это значило, что, если Гитлер нападет на Польшу или Румынию, Советское правительство должно сконцентрировать силы на своей западной границе и хладнокровно наблюдать, что происходит по другую ее сторону. Только если польское или румынское правительства обратятся к нему, оно может прийти им на помощь… А если не обратятся? Или обратятся слишком поздно? Что тогда?.. Не подлежало сомнению, что стратегия, рекомендуемая французским генеральным штабом, могла привести лишь к торжеству агрессора.

Еще острее расхождение между советской стороной и стороной англо-французской обнаружилось по другому вопросу. Советская сторона полагала, что если всерьез думать о планах борьбы с агрессорами, то необходимо заранее точно договориться о практических действиях в минуту опасности, не оставляя этого до наступления критического часа. Именно поэтому на том же заседании 14 августа глава советской делегации, имея в виду отсутствие у СССР и Германии общей границы, задал главам английской и французской миссий прямой вопрос:

«Предполагают ли генеральные штабы Великобритании и Франции, что советские сухопутные войска будут пропущены на польскую территорию для того, чтобы непосредственно соприкоснуться с противником, если он нападет на Польшу?.. Имеется ли в виду пропуск советских войск через румынскую территорию, если агрессор нападет на Румынию?»

Уточнив далее, что речь в первую очередь идет о пропуске советских войск через Виленский коридор и через Галицию, советский представитель подчеркнул, что «если этот вопрос не получит положительного разрешения, то я сомневаюсь вообще в

целесообразности наших переговоров» [60].

Что же ответили английская и французская миссии?

Сначала они стали доказывать, что никакой проблемы пропуска советских войск вообще не существует, ибо, как заявил генерал Думенк, в случае нападения Германии «Польша и Румыния будут Вас, г-н маршал, умолять прийти им на помощь». Когда же маршал К. Е. Ворошилов возразил «а может быть не будут»[61], Дрэкс и Думенк дали понять, что вопрос, поставленный советской стороной, является политическим вопросом, не подлежащим компетенции военных миссий. Так как, однако, глава советской делегации заявил, что вопрос о пропуске советских войск имеет «кардинальное значение» и что без его удовлетворительного разрешения не может быть и речи о заключении военной конвенции, главы обеих западных делегаций в письменном сообщении констатировали, что для получения ответа на поставленный советской стороной вопрос необходимо обратиться к правительствам Польши и Румынии. Они рекомендовали сделать это правительству СССР и одновременно допускали, что соответственный запрос могут сделать Лондон и Париж.

Советское правительство, конечно, не имело никаких оснований делать демарши в Варшаве и Бухаресте; в результате Дрэкс и Думенк взяли на себя обязательство просить английское и французское правительства получить у Польши и Румынии ответ на запрос о пропуске советских войск.

В конце того же заседания 14 августа советская сторона огласила свое письменное заявление, в котором, между прочим, говорилось

«Советская военная миссия выражает сожаление по поводу отсутствия у военных миссий Англии и Франции точного ответа на поставленный вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии.

Советская военная миссия считает, что без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречена на неуспех».

На следующий день, 15 августа, Дрэкс сообщил, что обе миссии отправили в Лондон и Париж запросы по интересующему советскую делегацию вопросу. Так как, однако, ни 16, ни 17 августа никаких откликов из Лондона и Парижа не было, то советская сторона заявила, что, если «за сегодняшний и завтрашний день не будет получено ответа от правительства Англии и Франции, нам, к сожалению, придется прервать на некоторое время наши заседания в ожидании этого ответа».

В результате было условлено, что следующее заседание делегаций назначается на 21 августа.

Однако люди в Париже и Лондоне, продолжая тактику саботажа, явно не торопились. Ни 18, ни 19, ни 20, ни 21 августа английская и французская миссии не получили ответа на свой запрос. Ввиду этого накануне назначенного дня заседания Дрэкс и Думенк направили К. Е. Ворошилову письмо с просьбой отложить заседание еще на три-четыре дня. Глава советской делегации не согласился с этим предложением и утром 21 августа все-таки устроил заседание. Здесь он твердо заявил, что ввиду затяжки с ответами на кардинальный вопрос переговоров необходимо устроить более длительный перерыв, ибо члены советской делегации будут теперь заняты на осенних маневрах.

Поняв, что дело пахнет провалом переговоров, Дрэкс от имени обеих делегаций попытался свалить ответственность за эту неудачу на плечи Советского правительства. В прочитанном им письменном заявлении говорилось:

> «…Мы были приглашены сюда для того, чтобы выработать военную конвенцию. Поэтому нам трудно понять действия советской миссии, намерение которой, очевидно, заключалось в постановке сразу же сложных и важных политических вопросов… Французская и английская миссии не могут принять на себя ответственности за отсрочку, которая имеет место»[62].

В тот же день, на вечернем заседании, советская сторона огласила также письменный ответ советской миссии, из которого я приведу здесь следующие выдержки:

> «Подобно тому, как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами
>
> Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и советские вооруженные силы не могут принять участия в военном сотрудничестве с вооруженными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши и Румынии. Это — военная аксиома…
>
> Советская военная миссия не представляет себе, как могли правительства и генеральные штабы Англии и Франции, посылая в СССР свои миссии для переговоров о заключении военной конвенции, не дать точных и положительных указаний по такому элементарному

вопросу…

Если, однако, этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР.

Ввиду изложенного ответственность за затяжку военных переговоров, как и за перерыв этих переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны» [63].

Таким образом, военные переговоры благодаря саботажу Англии и Франции также зашли в тупик.

Дилемма Советского правительства

Что было делать?

Перед Советским правительством остро встала дилемма: продолжать ли тройные переговоры с явно нежелающими пакта правительствами Англии и Франции или же поискать какие-либо иные пути для укрепления своей безопасности?

Здесь на память невольно приходил один яркий эпизод из ранней истории Советского Союза.

Сразу после Октябрьской революции молодое и еще не окрепшее Советское государство было поставлено перед решением важного и трудного вопроса: как прекратить войну, в обстановке которой оно родилось? От того или иного решения этой задачи зависело все будущее революции и Советской страны, больше того — все будущее человечества.

В самом деле, каково было положение? В России только что произошла великая революция Она столкнулась с бешеным сопротивлением ее старых господствующих классов, поддерживаемых всем капиталистическим миром Она унаследовала от царского режима тяжелую экономическую разруху и темноту широких народных масс. Чтобы устоять и выжить, молодая и еще слабая Советская республика больше всего нуждалась в мире или хотя бы временной «передышке».

Как же поступило тогда Советское правительство, руководимое В. И Лениным?

В знаменитом Декрете о мире от 8 ноября 1917 г. и в последующих нотах, адресованных различным правительствам, оно прежде всего апеллировало ко всем воюющим странам, предлагая немедленно прекратить военные действия и заключить

общий, справедливый, демократический мир без аннексий и контрибуций. Советское правительство считало, что такая форма ликвидации войны является наиболее желательной, наиболее соответствующей интересам рабочего класса и всего человечества.

Известно, что инициатива Советского правительства пала тогда на каменистую почву. Ни Германия и Австро-Венгрия, ни Англия, Франция и США не откликнулись на призыв Советского государства. Скованные в смертельной схватке, они продолжали войну еще свыше года.

Как в этой ситуации поступило Советское правительство? Как поступил Ленин?

Советское правительство не пошло ни по пути «революционной войны», на который его толкали так называемые «левые коммунисты», ни по пути «ни мира — ни войны», который ему рекомендовал Троцкий. Советское правительство избрало иной путь Ход рассуждений был такой: если по причинам, от него не зависящим, сейчас нельзя добиться всеобщего демократического мира, что было бы, конечно, самым лучшим, то надо по крайней мере позаботиться о скорейшем выходе из войны собственной страны. Это исключительно важно для спасения революции и для сохранения отечества социализма Если «передышку» нельзя получить через заключение общего мира, надо получить ее хотя бы через сепаратный мир с Германией. Да, конечно, Германия — агрессивно империалистическая держава, но что из того? Советская Россия существует не в вакууме, а в конкретном окружении враждебного ей капиталистического мира. Поскольку общий демократический мир вопреки воле Советского правительства в данный момент неосуществим, надо добиться хотя бы временной «передышки» через соглашение с германским империализмом (разумеется, при непременном условии его невмешательства во внутренние дела Советской России).

И Ленин сделал решительный шаг, который тогда кое-кому казался отступлением от принципов Октябрьской революции, но который на самом деле являлся гениальным маневрированием именно во славу этих принципов.

Отсюда вытек Брестский мир — мир очень тяжелый, мир с аннексиями и контрибуциями за счет Советской страны, мир плохой, мир «похабный», как называл его Ленин. Однако этот мир дал Советской республике то, что ей тогда больше всего было нужно, дал «передышку», которая, как показало дальнейшее, была необходимой предпосылкой мощного развития СССР в последующие десятилетия. История полностью оправдала

действия Ленина в те трудные дни. Ленин показал себя тут как величайший мастер революционного дела, который не жертвует его существом ради революционной фразы [64].

В 1939 году, 22 года спустя после Бреста, Советское правительство снова стояло перед важным и трудным вопросом Конечно, за прошедшее с тех пор время многое в мире изменилось, и прежде всего в огромной степени возросло могущество Советского Союза. Но все-таки в ситуации 1939 года было немало элементов, сходных с теми, которые доминировали в 1917 году.

В 1939 году Советскому Союзу опять угрожала большая опасность — опасность агрессии со стороны фашистских держав, главным образом со стороны Германии и Японии, больше того — опасность создания единого капиталистического фронта против Советского государства, ибо, как ярко показала история тройных переговоров, Чемберлен и Даладье могли в любую минуту перекинуться на сторону фашистских держав и в той или иной форме поддержать их нападение на СССР. Надо было во что бы то ни стало парировать эту опасность, но как?

Наилучшим выходом, к которому всеми силами и средствами стремилось тогда Советское правительство, было бы создание могущественной оборонительной коалиции из держав, не заинтересованных в развязывании второй мировой войны. Конкретно речь шла в первую очередь о тройственном пакте взаимопомощи между Англией, Францией и СССР. На предыдущих страницах достаточно убедительно показано, что Советское правительство первоначально стало именно на этот путь: именно оно предложило Англии и Франции заключение тройственного пакта взаимопомощи, именно оно в течение целых четырех месяцев упорно вело переговоры о таком пакте с Лондоном и Парижем, проявив при этом почти ангельское долготерпение.

Однако в силу последовательного саботажа Чемберлена и Даладье, ставивших ставку на развязывание германо-советской войны, о чем уже неоднократно говорилось раньше, в августе 1939 года тройные переговоры окончательно зашли в тупик, и спор о пропуске советских войск через территорию Польши и Румынии явился лишь последним и решающим звеном в длинной цепи предшествующих разочарований. Теперь стало совершенно ясно, что тройственный пакт для борьбы с агрессорами неосуществим, и притом не по нашей вине В самом деле, если бы мы даже допустили, что такой пакт будет в конце концов подписан, то прежде всего возникал вопрос: сколько еще времени понадобится для достижения подобного результата? И не придет

ли он слишком поздно, для того чтобы остановить поднятую руку агрессоров? Ведь почва Европы уже горела под ногами А дальше вставал еще более важный вопрос: как будут соблюдать подписанный пакт Англия и Франция? Перед нашими глазами только что прошли горестные примеры Австрии, Чехословакии, Испании. Англия и Франция просто предали эти страны. Где гарантия, что они будут вести себя лучше при выполнении своих обязательств в отношении СССР? Не гораздо ли вероятнее, что Чемберлен и Даладье в критический момент под тем или иным предлогом повернутся к нам спиной? Вся основательность этих сомнений была подтверждена три недели спустя, когда Германия напала на Польшу.

Нет, на эффективный тройственный пакт теперь, в августе 1939 года, не приходилось рассчитывать! Стоило ли в таком случае продолжать тройные переговоры? Стоило ли поддерживать в массах иллюзии на возможность оборонительного союза Англии, Франции и СССР против фашистских агрессоров? Конечно, не стоило.

Надо было думать о чем-то другом. И тут гениальное маневрирование Ленина в дни Бреста давало ответ на вопрос, что следует делать.

В случае прекращения переговоров с Англией и Францией перед Советским правительством вырисовывались две возможные перспективы: политика изоляции или соглашение с Германией, Однако политика изоляции в тогдашней обстановке, когда на наших дальневосточных границах уже стреляли пушки (Хасан и Халхин-Гол!), когда Чемберлен и Даладье прилагали величайшие усилия для того, чтобы толкнуть Германию на СССР, когда в самой Германии шли колебания, в какую сторону направить первый удар, — в такой обстановке политика изоляции была крайне опасна, и Советское правительство с полным основанием отбросило ее. Оставался один выход — соглашение с Германией. Возможен ли он был? Да, возможен, ибо с самого начала тройных переговоров Берлин сильно нервничал и внимательно следил за всеми их перипетиями.

Как выше уже было указано, политики и историки на западе создали легенду, будто бы весной и летом 1939 года СССР вел двойную игру. Так, например, Даладье в апреле 1946 года писал: «С мая (1939 г. —Я. М.) СССР вел двойные переговоры: одни — с Францией, другие — с Германией» [65]. Черчилль менее определенен, но и он в своих военных мемуарах замечает: «Невозможно установить момент, когда Сталин окончательно отказался от всякого намерения действовать совместно с западными демократиями и решил договориться с Гитлером»[66].

Отсюда следует, что Черчилль тоже допускает возможность двойной игры со стороны Советского правительства.

Для доказательства наличия такой двойной игры американское правительство опубликовало в 1948 году специальный том о советско-германских отношениях 1939-1941 годов, который содержит крайне тенденциозную подборку документов германского министерства иностранных дел, захваченных западными державами по окончании второй мировой войны в качестве трофеев[67].

После всего, что было сказано выше, едва ли нужно доказывать, что все такие утверждения являются клеветой и злостным измышлением. Однако представляет интерес несколько внимательнее подойти к только что названному сборнику и посмотреть, о чем же говорят содержащиеся в нем документы? При этом надо иметь в виду две вещи:

Составители сборника несомненно стремились подобрать наиболее выгодные для них и, стало быть, наиболее невыгодные для СССР материалы.

Находящиеся в сборнике документы: переписка между германским министерством иностранных дел и его посольством в Москве, записи разговоров германских дипломатов с советскими, рассуждения о внешней политике СССР и т. д. — все это является лишь отражением взглядов одной стороны — немецкой Естественно, что названные материалы проникнуты антисоветской тенденцией, а иногда являются и просто выгодной для Германии фальсификацией истины Если лорд Галифакс, как было показано выше, мог совершенно извратить в своей записи сущность моего разговора с ним 12 июня 1939 г., то почему мы должны проявлять большее доверие к документам германских дипломатов?

Таким образом, сборник, о котором идет речь, включает в себя квинтэссенцию того, что может быть сказано против Советского Союза. На его страницах во всяком случае нельзя найти никаких послаблений, никаких скидок в пользу СССР. Тем любопытнее ознакомиться с документами, которые имеются в этом «обвинительном акте» против Советского правительства. Что же они говорят?

Весь сборник разбит на восемь разделов, из которых для нашей цели представляет интерес только первый. Он почти целиком охватывает период тройных переговоров (от 17 апреля до 14 августа 1939 г.). В первом разделе приведено 32 документа, весьма неравномерно распределяющихся по месяцам: в апреле—1, в мае —12, в июне —7, в июле —5, в августе (до 14 августа) —7 Однако гораздо важнее хронологического распределения

содержание опубликованных документов.

В апреле, мае и июне приводимые документы в основном касаются экономических вопросов текущего порядка. Вопросы политические также иногда затрагиваются, но лишь изредка и попутно, нося характер ни к чему не обязывающего взаимного зондажа. Обычно речь идет о возможности улучшения отношений между СССР и Германией, которые в то время отличались большой напряженностью. Такие разговоры являются повседневной рутиной между дипломатическими представителями любых двух стран, отношения между которыми оставляют желать лучшего. Ничего «зловещего», направленного против интересов Англии и Франции, в советско-германских разговорах указанного периода нет. Ни о каком двуличии советской политики говорить не приходится. Приведу некоторые конкретные детали.

К апрелю, как только что было упомянуто, относится лишь один документ. Он является записью переговоров между германскими и советскими представителями в Берлине о статусе советского торгпредства в Праге и о выполнении советских заказов на заводах Шкода, сделанных там еще до захвата Чехословакии Германией. Вопрос этот, как видим, относился к области текущих экономических отношений между двумя странами и не имел никакого заострения против западных держав.

5 мая видный представитель германского министерства иностранных дел Шнурре, занимавшийся главным образом экономическими вопросами, пригласил к себе советского поверенного в делах в Берлине Астахова и сообщил ему, что заводам Шкода предписано выполнить советские заказы. Астахов, естественно, выразил удовлетворение по поводу этого сообщения и поинтересовался, не будут ли в ближайшем будущем возобновлены прерванные в феврале 1939 года советско-германские переговоры (также по вопросам экономическим), на что Шнурре дал уклончивый ответ. Далее Шнурре в своей записи этого разговора говорит:

> «Астахов коснулся отставки Литвинова (которая произошла за два дня перед тем. —И. М) и, не спрашивая прямо, пытался выяснить, не приведет ли это событие к изменению нашей позиции в отношении Советского Союза» [68].

Если Шнурре правильно передает то, что говорил в данной связи Астахов (в чем, конечно, никак нельзя быть уверенным), то надо полагать, что он хотел произвести известный зондаж:

отставки Литвинова тогда истолковывалась на Западе как переход СССР от сотрудничества с Англией и Францией к политике изоляции или даже к сотрудничеству с Германией Галифакс 6 мая (об этом я уже упоминал) поставил мне прямо в лоб вопрос, как надо понимать освобождение Литвинова от обязанностей наркома иностранных дел и остаются ли в силе сделанные нами 17 апреля предложения о тройственном пакте взаимопомощи. Советскому правительству могла быть полезна информация о том, как реагируют правящие круги Германии на происшедшие в Москве перемены. Но весьма вероятно, что на самом деле вопрос об эффекте отставки Литвинова на германо-советские отношения поставил сам Шнурре и только в своей записи разговора изобразил дело так, будто бы данный вопрос исходил от Астахова (подобные трюки встречаются в практике буржуазной дипломатии), ибо, когда четыре дня спустя, 9 мая, тот же Астахов представлял работнику германского министерства иностранных дел Брауну фон Штумму вновь прибывшего корреспондента ТАСС Филиппова, то в ответ на вопрос Штумма, какое влияние на советскую внешнюю политику произведет смена, происшедшая на посту наркома иностранных дел, Астахов сказал, что Литвинов проводил не свою собственную политику, а политику, «вытекающую из общих принципов Советского государства»[69]. Какая бы версия названного разговора ни была правильной, во всяком случае не подлежит никакому сомнению, что зондаж об эффекте отставки Литвинова отнюдь не означал чего-либо, имеющего хотя бы отдаленное сходство с переговорами о соглашении с Германией.

17 мая Астахов опять посетил уже известного нам Шнурре и вел с ним переговоры о статусе советского торгпредства в Праге. Затем Шнурре в своем отчете пишет:

> «Во время разговора, который далее последовал, Астахов опять подробно коснулся развития германо-советских отношений».

Из формулировки Шнурре неясно, кто был инициатором разговора на данную тему, но, если им был Астахов, то, даже по записи Шнурре, все, что он по этому поводу сказал, было проникнуто большим недоверием к Германии Астахов выразил удовлетворение в связи с известной сдержанностью в отношении СССР, проявленной германской прессой за предшествующие недели, но тут же прибавил, что «Советы пока еще не могут решить, не является ли такая сдержанность временным перерывом, преследующим тактические цели» [70]. Астахов указывал на пример итало-советских отношений, как прообраз

того, что возможно и в отношениях между СССР и Германией.

Во всех разговорах советских представителей в Берлине с германскими дипломатами не было решительно ничего такого, что выходило бы за рамки естественной повседневной заботы об улучшении отношений между двумя странами, находящимися в состоянии большой напряженности Никаких признаков какого-либо злокозненного «заговора» против Англии и Франции в них нельзя открыть даже под микроскопом.

20 мая произошло гораздо более важное событие: в этот день германский посол в Москве Шуленбург посетил наркома иностранных дел СССР и сделал попытку возобновить прерванные в феврале германо-советские торговые переговоры. Это было явным авансом, который Германия делала по адресу СССР. Что же он получил в ответ? Советский нарком не только не выразил по этому поводу каких-либо восторгов, но, напротив, довольно резко заявил, что вся история предшествующих переговоров между двумя странами по вопросам торговли производит на Советское правительство впечатление несерьезной игры со стороны Германии, игры, имеющей, очевидно, какие-то политические цели. Отсюда нарком делал тот естественный вывод, что, прежде чем возобновлять эти переговоры, следует создать для них необходимую «политическую базу», то есть ул5у1чшить политические отношения между обеими странами[71].

Донесение Шуленбурга об этом разговоре подействовало очень обескураживающе на Берлин, и 21 мая статс-секретарь Вейцзекер телеграфирует германскому послу в Москве:

> «На основе результатов вашей дискуссии с Молотовым мы должны сделать вывод: нам следует молча сидеть и выжидать, не обнаружат ли русские желания говорить более ясно» [72].

Такова подлинная картина германо-советских отношений в мае 1939 года, как это явствует даже из тенденциозно подобранных документов германского министерства иностранных дел по заказу наших недругов в США. А Даладье осмеливается голословно утверждать, будто бы СССР «с мая вел двойные переговоры: одни — с Францией, другие — с Германией».

Однако тройные переговоры сильно беспокоили гитлеровскую Германию, и «молчаливого сидения» хватило ненадолго. 27 мая Вейцзекер пишет Шуленбургу: «Мы здесь (т. е. в Берлине. —И.М.) того мнения, что англорусскую комбинацию будет нелегко предупредить» [73], а 30 мая по специальному указанию Гитлера он приглашает к себе Астахова и, заявив, что статус советского торг-представа в Праге затрагивает большие

принципиальные проблемы, ставит перед ним во весь рост вопрос о политических отношениях между Германией и СССР. Вейцзекер развивает при этом такую концепцию: в Берлине не любят коммунизм и покончили с ним внутри страны, в Берлине не ожидают, что в Москве любят национал-социализм, однако идеологические различия не должны мешать поддержанию между обеими странами нормальных деловых отношений.

Это был новый германский аванс по адресу СССР, но Астахов реагировал на него очень осторожно. Из записи Вейцзекера видно, что он напомнил своему собеседнику о недоверии к гитлеровской Германии, укоренившемся в Москве, но, конечно, согласился со взглядом Вейцзекера, что, несмотря на идеологические различия, обе страны вполне могут нормализовать свои отношения. Таково ведь было одно из основных положений советской внешней политики вообще.

Еще важнее было то, что Москва никак не реагировала на новый акт германской дипломатической оффензивы. В течение июня между Германией и СССР шли очень оживленные переговоры по торговым делам, но к концу месяца они прекратились ввиду невозможности урегулировать имеющиеся между сторонами разногласия. СССР признавал немецкую позицию недостаточно благоприятной для себя.

Несмотря на эту неудачу, несмотря на то, что Советское правительство промолчало в ответ на беседу Вейцзекера с Астаховым 30 мая, Шуленбург 28 июня посетил советского наркома иностранных дел и вновь от имени своего правительства официально заявил, что Германия желает нормализации отношений между обеими странами. Шуленбург при этом указал на ряд фактов (заключение Германией пактов о ненападении с прибалтийскими странами, изменение тона германской печати в отношении СССР и т. д.), которые, по его мнению, свидетельствовали о готовности Берлина пойти навстречу Советскому Союзу.

Это шло по линии советских желаний и означало благоприятный для нас сдвиг в германской политике, однако советский нарком и тут не проявил никаких особых восторгов, а, судя по собственной записи Шуленбурга, спокойно ответил, что он принимает слова Шуленбурга «с удовлетворением и считает необходимым подчеркнуть, что внешняя политика СССР в соответствии с заявлениями его руководителей стремится поддерживать добрые отношения со всеми странами и что это относится также к Германии, разумеется при условии взаимности»[74].

Затем проходит целый месяц, злосчастный месяц июль, когда

англичане и французы упорно саботировали единство пакта и военной конвенции, но цитируемый сборник не дает ни одного документа, свидетельствующего о прогрессирующем сближении между СССР и Германией в политической области. Несмотря на этот саботаж, несмотря на возрастающие сомнения Советского правительства в возможности заключить тройственный пакт, оно твердо продолжает переговоры с Англией и Францией, воздерживаясь от каких-либо авансов в сторону Германии.

Совсем иначе ведет себя Берлин. Тройные переговоры, и в частности соглашение о посылке английской и французской военных миссий в Москву, вызывают все возрастающую тревогу в кругах гитлеровского правительства. Оно лихорадочно обсуждает и пытается пустить в ход различные меры, способные, по его мнению, сорвать или по крайней мере оттянуть подписание тройственного пакта. Во второй половине июля возобновляются прерванные тремя неделями раньше торговые переговоры между Германией и СССР, и на этот раз немецкая сторона охотно идет навстречу советским пожеланиям.

26 июля уже известный нам Шнурре, по прямому указанию свыше, устраивает в Берлине обед для Астахова и советского торгпреда в Германии Бабарина. На этом обеде Шнурре усердно доказывает, что между Германией и СССР вполне возможны хорошие отношения, и даже конкретно намечает последовательные стадии их улучшения. Шнурре утверждает далее, что Германия готова пойти на далеко идущее соглашение с СССР по всем проблемам «от Балтийского моря до Черного».

Что же отвечают на это советские гости Шнурре? Цитирую собственную запись Шнурре

> «Астахов, полностью поддерживаемый Бабариным, находил намеченный (Шнурре — И.М.) путь к сближению с Германией соответствующим жизненным интересам обеих стран. Однако он подчеркивал, что темп развития при этом, вероятно, должен быть очень медленный и постепенный. Национал-социалистская внешняя политика угрожает Советскому Союзу. Астахов упомянул «Ан — тикоминтерновский пакт», наши отношения с Японией, Мюнхен и полученную нами там свободу рук в Восточ — ной Европе. Политические последствия всего этого неизбежно обращаются против СССР. Москве нелегко поверить, что политика Германии в отношении Советского Союза приняла другой курс. Изменение в ее настроениях может произойти только постепенно» [75].

Как видим, советские представители в Берлине с большой осторожностью относятся к речам нацистской сирены и уж во всяком случае в своих высказываниях не выходят за рамки вполне законного стремления — содействовать улучшению отношений между двумя странами.

А вот любопытная оценка общей позиции Советского правительства в отношении германских авансов, которую находим в телеграмме Вейцзекера Шуленбургу от 29 июля:

> «Было бы важно выяснить, находят ли в Москве отклик заявления, сделанные Астахову и Бабарину (на обеде 28 июля. —И.М.). Если у вас будет случай вновь поговорить с Молотовым, прошу вас позондировать его в этом отношении… И если окажется, что Молотов отбросит свою сдержанность, которую он до сих пор проявлял, то вы можете сделать дальнейший шаг вперед (подчеркнуто мной. —И.М.)» [76].

Итак, по мнению германской стороны, Советское правительство в течение апреля — июля не откликалось на акты немецкой дипломатической оффензивы.

Неделю спустя со стороны Германии делается новый и очень важный шаг в сторону СССР. 3 августа, как раз в те дни, когда английская и французская военные миссии неторопливо собирались ехать в Москву, Риббентроп приглашает к себе Астахова и делает весьма важное заявление. Тот факт, что «сам» министр иностранных дел принимает у себя «поверенного в делах», на дипломатическом языке означает крайнюю срочность и важность этого демарша. Риббентроп заявляет, что возможна радикальная перестройка германо-советских отношений на базе двух основных условий: а) невмешательства во внутренние дела друг друга и б) отказа (СССР.—И.М.) от политики, направленной против германских интересов. Риббентроп заверяет Астахова в добром расположении германского правительства к «Москве» и при этом прибавляет, что если бы «Москва» пошла навстречу германскому правительству, то «не было бы проблемы от Балтийского моря до Черного, которая не могла бы быть урегулирована между ними».

Астахов, даже по записи Риббентропа, остается очень осторожен в своих ответах, никак не ангажируется и только заявляет, что, «как он думает, Советское правительство хочет проводить политику взаимопонимания с Германией». Это, конечно, не стоит в каком-либо противоречии с возможностью заключения тройственного пакта.

Сообщив о своем разговоре с Астаховым Шуленбургу,

Риббентроп для сведения самого посла прибавляет:

> «Поверенный в делах, который казался заинтересованным, несколько раз пытался свести разговор к более конкретным вопросам, но я дал ему понять, что буду готов стать более конкретным лишь в том случае, если Советское правительство официально заявит о том, что оно принципиально признает желательность нового характера отношений Если Астахов получит инструкции в этом духе, мы, со своей стороны, будем заинтересованы в скорейшем заключении окончательного соглашения».

На следующий день, 4 августа, Шуленбург, по предписанию Риббентропа, излагает советскому наркому иностранных дел все то, что накануне Риббентроп сказал Астахову. Как же советский нарком реагирует на слова германского посла?

Шуленбург сообщает в Берлин, что нарком заявил о положительном отношении Советского правительства к заключению экономического соглашения между обеими странами, высказал мнение, что пресса обеих сторон должна воздерживаться от выступлений, способных обострить отношения между ними, и признал желательность постепенного восстановления контактов по культурной линии. Далее Шуленбург пишет:

«Переходя к вопросу о политических отношениях, нарком сказал, что Советское правительство также желает нормализации и улучшения взаимных отношений. Н,е его вина, что отношения испортились Причину ухудшения он (нарком — И. М) видит прежде всего в заключении «Антикоминтерновского пакта» и во всем том, что в связи с этим говорилось и делалось».

Шуленбург затронул вопрос о Польше Он сказал, что Германия стремится урегулировать свои разногласия с Польшей мирным путем. Однако, если ее вынудят действовать иначе, она будет учитывать советские интересы Нарком ответил, что мирное урегулирование между Польшей и Германией прежде всего зависит от Германии. Как видно из дальнейшей записи Шуленбурга, этот ответ ему очень не понравился.

Германский посол не преминул коснуться тройных переговоров, на что советский нарком ответил, что они имеют в виду чисто оборонительные цели.

Комментируя вышеприведенный разговор, Шуленбург пишет в Берлин, что, судя по всему, «Советское правительство сейчас более склонно к улучшению советско-германских отношений, однако застарелое недоверие к Германии остается очень

сильным»[77].

Как видим, на протяжении весны и лета 1939 года Советское правительство соблюдало полную лояльность в отношении своих западных партнеров по переговорам. Не было никаких тайных сговоров с Германией, направленных против них. Не было с советской стороны никаких попыток за спиной Англии и Франции вступить в блок с Берлином и «предать» Лондон и Париж. Не было ничего хотя бы отдаленно напоминающего разговоры Хораса Вилсона с Вольтатом. Германо-советские отношения вплоть до августа носили характер обычных дипломатических отношений, окрашенных притом не в слишком «дружественные» цвета. И разговоры между представителями обоих правительств были обычными разговорами, какие ежедневно ведутся министрами и послами по различным текущим вопросам во всех концах земли. Об этом с несомненностью свидетельствуют те самые документы, которые собрали наши недруги в США для вящего опорочивания Советского правительства[78].

Только в августе, когда тройные переговоры благодаря англо-французскому саботажу зашли окончательно в тупик, когда полностью исчезла надежда на заключение эффективного пакта взаимопомощи между СССР, Англией и Францией, Советское правительство-вынуждено было произвести общее изменение своей политики — вещь вполне естественная и законная, если правительство находит, что не зависящие от его воли обстоятельства заставляют его сделать это. Таким образом, весной и летом 1939 года не было никакой двойной игры Советского правительства, в чем его обвиняют зарубежные недруги, а было ясное, твердое и вполне лояльное в отношении Англии и Франции стремление заключить с ними тройственный пакт против агрессоров. Если этого в конце концов не удалось достигнуть, то вина ложится во всяком случае не на СССР.

Однако даже и теперь Советское правительство не хотело сразу сжигать мосты. 3 августа Германия (именно Германия, а не Советский Союз) официально сделала Советскому правительству далеко идущие предложения, о радикальной перестройке отношений между обеими странами. Эта перестройка должна была сначала их нормализовать, а потом постепенно привести к тому, что на дипломатическом языке называется «дружбой». Такая перспектива вполне соответствовала миролюбивым стремлениям Советского правительства, и ее осуществление могло значительно укрепить безопасность Советской страны. Но «Москва» и тут не поддалась на соблазны, которые перед ней рисовал Берлин. «Москва» продолжала думать о тройственном пакте и хотела сделать еще одно, последнее, усилие для

реализации оптимального варианта борьбы с агрессией. Вопреки всем и всяческим сомнениям, порожденным предшествующей историей тройных переговоров, «Москва» все еще не теряла надежды, что, может быть, правительства Англии и Франции, хотя бы за пять минут до катастрофы, одумаются и станут на правильный путь.

Поэтому «Москва» ждала еще десять дней. Берлину тем временем не терпелось, и он старался как-либо подхлестнуть ход событий. Неделю спустя после разговора Риббентропа с Астаховым, 10 августа, Шнурре в беседе с Астаховым настаивает на скорейшем уточнении позиции СССР в отношении сделанных ему немецкой стороной предложений.

Но «Москва» и здесь продолжает воздерживаться от принятия окончательного решения, как делала это все время после беседы Риббентропа с Астаховым 3 августа. «Москва» ждала, пока английская и французская военные миссии плыли на товаро-пассажирском пароходе от Лондона до Ленинграда. Она ждала, пока шли первые совещания с военными миссиями в советской столице, но, когда в ходе этих совещаний встал вопрос о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии (центральный вопрос всего военного соглашения), когда выяснилось, что ни у английской и французской военных миссий, ни у английского и французского правительств нет ответа на этот вопрос, когда на посланные по данному поводу телеграммы Лондон и Париж реагируют лишь длительным молчанием, — советское долготерпение пришло к концу. Стало совершенно ясно, что Чемберлен и Даладье неисправимы и что с ними никакой коллективной безопасности для миролюбивых держав не создашь.

Наилучший метод борьбы с фашистской агрессией исключительно по вине Чемберлена и Даладье провалился. Настал момент, когда надо было переходить к единственно еще оставшемуся выходу.

Положение Советского правительства входе тройных переговоров можно было уподобить положению человека, которого все выше захлестывает морской прилив: вот вода дошла ему до колен, вот она дошла до пояса, потом до груди, потом до шеи… Еще мгновение, и вода скроет голову, если человек не сделает какого-либо быстрого, решительного скачка, который вынесет его на скалу, недоступную для прибоя.

В самом деле, опасность второй мировой войны придвигалась все ближе: в марте — апреле она только намечалась, в мае — июне она стала принимать более конкретные очертания, в июле ее грозное дыхание начало отравлять всю атмосферу Европы, а в

середине августа никто уже больше не сомневался, что спустя немного дней заговорят пушки и бомбы будут падать с самолетов.

Ждать больше было нельзя. Только теперь, в середине августа, Советское правительство вынуждено было окончательно решить, что же делать. Стоявшая раньше перед ним дилемма превратилась в горькую необходимость заключить соглашение с Германией. Пятимесячный саботаж тройных переговоров правительствами Англии и Франции, при поддержке США, не оставлял для СССР иного выхода.

Крах тройных переговоров и вынужденное соглашение с Германией

14 августа Шнурре телеграфировал Шуленбургу, что его посетил Астахов и сообщил о готовности Советского правительства к «дискуссии по отдельным группам вопросов» в области германо-советских отношений Советское правительство предлагало вести переговоры в Москве.

> В тот же день, 14 августа, сразу после сообщения Астахова, Риббентроп отправил Шуленбургу срочную директиву посетить советского наркома иностранных дел и от имени германского правительства заявить, что «нет противоречия интересов между Германией и СССР», что «отсутствуют всякие причины для агрессивного отношения одной стороны к другой» и что, по мнению германского правительства, «нет вопроса между Балтийским морем и Черным, который не мог бы быть разрешен к полному удовлетворению обеих стран»; Риббентроп подчеркивал возможность расширения германо-советских экономических отношений во всех направлениях. Риббентроп заявлял также, что «в целях скорейшего урегулирования германо-советских отношений он сам готов приехать в Москву, но при условии, что будет принят Сталиным»[79].

Итак, германское правительство еще раз проявило инициативу и сделало уже вполне официально решительный шаг. 15 августа Шуленбург выполнил полученное из Берлина поручение. Советский нарком, как передавал германский посол в Берлин, «приветствовал германские намерения по улучшению отношений с Советским Союзом», но высказал мнение, что визит Риббентропа в Москву «требует надлежащей подготовки», а также

поинтересовался, согласно ли германское правительство заключить с СССР пакт о ненападении, подписать сов: местную с СССР гарантию прибалтийских государств и повлиять на Японию в целях улучшения советско-японских отношений.

На следующий день, 16 августа, Риббентроп в телеграмме Шуленбургу просил его срочно передать советскому наркому, что Германия согласна заключить с СССР пакт о ненападении, гарантировать вместе с СССР прибалтийские государства и оказать влияние на Японию в смысле улучшения японо-советских отношений. Одновременно он настойчиво повторял о необходимости его приезда в Москву и сообщал, что готов предпринять такое путешествие в «любое время после пятницы, 18 августа».

18 августа Шуленбург довел все это до сведения Советского правительства и одновременно получил от последнего ответ на германские предложения 14 августа. Что же представлял собой этот ответ?

Он носил строго деловой характер, перечислял причины, которые до сих пор заставляли Советское правительство относиться подозрительно к намерениям Германии и принимать меры к укреплению обороны СССР, а также участвовать в создании объединенного фронта против агрессии.

В ответе Советского правительства далее говорилось, что, если германское правительство искренне намеревается улучшить свои политические отношения с СССР, Советское правительство может лишь приветствовать такое изменение и, со своей стороны, готово изменить советскую политику в направлении серьезного улучшения отношений с Германией.

Ответ заявлял, что считает улучшение советско-германских отношений вполне возможным, ибо принцип мирного сосуществования бок о бок различных политических систем представляет давно установившийся принцип внешней политики СССР.

Переходя, наконец, к области практических мероприятий, ответ предлагал прежде всего заключить торгово-финансовое соглашение, а затем через короткий промежуток времени подписать пакт о ненападении. Что касается приезда в Москву германского министра иностранных дел, то ответ заявлял, что Советское правительство приветствует его, как свидетельство серьезности намерений германского правительства, но полагает, что такой приезд требует хорошей предварительной подготовки и что он должен быть осуществлен с минимумом публичного шума и газетной сенсации.

Как видим, Советское правительство, вынужденное

Чемберленом и Даладье к изменению своего внешнеполитического курса, подходило к неизбежному повороту спокойно, трезво, хладнокровно, без всякой излишней поспешности. Напротив, германское правительство крайне нервничало и торопилось. В телеграмме Шуленбургу от 18 августа Риббентроп давал своему послу такие указания:

> «На этот раз ведите разговор (с советским наркомом иностранных дел.—И.М.)… решительно настаивая… на срочнейшей реализации моей поездки (в Москву.—И.М.) и в соответственной форме отводя какие-либо новые возражения со стороны русских».

Шуленбург исполнил приказ своего министра, но 19 августа должен был сообщить Риббентропу, что Советское правительство соглашается на приезд Риббентропа лишь через неделю после опубликования сообщения о подписании торгово-финансового соглашения.

Теперь Германия пустила в ход свое самое тяжелое орудие. 20 августа Гитлер обратился с посланием к Сталину Он сообщал в нем, что накануне подписано торгово-финансовое соглашение[80], и настойчиво просит принять Риббентропа в Москве не позже 22–23 августа[81].

Для Советского правительства настал час важного решения. До сих пор происходил лишь обмен мнениями между Москвой и Берлином, взаимный зондаж, ознакомление с настроениями друг друга, теперь на очередь встал вопрос о заключении самого пакта о ненападении. Приходилось еще раз оценить ситуацию, сложившуюся в области тройных переговоров. Здесь все было по-прежнему очень мрачно. 16 августа К. Е. Ворошилов в ответ на предложение генерала Думенка приступить к составлению проекта военной конвенции категорически заявил:

> «…Еще не наступил момент для редактирования какого-либо документа. Мы не разрешили кардинального, вопроса для советской стороны, а именно — вопроса о пропуске вооруженных сил Советского Союза на территорию Польши и Румынии для совместных действий вооруженных сил договаривающихся сторон против общего противника»[82].

Запрос военных миссий в Лондон и Париж относительно пропуска советских войск через Польшу и Румынию был сделан 14 августа. Наступило 21 августа. Прошло семь дней, а от

британского и французского правительств не было никакого ответа. В лихорадочной атмосфере момента это длительное молчание само по себе уже было ответом. Одновременно из Варшавы доходили самые обескураживающие сведения: «правительство полковников» ни за что не хотело разрешить проход советских войск через свою территорию.

В такой обстановке Советскому правительству не оставалось ничего больше, как сделать последний, решительный шаг.

В тот самый день, 21 августа, когда было констатировано, что Лондон и Париж уже целую неделю не отвечают на запрос военных миссий о пропуске советских войск через Польшу и Румынию и когда вследствие этого К. Е. Ворошилов сделал предложение о перерыве заседаний военных миссий, И. В. Сталин дал ответ на послание Гитлера: он выражал надежду, что германо-советский пакт о ненападении явится поворотом к лучшему в политических отношениях между обеими странами, и соглашался на приезд Риббентропа в Москву 23 августа.

Как свидетельствуют документы, опубликованные британским правительством после войны, этот шаг Советского правительства был более чем обоснован, ибо из названных документов вытекает, что Лондон даже и не собирался давать ответ на запрос своей военной миссии о пропуске советских войск через Польшу и Румынию. Саботаж переговоров о тройственном пакте даже на этой стадии продолжался.

В назначенный день Риббентроп в сопровождении соответствующей свиты прилетел в Москву В столице СССР он имел две встречи со Сталиным. К концу того же дня СССР и Германией был подписан пакт о ненападении на десять лет. В силу он вступал немедленно по подписании, хотя в дальнейшем предусматривалась его ратификация. Содержание пакта мало отличалось от аналогичных пактов, которые СССР заключал в предшествующие годы со многими другими державами. Это была традиционная политика Советского Союза, стремившегося проводить на практике ленинский принцип мирного сосуществования. Обе стороны обязывались воздерживаться от всякой агрессии друг против друга (ст. 1), разрешать возникающие между ними споры только мирными средствами (ст. 5), не участвовать в каких-либо враждебных другой стороне группировках (ст. 4) и не поддерживать третью державу, если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны этой третьей державы (ст. 2). Статья 3 предусматривала, что Германия и СССР «останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы»[83].

Обращаю внимание на подчеркнутые мной слова «консультация» и «информировать». Они, как и все вообще содержание пакта, с несомненностью свидетельствуют, что документ, подписанный 23 августа 1939 г., был только пактом о ненападении. Он ни в какой мере не был чем-то вроде военного союза между двумя странами, как это неоднократно старались изобразить западные политики и журналисты; он не обязывал СССР оказывать какую-либо помощь Германии. Подписывая пакт, Советское правительство не предавалось никаким иллюзиям и полагало, что рано или поздно Гитлер нарушит содержащиеся в пакте обязательства, однако оно считало, что пакт даст СССР известную отсрочку, которая откроет перед ним возможность лучше подготовиться к будущей войне. Как известно, эта отсрочка обеспечила Советской стране еще почти два года мира.

Но Советскому правительству удалось добиться не только отсрочки. Оно получило также от германского правительства заверение, что военные действия не будут переноситься в Прибалтику. В той ситуации, которая создалась вследствие саботажа, с одной стороны, Чемберлена и Даладье, а с другой — «правительства полковников» в Варшаве, Советское правительство было не в состоянии оказать помощь Польше, столь категорически отвергнутую «полковниками». Единственно, что еще можно было сделать, это спасти от германского нашествия Западную Украину и Западную Белоруссию. Так советское правительство и поступило.

В конечном итоге СССР получал от соглашения с Германией следующие плюсы.

Во-первых, была предотвращена возможность создания единого капиталистического фронта против Советской страны; более того, были созданы предпосылки для образования впоследствии антигитлеровской коалиции, о чем западные державы в тот момент и не помышляли.

Единственное, о чем помышляли тогда Чемберлен и Даладье, это во что бы то ни стало толкнуть гитлеровскую Германию на войну с Советским Союзом.

Пакт о ненападении сделал невозможным развязать вторую мировую войну нападением на Советский Союз.

Заключение пакта означало полный крах этой позорной мюнхенской стратегии.

Этот факт несомненно сыграл важную роль в судьбах Советской страны, больше того, в судьбах всего человечества.

Во-вторых, благодаря договору с Германией отпадала угроза нападения на СССР со стороны Японии, союзника Германии по антисоветскому блоку. Не будь пакта о ненападении с Германией,

Советский Союз мог оказаться в трудном положении, когда ему пришлось бы вести войну на два фронта, так как в тот момент нападение Германии на СССР с запада означало бы нападение Японии с востока. Именно в августе 1939 года бои у реки Халхин-Гол достигли наивысшего напряжения и правительство Хиранума упорно отказывалось мирно урегулировать конфликт. Напротив, оно стягивало войска к советской границе, ожидая выступления Германии. Едва, однако, германо-советский пакт о ненападении был подписан (23 августа), правительство Хиранума пало (28 августа), а пришедшее ему на смену правительство Абэ поспешило согласиться на мирное урегулирование военного конфликта. Таким образом, немедленным следствием подписания договора с Германией была ликвидация разгоравшегося военного костра на дальневосточных границах СССР.

Конечно, Советскому правительству приходилось учитывать, что его соглашение с Германией может быть использовано (и действительно было использовано) для раздувания антисоветских чувств в «демократических странах»; что в зарубежном мире найдутся люди, даже не враждебные СССР, которые не поймут правильно его действий (так оно на самом деле и случилось). И все-таки, взвесив все плюсы и минусы, Советское правительство пришло к выводу, что плюсы, безусловно, перевешивают минусы. В результате соглашение с Германией было заключено. То был единственный выход, навязанный нам глупо преступной политикой Чемберлена и Даладье.

Есть еще одно обвинение, которое любят выдвигать против СССР его недруги за рубежом: «Соглашением с Германией, — говорят они, — вы развязали вторую мировую войну». Жалкие и слепые клеветники! Как видно из всего предыдущего изложения, действительная ответственность за развязывание второй мировой войны лежит, с одной стороны, на Гитлере, а с другой — на Чемберлене и Даладье (я беру эти имена как символические). Да, да, тяжелая ответственность за все бедствия, которые принесла вторая мировая война, ложится на те политические группировки, которые во второй половине 30-х годов стояли у власти в Англии и Франции; на те группировки, которые в близоруком классовом ослеплении проводили политику «умиротворения» агрессоров и надеялись на развязывание взаимоистребительной войны между Германией и СССР. Именно эти группировки ставили Советской стране капкан, в который, однако, они сами попались, ибо первый удар гитлеровской агрессии во второй мировой войне обрушился не на Москву, а на Лондон и Париж. Так получилось потому, что советская дипломатия оказалась умнее англо-французской.

Но за это нам нет оснований извиняться.

* * *

Чтобы завершить мое повествование, я должен еще вкратце рассказать о жалкой концовке злосчастных тройных переговоров 1939 года.

22 августа, на другой день после окончательного решения Советского правительства пойти на соглашение с Германией, генерал Думенк получил из Парижа срочное сообщение: французское правительство считает, что с момента возникновения войны между Польшей и Германией советским войскам должно быть предоставлено право вступления на польскую территорию. Французское правительство считает… А что считает по этому поводу польское правительство? Париж хранил по столь важному вопросу полное молчание. Из Варшавы же продолжали доходить крайне неблагоприятные вести.

Теперь из документов, опубликованных английским правительством, мы знаем, что Сиидс, ссылаясь на инструкции, полученные генералом Думенком 22 августа, запросил Лондон: «Вы согласны?». Но Лондон ничего не ответил на запрос своего московского посла. На телеграмме же Сиидса рукой Стренга (в начале августа вернувшегося домой) было начертано: «Нельзя было послать ответ на эту телеграмму, так как не было принято никакого решения»[84]. Вот до какой степени доходил саботаж британского правительства!

Тогда мы не знали всех этих подробностей, но мы знали основной факт, а именно, что Лондон не хочет дать ответ по кардинальному вопросу военных переговоров. Это значило очень многое. В такой обстановке глава советской делегации 21 августа собрал все три военные делегации и, как уже упоминалось выше, предложил прервать заседания[85]. Это была просто дипломатическая форма для того, чтобы сказать: тройные переговоры потерпели крах.

Военные миссии Англии и Франции, а также Сиидс и Наджиар прекрасно поняли смысл заявления советской делегации. И хотя в течение последующих трех-четырех дней главы миссий и послы Англии и Франции еще виделись и разговаривали с советскими наркомами обороны и иностранных дел, но изменить положение это уже не могло. Миссиям больше ничего не оставалось, как поскорее отправиться восвояси.

В интервью, опубликованном в советской печати 27 августа 1939 г., глава советской военной делегации следующим образом охарактеризовал причины провала военных переговоров:

«Советская военная миссия считала, что СССР, не

имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора…

Несмотря на всю очевидность правильности такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждается и не примет военной помощи от СССР…

В этом основа разногласий. На этом и прервались переговоры».

Отвечая далее на вопрос журналиста, верно ли сообщение агентства Рейтер, будто бы Советское правительство прекратило тройные переговоры ввиду заключения им соглашения с Германией, глава советской делегации сказал:

«Не потому прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате, между прочим, того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий».[86]

Здесь были поставлены все точки над «и».

Заключение

Из всего того, что было рассказано на предыдущих страницах, вытекает целый ряд выводов, важнейшие из которых сводятся к следующему:

В предвоенные годы, которые охватывают эти воспоминания (1932–1939 гг.), Советский Союз искренне и настойчиво стремился к наилучшим отношениям с Англией. Это диктовалось, с одной стороны, его общей политикой мира и мирного сосуществования с государствами иных, чем СССР, систем, а с другой — конкретным политическим расчетом Советского правительства создать вместе с Англией и Францией прочный барьер против агрессии фашистских держав — Германии и Италии в Европе.

К сожалению, однако, добрые стремления Советского Союза не встретили сочувственного отклика в Англии. Правда, в стране

имелось немало элементов (рабочие, значительные группы интеллигенции, более дальновидные представители буржуазии), сочувствовавших созданию тройственного барьера против фашистской агрессий, которая угрожала также Англии и ее мировым позициям, но государственную власть в описываемый период прочно удерживали в своих руках наиболее реакционные слои буржуазии, ослепленные классовой ненавистью к СССР, как стране социализма. Руководящим политическим центром этих наиболее реакционных слоев являлась так называемая «кливденская клика», собиравшаяся в салоне леди Астор, а их общепризнанным вождем был Невиль Чемберлен. «Кливденская клика» из-за крайней враждебности к Советскому Союзу была решительно против создания тройственного барьера для зашиты британских позиций от фашистских агрессоров и напала, как ей казалось, на «счастливую» идею — столкнуть Германию и СССР и, когда обе эти державы истекут кровью в тяжелой войне, продиктовать Европе такой мир, который был бы выгоден Великобритании. Постепенно набирая силу, эта глупая и преступная концепция достигла своего апогея после 1937 года, когда премьер — министром Англии стал Невиль Чемберлен, а министром иностранных дел — лорд Галифакс Из названной концепции, вдохновлявшей «кливденскую клику», вытекла политика «умиротворения» агрессоров, в первую очередь Гитлера, и ради успеха такой политики (успеха, который так и не был достигнут) Англия и Франция, при поддержке определенных кругов США, в 1938–1939 годах пожертвовали Австрией, Испанией, Чехословакией.

Несмотря на столь неблагоприятные условия, Советский Союз все-таки продолжал свои усилия по укреплению отношений с Англией, а в 1939 году — по созданию барьера против Германии и Италии в форме тройственного пакта взаимопомощи, усматривая в нем наилучшую гарантию против фашистской агрессии. Фактически именно СССР выступил с инициативой такого лакта. «Кливденская клика», относившаяся к подобным планам резко отрицательно, под давлением широких кругов британской общественности и некоторых иностранных государств, особенно опасавшихся Гитлера и Муссолини, вынуждена была маневрировать и время от времени делать вид, будто она готова стать на путь создания тройственного барьера против агрессоров. Такое маневрирование приняло наиболее широкий характер в 1939 году, после того как Гитлер изорвал в клочки мюнхенское соглашение Отсюда вытекло предоставление Польше, Румынии и Греции в марте — апреле 1939 года односторонних гарантий со стороны Англии (и Франции) на

случай нападения на них фашистских государств. Отсюда же вытекла и необходимость для правительства Чемберлена (а также правительства Даладье) принять участие в тройных переговорах о заключении пакта взаимопомощи с СССР. Но то были переговоры, предпринятые против воли, из-под палки, ради обмана масс, и поэтому они фактически свелись к чигтому саботажу переговоров, примеры которого в изобилии приведены на предыдущих страницах. Главной заботой Чемберлена (и Даладье) было не стремление возможно скорее заключить тройственный пакт, а поиски путей к тому, чтобы избежать его заключения. Неизбежным следствием такой линии поведения британского (и французского) правительства явилось то, что в августе 1939 года тройные переговоры окончательно зашли в тупик. Стало совершенно ясно, что создание действительно эффективного тройственного барьера против фашис?ских агрессоров благодаря саботажу Чемберлена и Даладье (и только благодаря ему!) оказывается невозможным.

Поскольку наилучшая форма борьбы с агрессией фашистских держав вопреки нашей воле оказалась неосуществимой, Советскому Союзу пришлось подумать о других путях для обеспечения (хотя бы временного и непрочного) своей безопасности. Великий Ленин в первые месяцы после Октябрьской революции дал гениальный образчик маневрирования на международной арене. Стремясь обеспечить только что родившейся Советской России «передышку», в чем она тогда больше всего нуждалась, Ленин сначала предложил всем воюющим державам заключение общего демократического мира без аннексий и контрибуций. Это Ленин считал наиболее желательным способом получения Советской страной «передышки», которая могла превратиться даже в длительный период мира. Однако когда выяснилось, что призыв Советского правительства пал на каменистую почву, Ленин решил заключить сепаратный мир с германской коалицией. Это был, как называл его Ленин, «похабный» мир, крайне невыгодный для Советской России, но он давал ей все-таки временную «передышку» и, как показали дальнейшие события, оказался исторически полностью оправданным. Памятуя об этом замечательном политическом примере, Советское правительство в 1939 году решило «последовать ему. Конечно, обстановка и условия теперь были несколько иные, чем за 22 года перед тем (и прежде всего с тех пор в огромной степени выросло могущество Советской страны), но все-таки в мировой ситуации 1939 года было немало элементов, роднивших ее с ситуацией 1917–1918 годов. Надо было во что бы то ни стало предупредить создание единого

капиталистического фронта против СССР; надо было, если не предотвратить совсем, то по крайней мере на возможно более длительный срок оттянуть нападение фашистских держав на нашу страну Это диктовалось элементарным чувством самосохранения, свойственным каждому государству, независимо от его природы Это диктовалось также соображениями более общего характера. Ведь Советский Союз в рассматриваемое время был не просто одной из великих держав, существующих на нашей планете Советский Союз представлял собой нечто гораздо более важное он был тогда единственной на земле страной, которая являлась отечеством социализма и несла в себе зародыш коммунистического будущего всего человечества. На плечах советских людей того времени, в особенности на плечах Советского правительства, лежала величайшая ответственность за сохранение целостности и независимости страны столь исключительного исторического значения. Величайшая ответственность требовала и величайшей смелости, гибкости и решительности.

В середине августа 1939 года Советское правительство окончательно пришло к выводу, что политика Чемберлена и Даладье исключает возможность подписания эффективного тройственного пакта, и решило изменить курс своей политики, прекратить переговоры с Англией и Францией, ставшие беспредметными, и заключить соглашение с Германией Наши недруги за рубежом пустили в обращение клеветническую легенду, будто бы весной и летом 1939 года Советское правительство зани — малось двойной игрой вело открытые переговоры с Англией и Францией о тройственном пакте взаимопомощи против агрессоров, а за их спиной тайно договаривалось с Германией о дружественном соглашении и в конце концов предпочло Германию «западным демократиям». Для доказательства этих злостных измышлений государственный департамент США даже издал в 1948 году сугубо тенденциозную подборку из немецких дипломатических документов, захваченных американцами в Германии Однако подробный анализ названных документов, относящихся к периоду тройных переговоров, произведенный на предшествующих страницах, с несомненностью свидетельствует о полной лживости подобных утверждений. Напротив, вплоть до середины августа, несмотря на вопиющий саботаж тройных переговоров правительствами Англии и Франции, СССР оставался вполне лояльным их партнером и давал отпор всем попыткам Германии (которых было немало) вбить клин между СССР и «западными демократиями». Когда же к середине августа 1939 года Советское правительство пришло к

выводу о полной безнадежности тройных переговоров, оно приняло решение изменить курс своей политики и действительно его изменило. Советское правительство использовало здесь законное право всякого правительства о смене одной политической линии другой, если к тому его вынуждают обстоятельства. В данном же конкретном случае смена курса была тем более оправдана, что она была навязана Советскому правительству глупо преступным поведением Чемберлена и Даладье.

Советско-германское соглашение от 23 августа 1939 г., конечно, не было актом совершенства (да Советское правительство никогда и не считало его таковым), но оно во всяком случае предотвратило возможность создания единого капиталистического фронта против СССР, избавило 13 млн. западных украинцев и белорусов от страшной участи стать гитлеровскими рабами, обеспечило национальное воссоединение всех украинцев и белорусов в единое целое, быстро идущее по пути социалистического развития, и продвинуло советские границы на несколько сот километров в западном направлении, что имело большое стратегическое значение. Как показали последующие события, названное соглашение почти на два года оттянуло нападение Германии на СССР, сильно облегчило защиту основных центров страны и переход советских вооруженных сил в победоносное контрнаступление, сделало возможным разгром гитлеровской Германии и создало предпосылки для более быстрого восстановления СССР в его нынешних границах.

* * *

В качестве последнего слова мне хочется привести здесь две цитаты из высказываний двух людей, принадлежащих к двум противоположным лагерям.

27 ноября 1958 г. Н. С. Хрущев адресовал тогдашнему президенту США Д. Эйзенхауэру большую ноту, в которой, между прочим, коснулся мировой ситуации, как она сложилась накануне второй мировой войны.

> «Известно, что США, а также Великобритания и Франция, — говорил в этой ноте глава Советского правительства, — далеко не сразу пришли к выводу о необходимости установления сотрудничества с Советским Союзом в целях противодействия гитлеровской агрессии, хотя со стороны Советского

Правительства постоянно проявлялась готовность к этому. В столицах западных государств в течение длительного времени брали верх противоположные стремления…

Только когда фашистская Германия, опрокинув близорукие расчеты вдохновителей Мюнхена, повернула против западных держав, когда гитлеровская армия начала свое движение на Запад, раздавив Данию, Норвегию, Бельгию и Голландию и повергнув Францию, правительствам США и Великобритании не оставалось ничего иного, как признать допущенные ими просчеты и стать на путь организации совместного с Советским Союзом отпора фашистской Германии, Италии и Японии. При более дальновидной политике западных держав такое сотрудничество Советского Союза, США, Великобритании и Франции могло быть установлено намного раньше, в первые же годы после захвата Гитлером власти в Германии, и тогда не было бы ни оккупации Франции, ни Дюнкерка, ни Пёрл-Харбора (подчеркнуто мной. —Я. М.)»[87].

Тогда стало бы возможным сберечь миллионы человеческих жизней, отданных народами Советского Союза, Польши, Югославии, Франции, Англии, Чехословакии, США, Греции, Норвегии и других стран для обуздания агрессоров.

У. Черчилль в своих военных мемуарах, касаясь тройных переговоров 1939 года, пишет

«Не может быть сомнения, даже в свете исторической перспективы, что Англия и Франция должны были бы принять русское предложение… Но Чемберлен и министерство иностранных дел были точно заворожены загадкой сфинкса Когда события несутся с такой быстротой и таким огромным массовым потоком, как было в то время, правильнее всего делать последовательно один шах за другим. Союз Англии, Франции и России в 1939 году вызвал бы в сердце Германии глубочайшую тревогу, и никто не может доказать, что война тогда не могла бы быть предупреждена Следующий шаг мог бы быть предпринят при наличии превосходства сил на стороне союзников. Дипломатия вернула бы себе инициативу. Гитлер не мог бы позволить себе ни ввязаться в войну на два фронта, которую он сам всегда так сильно осуждал, ни допустить неудачу Жаль, что он не был поставлен в столь трудное

положение, которое могло бы стоить ему жизни… Если бы, например, мистер Чемберлен по получении русского предложения сказал «да, объединимся вместе все трое и сломаем Гитлеру шею» или какие-либо иные слова того же содержания, парламент это одобрил бы, Сталин это понял бы, и история могла бы принять иное течение… Вместо того (в ответ на русское предложение — И.М.) последовало долгое молчание, а тем временем подготовлялись разные полумеры и крючкотворные компромиссы»[88].

Несмотря на все различия между авторами приведенных цитат (а мне едва ли нужно доказывать, что они очень велики), оба едины в своем мнении, что вторая мировая война могла бы быть предотвращена, если бы СССР, Англия, Франция и США (а как минимум — СССР, Англия и Франция) быстро, твердо и решительно образовали эффективный барьер против агрессии фашистских держав.

Кто помешал образованию такого барьера? Советский Союз? Нет, Советский Союз в этом невиновен Наоборот, Советский Союз сделал человечески все возможное для создания барьера против агрессии Сказанное на предыдущих страницах не оставляет в этом ни малейшего сомнения Образованию тройственного барьера в действительности помешали «кливденская клика» в Англии и «200 семей» во Франции. А если говорить о лицах, которые помогали Гитлеру, которые наиболее полно олицетворяли эти реакционные силы и наиболее активно проводили угодную им политику, то надо в первую очередь назвать Невиля Чемберлена и Даладье. Трудно переоценить всю глубину их исторической ответственности за развязывание второй мировой войны и за бесчисленные жертвы, потери и страдания, которые она принесла с собой человечеству.

Указатель имен

Абэ—186
Айронсайд—149
Астахов —169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 178, 179, 180
Астор —49, 63, 105, 190
Бабарин —174, 175
Барту —39, 40, 42
Батлер —76, 77
Бек—100, 101
Бенеш —47, 73, 78
Бивен —51, 52
Бивербрук —35, 47, 48, 51, 52 53
Биркенхед —35
Болдуин —27, 44, 56, 58, 60,61
Бонне —76, 113, 118, 121
Бриан —68
Буллит—112, 113, 177
Бэрнетт—151, 158
Валэн —152, 158
Ванситарт —32, 35, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 48, 49, 50, 55, 56, 65, 66, 70, 71, 105
Ванситарт, леди —38, 39, 48,49, 70, 71
Вар дела —76, 77
Вейцзекер—172, 173, 175
Вийом—152, 158
Вильсон, Вудро—112
Вилсон, Хорас —65, 66, 105,
133, 146, 147, 177, 183
Винтертон —81, 82
Вольтат—146, 147, 148, 177, 183
Ворошилов—155, 156, 159,160,162, 183, 184
Вуд —63, 143
Галифакс —35, 49, 63, 64, 66, 67, 68, 69, 73, 74, 75, 80, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 92, 97, 98, 100, 101, 102, 105, 110, 113, 114, 118, 119, 120, 121, 123, 130, 131, 132, 133, 138, 139, 140, 142, 143, 144, 146, 148, 149, 150, 151, 154, 168, 170, 191
Гамелен —159
Геббельс —139
Гендерсон—113, 114
Георг V —56
Геринг —146
Гитлер —5, 14, 32, 33, 35, 43, 44, 45, 50, 55, 57, 59, 61, 62, 64,

67, 68, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83,92,93,94, 95, 96, 99, 101, 103, 104, 107, ИЗ, 115, 119, 120, 123, 125, 130, 147, 151, 159, 160, 168, 172, 182, 185, 186, 191, 196
Гоген —45
Горт—151
Готвальд —73
Гофман —165
Гренфелл —31
Гринвуд —74, 151
Даладье —8, 75, 77, 78, 79, 84, 95, 98, 111, 113, 115, 123, 128, 134, 135, 136, 140, 144, 145, 166, 167, 172, 177, 179, 182, 185, 186, 191, 192, 193, 194, 196
Далтон —150
Дирксен —80, 147
Дрэкс—151, 152, 153, 154, 157, 161, 162
Д уменк —152, 157, 158, 159;
160, 161, 162, 183, 187
Иден —35, 43, 44, 45, 46, 47; 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 64, 65, 93, 105, 133, 150
Кадоган —66, 98
Калинин—102
Каммингс —31
Келлог —68
Кеннеди Джозеф—124, 125
Керзон —14, 35,
Коллонтай —110
Кренборн —65
Кузнецов—155, 158
Купер —81
Лаваль —47, 56, 58, 59
Леже—111
Ленин —164, 165, 167, 192
Литвинов —13, 14, 15, 16, 17,
40, 42, 46, 47, 54, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 81, 82, 94, 95, 97, 98, 110, 115, 170, 171
Литльтон —57
Ллойд Джордж—15, 34, 35,
48, 51, 61, 62, 74, 103, 117
Локтионов—155, 158
Лотиан —48
Макдональд —24, 36, 37, 56
Мальборо —48
Мацудайра —20
Молотов —114, 145, 146, 175,176

Монк —22
Муссолини —56, 58, 59, 62,64, 65, 78, 79, 83, 84, 99, 100, 101, 102, 105, 107, 159, 191
Наджиар —72, 126, 136, 137 188
Овий —26, 27, 28, 97
Озерский—13, 24
Пайяр —72, 73, 74, 76
Рем —32
Ренсимен —30, 72
Ренуар —45
Риббентроп —68, 175, 176, 178,
179, 180, 181, 182, 183, 184
Рузвельт—102, 124
Рыдз-Смиглы —149
Саймон—17, 24, 25, 26, 27, 28,31, 32, 35, 37, 38, 39, 44, 45, 47, 48, 49, 56
Самуэль —48
Сезанн —45
Сесиль —57
Сиидс —94, 97, 102, 115, 121, 126, 136, 145, 146, 154, 156, 187, 188
Синклер —48, 150
Смородинов —155
Сноуден —37
Соммерсет —22
Сталин —45, 73, 99, 168, 180,
182, 184, 196
Стренг —46, 129, 130, 187
Сувич —56
Суриц—111, 112, 113, 114, 136
Тиля —94
Томас —37
Троцкий —164
Ферстер—139
Филинг —96, 133
Филиппов —170
Фланден —56
Франко —59, 60, 65, 85, 158
Хадсон—146, 147, 148, 183
Хейвуд—151, 158
Хеш —21
Хикс —35
Хиранума —186
Хор —49, 57, 58, 59, 63, 91, 92,

Хрущев—194
Чатфилд—156
Чемберлен, Джозеф —61
Чемберлен, Невиль —8, 22, 23, 35, 36, 47, 49, 57, 58, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 71, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 110, 111, 114, 115, 116, 117, 121, 122, 123, 124, 125, 128, 133, 134, 135, 136, 143, 146, 147, 148, 150, 151, 166, 167, 179, 182, 185, 186, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196
Чемберлен, Остин —35, 61
Черчилль —35, 36, 41, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 61, 63, 64, 73, 74, 75, 115, 116,125, 140, 167, 168, 195
Шапошников—155, 158
Шмидт —33, 34, 35
Шнурре—169, 170, 171, 174,
178, 180 Шоу —48
Штумм —170
Шуленбург—171, 172, 173, 175,
176, 177, 180, 181, 182
Эйзенхауэр —6, 194

notes

Примечания

1

Пять лет (1912–1917 гг), проведенные мной в лондонской эмиграции, описаны в моей книге воспоминаний «Путешествие в прошлое» (Акад И. М. Майский, Путешествие в прошлое. Воспоминания о русской политической эмиграции в Лондоне. 1912–1917 гг, Изд-во АН СССР, 1960).

2

АРКОС — в полной расшифровке «All-Russian Cooperative Society», то есть «Всероссийское кооперативное общество», — являлся в те годы центральным органом советской торговли в Англии, юридически оформленным как английская торговая компания.

3

Лорд-мэр лондонского Сити переизбирается ежегодно.

4

Так в то время правящая Англия именовала захват Японией Северо-Восточного Китая, осуществленный в 1931 году

5

Старшинство в дипломатическом корпусе определяется сроком пребывания посла в стране его аккредитования. Осенью 1932 года я, как только что прибывший в Лондон, был предпоследним в ряду послов в Англии Последним был германский посол фон Хеш, вручивший свои верительные грамоты английскому королю в тот же день, что и я, но на четверть часа позже меня Однако Хеш был холостяк, поэтому моя жена являлась самой младшей амбассадриссой.

6

Данный инцидент имел следующую дипломатическую концовку дня через два после инцидента я посетил заведующего протокольной частью Форин оффиса г-на Монка и, рассказав о происшедшем на открытии парламента, просил его принять меры к тому, чтобы в дальнейшем моей жене никогда не приходилось сидеть рядом с герцогиней Соммерсет. Монк выразил сожаление по поводу несдержанности герцогини, которая, по его словам, являлась настоящим «enfant terrible» при английском дворе, и (надо отдать ему справедливость) позаботился о том, чтобы на различных дипломатических завтраках и обедах моя жена и герцогиня Соммерсет больше никогда не оказывались соседками

Акад. И. М. Майский, Воспоминания советского посла в Англии, Изд-во ИМО, 1960

8

Английская комлания «Лена Голдфилдс» («Lena Goldfields») еще в 1908 году получила концессию от царского правительства на разработку ленских золотых приисков. Октябрьская революция положила конец этой концессии, однако в 1925 году на базе советского декрета 1920 года о концессиях «Лена Голдфилдс» заключила новый концессионный договор (конечно, на иных, чем в прошлом, условиях) и широко развернула добычу золота. В 1929 году на ее предприятиях работало около 15 тыс человек. Так как, однако, «Лена Голд-филдс», превратившаяся теперь из английского в англо-американский концерн, систематически пыталась вести свои дела по-капиталистически и поставило нарушала советские законы, между компанией и Советским правительством все время происходили трения и конфликты. В 1930 году в соответствии с концессионным договором было решено урегулировать все спорные вопросы путем арбитража, и между сторонами был даже согласован персональный состав арбитражного суда, однако за неделю до назначенного срока рассмотрения дела «Лена Голдфилдс» устроила локаут и даже закрыла свою контору в Москве Этими действиями компании концессионный договор был явно нарушен, юридически и фактически договор перестал существовать, и Советское правительство, естественно, не нашло возможным участвовать в арбитраже, предусмотренном потерявшим силу концессионным договором. Тем не менее «Лена Голд-филдс» настояла на том, чтобы два оставшихся члена арбитража (председатель и представитель компании) в отсутствие советского представителя все-таки рассмотрели спор Этот псевдоарбитраж вынес вердикт Советское правительство должно уплатить компании 3,5 млн. ф. ст. за вложенный компанией капитал и еще 9,5 млн. ф. ст. в виде компенсации за те прибыли, которые компания рассчитывала получить в течение оставшихся 25 лет до окончания срока концессии Разумеется, Советское правительство решительно отвергло ни на чем не основанные претензии «Лена Голдфилдс», и вот в начале 1933 года британское правительство (особенно сэр Джон Саймон) сделало попытку получить для компании ее «фунт мяса» в ходе переговоров о заключении нового англо-советского торгового соглашения

9

В конце 1932 года в СССР был создан «Торгсин» (полная расшифровка этого сокращения гласила «Торговля с иностранцами»). то есть особо хорошо снабженные продуктами продовольствия и предметами широкого потребления магазины, в которых отпуск товаров производился в обмен на золото, драгоценности и иностранную валюту. Целью «Торгсина» было сконцентрировать в руках правительства имеющиеся у населения золото и другие ценности в целях укрепления государственных ресурсов, необходимых для оплаты импорта машин и оборудования из-за границы. Одновременно были закрыты лавки «Инснаба», из которых до того иностранные диплом маты в Москве получали в неограниченном количестве продовольственные и другие товары на советские деньги (в эти годы продовольствие и другие товары выдавались населению по карточкам). На практике система снабжения через «Инснаб» вела к многочисленным злоупотреблениям со стороны иностранных дипломатов и служила средством незаконного обогащения многих из них. С открытием магазинов «Торгсина» иностранным дипломатам было предложено отныне удовлетворять свои продовольственные и другие потребности через «Торгсин», то есть уплачивать за нужные им товары золотом или валютой. Это лишало дипломатических спекулянтов крупных доходов, и многие из них шумно выражали протесты против мероприятий Советского правительства. Во главе таких «недовольных» дипломатов стоял английский посол в Москве сэр Эсмонд Овий. Вот почему английская сторона в ходе торговых переговоров предъявила столь нелепое и оскорбительное требование к Советскому правительству.

10

Некоторое представление о тогдашнем соотношении сил между различными партиями может дать исход парламентских выборов в ноябре 1935 года. Он сводился к следующему.

11

«Правда», 1 апреля 1935 г

12

Впрочем, Хор недолго ходил без портфеля, ведь он был для правящей верхушки вполне «свой человек». Правда, в вопросе с Эфиопией он оступился, но нельзя же было долго сердиться на такого надежного коллегу! В 1936 году, когда общественные страсти несколько улеглись, Хор был назначен морским министром, а позднее министром внутренних дел.

13

Подробности см. в моих воспоминаниях о Комитете по невмешательству в дела Испании, озаглавленных «Иапанские тетради», Воениздат, 1962.

«Конец недели», то есть суббота с часу дня и воскресенье.

15

«Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 17, 23, 36–36.

«Известия», 18 марта 1938 г.

17

См. «Documents on British Foreign Policy (1919–1939)», Third Series, vol I, L, 1949, p. 101 (В дальнейшем: «DBFP»)

18

См «За прочный мир, за народную демократию», 21 декабря 1949 г.

19

У.Черчилль пишет «2 сентября после обеда я получил срочное сообщение от советского посла, что он хотел бы посетить меня в Чартвелле по не терпящему отлагательства делу… Я принял его, и после нескольких вступительных фраз он рассказал мне в очень точных и ясных выражениях историю, которая изложена ниже. Очень скоро я понял, что Советское правительство предпочло обратиться с этим сообщением ко мне, частному лицу, а не прямо к министру иностранных дел из опасения неприязненной реакции в этом учреждении. Было очевидно, что сообщение сделано мне с тем расчетом, что я доведу о нем до сведения правительства его величества. Посол этого не говорил, но это само собой разумелось, ибо он не просил меня сохранить его информацию в тайне. Так как вопрос, поднятый послом, имел первоклассное значение, я постарался сообщить о нем Галифаксу и Чемберлену в такой форме и таким языком, чтобы избежать какого-либо конфликта между нами».

И дальше Черчилль приводит текстуально свое письмо Галифаксу, в котором очень точно изложено то, что я ему тогда сообщил о разговоре Литвинова с Пайяром (W. Churchill, Second World War, vol I, pp. 263–265).

Как видно из текста, обстоятельства и мотивы, которые побудили меня обратиться к Черчиллю в данном случае, были несколько иные, чем те, которые он приводит в объяснение моих действий, но самый факт обращения передан правильно.

20

W. Churchill, Second World War, vol. I, p. 266.

21

Верхушка чехословацкой буржуазии, в том числе Бенеш и ряд членов правительства, были настроены капитулянтски, что значительно облегчало задачу Чемберлена и Даладье.

22

В Испании тогда (в дни Мюнхена) еще шла война

23

«Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 146–147.

«Правда», 14 октября 1938 г.

«DBFP», Third Series, vol II, L, 1949, pp. 623–626.

«DBFP», Third Series, vol III, L, 1950, p. 331

27

См «The Times», March 11, 1939.

28

См. «Parliamentary Debates House of Commons», vol 345, col 435–462.

29

Биограф Невиля Чемберлена Кис Филинг приводит следующий отрывок из письма Чемберлена от 26 марта 1939 г. к своей сестре

> «Я должен сознаться, что я питаю самое глубокое недоверие к России Я совсем не верю в ее способности вести эффективные наступательные операции, даже если бы она того хотела И я не доверяю ее мотивам, которые кажутся мне имеющими мало общего с нашими представлениями о свободе Она стремится лишь всех подмять под себя» (Keith Feiling, The Life of Neville Chamberlain, L, 1946, p. 403).

Как видим, наше тогдашнее недоверие к Невилю Чемберлену было хорошо обосновано.

30

См. «DBFP», Third Series, vol V, L, 1952, p. 392

31

См. «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 344, col. 1462

32

См. «DBFP», Third Series, vol. V, p. 431

«DBFP», Third Series, vol V, p. 43

Однажды, например, Буллит устроил в своем посольстве дипломатический прием, который больше походил на какой-то шабаш на ведьминой горе. Во время этого приема не только «шампанское лилось рекой» и различные яства предлагались в гомерических размерах, но даже само здание посольства было превращено в нечто, напоминающее зверинец: по комнатам летали птицы, между столами бегали козлы, а в особо «почетном» углу, среди растений, сердито рычал живой медведь. Конечно, такой прием был совершенно, исключительной «сенсацией» в стиле Голливуда, но авторитета американскому послу он не прибавил.

«DBFP», Third Series, vol. V, p. 453

36

См. «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 347, eol. 1810–1960.

«DBFP», Third Series, vol. V, p. 634.

«Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 347, col. 2267.

«DBFP», Third Series, vol. V, pp. 50–51.

40

Имеется в виду большой фашистский парад, который гитлеровцы устраивали ежегодно в сентябре в Нюрнберге.

41

См. «DBFP», Third Series, vol V, p. 679

«DBFP», Thud Series, vol. VI, L, 1953, p. 51.

43

Летом 1939 года до меня доходили лишь несколько неопределенные слухи об этой попытке Идена выправить положение. Значительно позднее, уже во время войны, Иден мне сам рассказал о своей тогдашней неудаче. О том же рассказывают биограф Невиля Чемберлена Кис Филинг (см. Keith F e l l i n g, The Life of Neville Chamberlain, p. 409) и У. Черчилль (W. Churchill, Second World War, vol. I, p. 347),

См. «DBFP», Third Series, vol. V, pp. 140–142.

45

Год подписания франко-советского пакта взаимопомощи.

См. «DBFP», Third Series, vol. VI, p. 450.

Ibid, p. 448.

48

См «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, стр. 70–77, А. М.Некрич, Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938 —сентябрь 1939), Изд-во АН СССР, 1955, стр. 359–362, 365–369.

49

См. «Parliamentary Debates. House of Commons», vol. 350, col. 2023.

«DBFP», Third Series, vol. VI, p. 736. стр. 145.

«DBFP», Third Series, vol VI, pp. 682–683.

«DBFP», Third Series, vol VII, L, 1954, p. 45.

«DBFP», Third Series, vol VII, p. 46.

1bid, pp. 46 — 47

55

«Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.», «Международная жизнь», 1959 г, № 2,

56

«Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.», «Международная жизнь», 1959 г, № 2, стр. 145

Там же.

58

См «Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г», «Международная жиэнь», 1959 г., № 2, стр. 144–158, № 3, стр. 139 — 158

59

«Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г», «Международная жизнь», 1959 г., № 2, стр. 154.

60

«Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г», «Международная жизнь», 1959 г., № 2, стр. 155 — 156

61

«Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г», «Международная жизнь», 1959 г, № 2, стр. 156

Там же, стр. 156

63

«Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.», «Международная жизнь», 1959 г, № 3, стр. 157.

Любопытным подтверждением правильности ленинского маневрирования в дни Бреста, подтверждением — странно сказать — из лагеря наших врагов, являются размышления немецкого генерала Гофмана, принимавшего участие в брест-литовских переговорах с германской стороны В своей книге «Война упущенных возможностей» он, между прочим, писал «Я часто раздумывал о том, не лучше ли было бы, если бы имперское правительство и верховное военное командование уклонилась от всяких переговоров с большевистскими властями Тем самым, что мы дали им возможность заключить мир и таким образом исполнить страстное желание народных масс, мы им помогли прочно захватить власть и удержать ее» (Гофман, Война упущенных возможностей, Госиздат, 1925, стр, 160),

W. C h u r c h i 11, Second World War, vol. I, p. 331.

W. Churchill, Second World War, vol I, p. 326

См «Nazi-Soviet Relations 1939–1941», Wash, 1948. (В дальнейшем. «NSR»).

«NSR», p. 3.

«NSR», p. 4.

I b id. 5

71

См. «NSR», p. 6.

Ibid., p. 7

Ibid, p. 9.

64 «NSR», pp. 26—27

«NSR», pp. 33–36,

I b i d., p. 36.

«NSR», pp. 40—41

Вот любопытное свидетельство отсутствия каких-либо нелояльных действий Советского правительства, исходящее из мало дружественных ему источников Американский посол в Париже Уильям Буллит в своем донесении 28 июня 1939 г. о беседе с французским премьером Даладье, между прочим, пишет:

> «Даладье сказал, что он, конечно, не доверяет русским заявлениям (о лояльности в отношении англичан и французов — И.М.), однако до сих пор ни французские, ни британские посольства, ни разведка не могли получить какую-либо информацию, указывающую на то, что русские ведут переговоры с Германией» («Foreign Relations of the United States. 1939», vol I, Wash, 1956, p. 278) Ларчик открывался просто таких переговоров действительно не было Как согласовать эти заявления Даладье с выше цитированными (см. стр. 167) утверждениями того же Даладье, будто бы СССР «с мая 1939 года сговаривался» с Германией за спиной у Франции? Видимо, не только гоголевская унтер-офицерская вдова, но и премьер-министр Франции может сам себя высечь.

I b i d., pp. 50—52

80

19 августа в Берлине было подписано торгово-кредитное соглашение между СССР и Германией, предусматривавшее предоставление Германией СССР кредита в размере 200 млн. германских марок сроком на семь лет из 5 % годовых. Закупка германских товаров в счет этого кредита была рассчитана на два года. СССР в тот же срок должен был поставить Германии товаров на сумму в 180 млн. марок («Известия», 21 августа 1939 г.). Как видим, объем соглашения был довольно скромный и не шел ни в какое сравнение с теми суммами (500—1000 млн. ф. ст), которые фигурировали в качестве возможного займа при переговорах в Лондоне Вольтата с Хадсоном и Хорасом Вилсоном.

81

См. «NSR», pp. 66–67.

82

«Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.», «Международная жизнь», 1959 г., № 3, стр 148.

«Известия», 24 августа 1939 г.

«DBFP», Third Series, vol. VII, p. 119.

85

«Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции в Москве в августе 1939 г.», «Международная жизнь», 1959 г., № 3, стр. 156.

«Правда», 27 августа 1939 г.

«Правда», 28 ноября 1958 г

88

W. Churchill, Second World War, vol. I, pp 325—328